«ВИДНЕЙШИЙ МИРОВОЙ ПИСАТЕЛЬ-ФАНТАСТ»
NEWSDAY

АЙЗЕК АЗИМОВ

КОСМИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ИМПЕРИЯ

Космические течения
Айзек Азимов

Аннотация
Айзек Азимов. Космические течения
Пролог. Год назад
Глава 1. Найденыш
Глава 2. Староста
Глава 3. Библиотекарь
Глава 4. Бунтарь
Глава 5. Ученый
Глава 6. Посол
Глава 7. Патрульный
Глава 8. Леди
Глава 9. Нобиль
Глава 10. Беглец
Глава 11. Капитан
Глава 12. Детектив
Глава 13. Яхтсмен
Глава 14. Перебежчик
Глава 15. Пленник
Глава 16. Обвиняемый
Глава 17. Обвинитель
Глава 18. Победители
Эпилог. Год спустя

Аннотация

Высоко над поверхностью Флорины сквайры Сарк живут в невообразимом богатстве и комфорте. Однако внизу, в вечной весне планеты, местные флорианцы непрерывно трудятся, чтобы произвести драгоценный кырт, который приносит процветание их хозяевам.

Восстание немыслимо и невозможно. У флорианцев больше нет концепции свободы, ведь любое нарушение торговли кыртом вызовет конфликт с другими планетами, что приведет к галактической войне. А Галактическая империя, стремящаяся к объединению всего человечества, позволяет угнетению продолжаться.

Рика похитили и промыли мозги. Теперь он человек без памяти и прошлого, влачащий существование среди работяг Флорины. Однако, когда его воспоминания начинают возвращаться, Рик обнаруживает, что он несет зашифрованное послание: все на Флорине погибнет из-за Космических Течений. Но если планета будет эвакуирована, власть

Сарков обратится в ничто, и есть те, кто убил бы посланника. Судьба Галактики отныне висит на волоске.

Айзек Азимов
Космические течения

Isaac Asimov
THE CURRENTS OF SPACE

© С. Резник, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*** * ***

Посвящается Дэвиду, который не торопился прийти в этот мир, но чьего появления стоило ждать

Пролог. Год назад

Человек с Земли принял решение. Оно вызревало долго и мучительно, но час пробил.

Минуло несколько недель с тех пор, как он покинул надежную палубу своего корабля, укутанного холодной чернотой космоса. Собирался по-быстрому отослать краткий рапорт в местное отделение Межзвездного Пространственно-аналитического Бюро и так же быстро вернуться в космос. Вместо этого крепко здесь застрял.

Точно в силок угодил.

Допив чай, он посмотрел на человека, сидящего напротив, и произнес:

— Долее я тут оставаться не намерен.

Этот другой принял решение. Оно вызревало долго и мучительно, но час пробил. Ему требовалось время, гораздо больше времени. Ответа на первые письма не последовало. Они словно в черную дыру канули. Впрочем, большего — или, вернее, меньшего — он и не ждал. В любом случае это был только первый ход.

Ясно было одно: пока суд да дело, нельзя позволить человеку с Земли ускользнуть. Он сжал

гладкий черный стержень, лежащий в кармане, и сказал:

— Вы не улавливаете тонкостей данной проблемы.

— Что тонкого в гибели целой планеты? — возразил землянин. — Я хочу, чтобы вы оповестили о грядущем жителей Сарка, всех до одного.

— Мы не можем. Поймите, начнется паника.

— Но вы обещали!

— Я все обдумал и решил, что это нерационально.

— Представитель МПБ так и не явился. — Землянин перешел к следующей своей претензии.

— Знаю. Они слишком заняты мерами по преодолению кризиса. Подождите еще день или два.

— День или два! Опять «день или два»! Неужели все настолько заняты, что не могут уделить мне минуту? Они даже моих расчетов не видели.

— Я предлагал вам свое посредничество. Вы не согласились.

— И не соглашусь. Или они ко мне придут, или я к ним. По-моему, вы мне не верите, — с жаром прибавил землянин. — Не верите, что Флорине грозит гибель.

— Я вам верю.

— Нет, не верите. Не верите! По глазам вижу.

Вы надо мной смеетесь. Вы не пространственный аналитик и ничего не понимаете в моих расчетах. Я даже не знаю, тот ли вы, за кого себя выдаете. Кто вы такой?

— Вы перевозбуждены.

— Разумеется, что в этом удивительного? Или вы принимаете меня за психа? Думаете, небось: «Бедолага, космос свел его с ума».

— Вздор.

— Думаете, думаете. Вот почему я хочу встретиться с представителями МПБ. Уж они-то разберутся, псих я или нет. Они узнают правду.

Второй мужчина вспомнил о принятом им решении и сказал:

— По-моему, вам нехорошо. Я помогу.

— Нет, не поможете! — истерично взвизгнул землянин. — Потому что я ухожу! И немедленно. Вам меня не остановить, лучше сразу убейте. Но вы не посмеете. А если все-таки посмеете, на вашей совести окажется смерть жителей целой планеты!

— Я не собираюсь вас убивать! — второй человек возвысил голос, пытаясь перекричать землянина. — Успокойтесь, не буду я вас убивать, в этом нет нужды.

— Значит, просто свяжете, лишь бы удержать

меня здесь. Вы это замыслили? А что будете делать, когда меня хватятся в МПБ? Я должен регулярно отсылать им отчеты, так-то вот.

— В Бюро знают, что со мной вы в безопасности.

— Да ну? А им вообще известно, что я высадился на планете? Интересно, дошло ли до них мое первое сообщение?

Голова у землянина закружилась. Конечности словно одеревенели.

Второй человек поднялся. Он убедился, что решение было вполне своевременным. Неторопливо обогнув длинный стол, подошел к землянину.

— Это ради вашего же блага, — участливо сказал он, доставая из кармана черный стержень.

— Психозонд, — неразборчиво прохрипел землянин, пытаясь встать, однако ноги отказались ему повиноваться. — Опоили… — процедил он сквозь сведенные судорогой челюсти.

— Опоил, — легко согласился второй. — А теперь послушайте меня. Я не причиню вам вреда. Просто в таком возбужденном, встревоженном состоянии вы не можете уяснить всю щепетильность вопроса. Я уберу вашу тревожность, одну только тревожность.

Говорить землянин больше не мог. Он сидел в оцепенении и думал: «О, великий космос, меня опоили». Хотелось кричать, визжать, бежать без оглядки, но, увы…

Второй человек подошел вплотную и навис над ним. Землянин поднял взгляд. Глаза еще двигались.

Психозонд являлся автономным прибором. Требовалось лишь закрепить проводки на голове в определенных местах. Землянин в ужасе наблюдал за приближением стержня, пока не отказали глаза. Он не почувствовал, как тонкие острые щупы проникли под кожу и вонзились в черепные швы.

Ему оставалось только безмолвно вопить: «Вы не понимаете! Речь о планете, населенной людьми! Нельзя рисковать жизнью сотен миллионов. Неужели до вас это не доходит?»

Голос второго человека звучал все слабее и глуше, словно с дальнего конца длинного, продуваемого ветром туннеля:

— Больно не будет. Уже через час вам станет лучше, гораздо лучше. И мы вместе посмеемся над этим досадным недоразумением.

Землянин ощутил слабую вибрацию в черепе, затем исчезла и она.

Тьма сгустилась и придавила его. Часть ее так никогда и не рассеялась. Потребовался год, чтобы слегка приподнять черную завесу.

Глава 1. Найденыш

Рик отложил фидер и вскочил на ноги. Его так трясло, что пришлось привалиться к голой, молочно-белой стене.

— Вспомнил! — закричал он.

Все повернулись к нему. Неразборчивое бормотание жующих людей стихло. Он видел их лица — неважно вымытые и неважно выбритые, бледные, лоснящиеся в тусклом свечении стен. В глазах не было любопытства — скорее рефлекторная реакция на неожиданный раздражитель.

— Я вспомнил свою работу, — вновь закричал Рик. — У меня была работа!

— Заглохни ты! — крикнул один.

— И сядь уже! — добавил другой.

Все отвернулись, гул возобновился. Рик растерянно опустил взгляд. Кто-то бросил: «Чокнутый Рик». Кто-то пожал плечами или покрутил пальцем у виска. Все это ничего не значило. Проходило мимо его сознания.

Он медленно сел. Схватил фидер, похожий на ложку с острым краем и небольшими зубцами, которым одинаково неудобно было зачерпывать,

резать и накалывать. Для фабричных рабочих и такое сойдет… Рик перевернул фидер и невидяще уставился на номер, выбитый на обратной стороне ручки. Рику и не требовалось его видеть. Цифры он знал наизусть. Номера присваивались всем, однако у других имелись еще имена. У него же имени не было. Его прозвали Риком. На сленге рабочих кыртопрядильни это слово означало «дурень». Частенько к прозвищу добавляли эпитет «чокнутый».

Может быть, за первым воспоминанием последуют другие? Осколок прошлого вернулся к нему впервые с тех пор, как Рик попал на ткацкую фабрику. Если бы только ему удалось сосредоточиться! Как следует обо всем поразмыслить!

Есть расхотелось. От голода не осталось и следа. Он воткнул фидер в желеобразный брикет мяса с овощами, оттолкнул еду и впился глазами в собственные ладони. Потом запустил пальцы в волосы, мучительно пытаясь шаг за шагом пробиться мыслями в бездну, откуда извлек единственное воспоминание, смутное и нечеткое.

Он разрыдался, и тут прозвенел звонок, возвещая окончание обеденного перерыва.

Когда вечером он вышел с фабрики, его догнала Валона Марч. Он не сразу заметил ее присут-

ствие. Остановился, лишь услышав шаги нога в ногу с его собственными. У Валоны были темно-русые волосы. Она заплетала их в две толстые косы, которые скрепляла магнитными заколками с зелеными камешками — дешевыми, потускневшими безделушками. На ней было простое ситцевое платье, вполне подходящее для здешнего мягкого климата. Рик тоже обходился безрукавкой и хлопчатобумажными брюками.

— Я слыхала, с тобой что-то приключилось в обед, — сказала Валона.

Говор у нее был резким, типичным для поселян. Тогда как речь самого Рика отличалась сильной гнусавостью. Местные насмехались и передразнивали его, но Валона объяснила, что это они по невежеству.

— Ничего не приключилось, Лона, — пробормотал он.

— Мне рассказывали, ты что-то вспомнил, — не отступалась она. — Рик, это правда?

Валона тоже звала его Риком. А как же иначе? Своего настоящего имени он не помнил, хотя пытался вспомнить изо всех сил. И Лона ему помогала. Однажды даже раздобыла где-то рваный городской справочник и принялась зачитывать вслух имена, но все они звучали одинаково

чуждо.

— Я должен уйти с фабрики. — Он заглянул ей в глаза.

Валона нахмурилась. На ее круглом широкоскулом лице появилось встревоженное выражение.

— Ты не можешь уйти. Это плохо.

— Я должен побольше узнать о себе.

— Вряд ли это поможет. — Она облизнула губы.

Рик опустил глаза. Он не сомневался в искренности ее беспокойства. Именно Лона помогла ему устроиться на фабрику. Опыта работы с ткацкими станками у него не было. А может, был, просто Рик ничего не помнил? В общем, Лона убедила остальных, что ручной труд ему не потянуть, и его согласились бесплатно обучить работе на станках. В те жуткие дни, когда он не только не мог говорить, но даже не понимал, что такое еда, Лона заботилась о нем и кормила с ложечки. Она спасла ему жизнь.

— Я должен.

— Рик, у тебя опять голова болит, да?

— Нет. Я действительно кое-что вспомнил. Вспомнил, кем работал прежде. Вспомнил!

Рассказать ей или нет? Он отвернулся. Теплое солнце уже клонилось к горизонту, до заката оставалось часа два. Во все стороны от фабри-

ки тянулись тоскливые ряды однокомнатных домиков для рабочих, но стоило подняться на вершину холма, и вокруг раскинутся багрянец и золото полей.

Эти поля понравились ему с первого взгляда. Их вид успокаивал и радовал глаз. Даже в ту пору, когда он не знал, что поля именно «золотые» и «багряные», когда само понятие цвета было ему неведомо, а восхищение он мог выразить лишь тихим клекотом. В полях его головная боль проходила быстрее. В те дни Валона каждый выходной брала напрокат диамагнитный скутер, и они покидали поселок. Антиграв мягко нес их вперед, они скользили в футе над землей, пока не оказывались за много миль от человеческого жилья. В лицо бил ветер, напоенный ароматом цветущего кырта, и не было ничего, кроме этого ветра.

Они усаживались на меже, окруженные цветами, запахами и солнечным светом, делили пополам пищевой брикет и так проводили весь день, пока не наступало время возвращаться.

Эти воспоминания всколыхнули что-то в душе Рика.

— Лона, давай отправимся в поля.

— Уже поздно.

— Ну пожалуйста, недалеко, только за окраину

поселка.

Валона порылась в тощем кошельке. Она держала его за голубым кожаным ремешком — единственным украшением, которое могла себе позволить. Рик удержал ее руку.

— Прогуляемся пешком.

Через полчаса они свернули с шоссе на извилистую песчаную тропинку. Между ними висело тяжелое молчание, и знакомый страх сжал сердце Валоны. Она не знала слов, чтобы выразить свои чувства к Рику, поэтому даже и не пыталась.

Что, если он ее бросит? Для мужчины Рик был сравнительно невысок, с нее ростом, а весил и того меньше. Во многом он оставался сущим ребенком. Однако до того, как ему отключили мозги, он явно был из образованных. Из образованных и непростых.

Сама Валона систематического образования не получила. Закончила ремесленное училище, где ее научили читать, писать и обслуживать ткацкие станки. Однако ей хватало ума понимать, что далеко не все столь ограниченны. Взять того же старосту, чьи знания приносили поселку огромную пользу. Иногда на фабрику наезжали с проверками нобили. Лона никогда не встречала их вблизи, но как-то раз побывала в Городе

и своими глазами видела несколько невероятно величественных существ. Изредка рабочим случалось слышать, как разговаривают образованные. Их речь звучала иначе: более гладко, певуче. А сколько длинных слов! И речь Рика, по мере того как к нему возвращалась память, становилась все больше похожей на их речь.

Его первые слова напугали Валону. Он произнес их совершенно неожиданно после мучительного, со слезами, приступа мигрени. Выговор у него оказался чудной, но все попытки его выправить ни к чему не привели.

Уже тогда она испугалась, что к нему вернется память и он ее бросит. Кто она такая? Всего-навсего Валона Марч, прозванная Лоной-Орясиной. Она никогда не была замужем. Да и кто возьмет такую: здоровенная деваха с крупными ступнями и покрасневшими от работы руками. На танцульках по выходным ей приходилось подпирать стенку и с немой обидой смотреть на парней, в упор ее не замечающих. Лона была слишком внушительной, чтобы глупо хихикать и улыбаться.

Никогда ей не прижать к сердцу дитя. Девушки вокруг рожали одна за другой, ей же оставалось бросать со стороны завистливые взгляды на что-то безволосое, розовое, с зажмуренными глаз-

ками, липким ротиком и беспомощно сжатыми кулачками… «Твоя очередь, Лона». «А ты когда родишь, Лона?»

Она только отводила глаза.

А затем появился Рик, сам немногим отличавшийся от младенца. О нем тоже надо было заботиться: кормить, выводить на прогулку, баюкать, когда его мучила головная боль. Дети с хохотом бегали за ней, крича: «Лона-Орясина завела себе дружка! У Орясины дурень-дружок! Рик-женишок!»

Когда Рик смог самостоятельно выйти на улицу поселка (Лона была так горда, когда он сделал первый шаг, словно Рику и правда был один год, а не все тридцать), дети принялись бегать вокруг него, вопить и насмехаться над взрослым мужчиной, жмурящимся от страха. Тот только ежился и скулил в ответ. Лоне не один раз пришлось выходить из дома и отгонять ребятню, грозя кулачищами.

Ее кулаков опасались даже взрослые мужики. В день, когда Рик впервые пришел с ней на фабрику, она одним мощным ударом вырубила начальника цеха, отпустившего за их спинами непристойность. Фабричный совет оштрафовал ее, удержав недельный заработок. Если бы не

заступничество старосты, решившего, что Лону спровоцировали, не избежать бы ей суда.

Вот почему она не хотела, чтобы к Рику вернулась память. Лоне нечего было ему предложить, и она эгоистично рассчитывала, что он навечно останется беспомощным и пустоголовым. Просто она впервые стала для кого-то спасительным островом. И теперь боялась вновь стать островом необитаемым.

— Рик, а ты уверен, что это было воспоминание?

— Да.

Они стояли посреди полей. Солнце окрасило алым окрестности. Вскоре должен был подуть ароматный вечерний ветер, шахматная доска ирригационных каналов уже начала багроветь.

— Моей памяти можно доверять, Лона, сама знаешь. Например, не ты научила меня говорить. Я сам вспомнил слова. Согласна?

— Да, — нехотя ответила она.

— Я помню дни, когда ты увозила меня, еще бессловесного, в поля. Я постоянно вспоминаю все новые и новые подробности. Вчера вспомнил, как ты поймала мне кыртового светлячка. Сжала ладони лодочкой и дала заглянуть между большими пальцами. Там, в темноте, сиял

оранжево-пурпурный огонек. Я засмеялся и попытался просунуть туда руку. Светлячок улетел, а я расплакался. Тогда я не знал, что это за насекомое, — теперь знаю. Но ведь ты не рассказывала мне о том случае, правда?

Лона покачала головой.

— И тем не менее все было именно так? Мои воспоминания не лгут?

— Все так и было, Рик.

— А теперь я припомнил кое-что из моей прежней жизни. Должна же была быть у меня прежняя жизнь.

Должна, конечно. При одной мысли об этом на Лону наваливалась тяжесть. Его прежняя жизнь наверняка мало походила на нынешнюю. И прошла она на другой планете. Ведь единственным незнакомым Рику словом было слово «кырт». Лоне пришлось объяснить, что так называется растение, важнее которого нет ничего на Флорине.

— Что же ты вспомнил? — спросила она.

Рик сразу как-то увял и замялся:

— Лона, воспоминание довольно путаное. Просто вспомнил, что у меня была работа. Вспомнил, в чем она заключалась. По крайней мере, отчасти.

— В чем же?

— Я анализировал Ничто.

Лона резко повернулась к нему и пристально посмотрела в глаза. Потом приложила ладонь к его лбу, но Рик в раздражении отстранился.

— У тебя опять разболелась голова? Ты уже несколько недель не жаловался на мигрень.

— Ничего у меня не болит. Отстань.

Она сразу потупилась, и Рик прибавил:

— Я вовсе не имел в виду, что ты мне надоедаешь, Лона. Только хотел сказать, что чувствую себя хорошо и тебе не надо так беспокоиться.

Она просветлела.

— А что значит «анализировал»?

Рик знал слова, о которых Лона понятия не имела. Она робела при одной мысли о том, каким образованным он был когда-то.

— Это означает… — Он ненадолго задумался. — Означает «разлагать на части». Представь, как мы разбираем сортировщик, чтобы выяснить, почему сбоит сканирующий луч.

— А-а. Но, Рик, неужели можно ничего не анализировать? Разве ж это работа?

— Я не сказал, что ничего не анализировал. Я сказал, что анализировал Ничто. С большой буквы «Н».

— А это не одно и то же? — спросила она, подумав про себя: «Ну, вот и все. Я стала для него дурочкой. Скоро он с отвращением меня бросит».

— Разумеется, нет. — Рик глубоко вздохнул. — Сожалею, но я вряд ли смогу хорошо объяснить. Пока это все, что я вспомнил. Однако работа наверняка была очень важной. Я это чувствую. Сомневаюсь, что я был преступником.

Валона поморщилась. Зря она тогда ему рассказала. Она убеждала себя, что предупредила Рика ради его же блага, хотя в глубине души понимала: она сделала это, чтобы еще крепче привязать его к себе.

Это случилось, когда Рик впервые заговорил. Он заговорил так внезапно, что Лона перепугалась. Даже не решилась посоветоваться со старостой. В следующий выходной она сняла со своих накоплений пять кредитов (все равно мужчины, который выбранил бы ее за то, что она растранжирила свое скромное приданое, на горизонте не просматривалось) и отвезла Рика в город к врачу. Имя и адрес были написаны на клочке бумаги, тем не менее ей потребовалось два часа кошмарных блужданий среди мощных колонн, возносящих к солнцу Верхний город, чтобы найти нужное здание.

Лона настояла на приеме, и врач, вооружившись странными инструментами, проделал над Риком все мыслимые и немыслимые процедуры. Затем поместил его между двумя металлическими штуковинами, сразу засиявшими, будто кыртовые светлячки в полночь. Лона вскочила и принялась хватать врача за руки, требуя немедленно прекратить. Он вызвал двоих мужчин, и те выволокли брыкающуюся Лону за дверь.

Полчаса спустя врач сам вышел к ней. Он хмурился. Лона чувствовала себя неуютно, ведь врач был из нобилей, пусть и держал кабинет в Нижнем городе и смотрел на нее мягко, даже ласково. Вытерев руки маленьким полотенцем, он швырнул его в мусорное ведро, хотя, на ее взгляд, полотенце было совершенно чистым.

— Когда именно ты обнаружила этого человека?

Лона рассказала ему, как было дело, стараясь не сболтнуть лишнего и не упомянуть ни старосту, ни патруль.

— То есть ты ничего о нем не знаешь?

— О его прошлой жизни? Ничего. — Она помотала головой.

— Этого человека подвергли психозондированию. Ты понимаешь, что это такое?

Она хотела опять покачать головой, потом произнесла свистящим шепотом:

— Это то, что делают с сумасшедшими, да, доктор?

— И с преступниками. С помощью психозондирования им меняют образ мыслей. Ради их же блага. Оздоравливают разум или лишают того, что заставляет красть и убивать. Ты меня понимаешь?

Да, Лона понимала. Покраснев до корней волос, она сказала:

— Рик никогда ничего не крал. И он даже мухи не обидит.

Похоже, врач удивился:

— Так ты зовешь его Риком? Послушай, что я скажу. Тебе неизвестно о том, каким он был прежде. И состояние его разума не позволяет об этом судить. Зондирование было глубоким и грубым. Не могу сказать, какая часть разума стерта навсегда, а какая пострадала от шока и может со временем возвратиться. Некая грань его натуры может вернуться так же, как вернулась речь, вот о чем я толкую. Парня следует поместить под наблюдение.

— Нет-нет, он останется со мной. Я хорошо за ним ухаживаю.

Врач вновь нахмурился, затем его голос сделался проникновеннее:

— Я ведь о тебе беспокоюсь, девочка. Кто знает, весь ли порок удалили из его головы? Этот человек может однажды причинить тебе боль.

Тут медсестра вывела Рика, бормоча ему что-то успокаивающее, как ребенку. Он же держался за голову, глядя в пустоту. Потом заметил Лону, протянул к ней руки и захныкал:

— Лона, Лона…

Она бросилась к нему, крепко прижала к груди и сказала:

— Нет, доктор, он ни за что не сделает мне больно.

— Я, конечно, должен буду доложить об этом случае, — задумчиво произнес врач. — Ума не приложу, как он удрал из-под стражи в таком-то состоянии.

— То есть Рика у меня заберут?

— Боюсь, что да.

— Пожалуйста, доктор, не сообщайте никому! — Она выхватила носовой платок, в котором тускло блеснули пять монет, и сунула их врачу. — Возьмите, доктор! Это вам. Я сама позабочусь о Рике. Он никому не причинит зла.

— Ты работаешь на ткацкой фабрике? — спро-

сил он, глядя на монеты в своей ладони.

Лона кивнула.

— Сколько тебе платят?

— Две восьмых кредита в неделю.

Врач слегка подбросил монетки, сжал пальцы. Металл звякнул.

— Забери их, девочка. — Он протянул деньги Лоне. — Ты ничего мне не должна.

— И вы никому не расскажете о Рике? — Лона в изумлении взяла назад кредиты.

— Увы, я должен. Таков закон.

Обратно в поселок она ехала с тяжелым сердцем, почти не видя дороги и отчаянно прижимая к себе Рика.

На следующей неделе в новостях по гипервидео прошел сюжет о враче, погибшем из-за отказа гироскопа во время короткого замыкания на местной энергонесущей балке. Имя показалось Лоне знакомым. Вечером, вернувшись домой, она сверилась с бумажкой. Имена совпадали.

Она огорчилась, потому что доктор был хорошим человеком. Его адрес ей когда-то дала подруга. Мол, доктор хоть и из благородных, но добр к рабочим. На всякий случай Лона сохранила бумажку. И вот, когда «случай» настал, доктор по-доброму отнесся и к ней. Однако радость пре-

восходила печаль. Судя по всему, он не успел сообщить о Рике. По крайней мере, за ним так никто и не явился.

Позже, когда Рик более или менее пришел в себя, она передала ему слова доктора, намекнув, что, оставаясь в поселке, он будет в безопасности…

Рик потряс ее за плечо, и Лона вынырнула из воспоминаний.

— Ты слышишь? — говорил он. — Я не преступник, у меня была важная работа.

— А вдруг ты совершил какую-нибудь оплошность? — нерешительно предположила она. — Ошибки совершают все, даже очень большие шишки. Даже нобили…

— Нет, я уверен. Но мне нужно все вспомнить, чтобы убедить других, понимаешь? Иного пути нет. Я должен уйти с фабрики, покинуть поселок и попытаться выяснить, кто я и откуда.

— Рик! — Ее охватил ужас. — Рик, это опасно. Зачем тебе куда-то идти? Неужели все это так важно, пусть даже ты анализировал какое-то там Ничто?

— Я вспомнил еще кое-что.

— Что же?

— Не хочу говорить, — прошептал он.

— Лучше скажи, иначе опять забудешь.

— Верно. — Он сжал ее руку. — Но ты ведь никому не расскажешь? Лона, стань моей запасной памятью.

— Хорошо, Рик.

Он огляделся. Мир был прекрасен. Валона както рассказала ему, что высоко-высоко в небе над Верхним городом светится огромная надпись, гласящая: «Флорина — прекраснейшая планета во всей галактике». И, судя по тому, что он видел вокруг, это было чистой правдой.

— То, что я вспомнил, ужасно, но ведь все прочие мои воспоминания точны. Я вспомнил это сегодня после обеда.

— Ну, и?

Он обреченно посмотрел на Лону:

— Скоро все жители Флорины погибнут. Все до единого.

Глава 2. Староста

Не успел Мирлин Тиренс задумчиво снять с полки пленку с книгой, как в дверь позвонили. Морщины на его полном лице разгладились, к нему вернулась обычная вежливая настороженность. Пригладив тонкие рыжеватые волосы, он крикнул:

— Минуточку!

Тиренс поставил пленку обратно и нажал кнопку. Панель, неотличимая от других панелей стены, вернулась на место. Сердца простых рабочих и батраков были преисполнены неясной гордости за то, что, во всяком случае, один из них по рождению обладал пленками с книгами. Этот отраженный свет словно бы разгонял сумерки в их собственных головах. Тем не менее выставлять книжные полки напоказ не стоило.

Один их вид заставил бы людей проглотить и без того не слишком резвые языки. Они могут сколько угодно хвастать наличием книг у своего старосты, но зрелище книжной полки делает Тиренса в их глазах излишне похожим на нобиля. А если бы в дверь таки позвонил ка-

кой-нибудь нобиль (сомнительно, конечно, но чем великий космос не шутит?), ряды книг были бы неуместны. По обычаю, у старосты имелись определенные привилегии, но злоупотреблять ими не следовало.

— Входите! — пригласил он и сам двинулся к двери, застегивая магнитный шов у ворота туники.

Даже его одежда напоминала одежду нобилей. Временами Тиренс вообще забывал, что родился на Флорине.

На пороге, почтительно присев и склонив голову, стояла Валона Марч.

— Входи, Валона, — он распахнул дверь. — Присаживайся. Что же ты после комендантского часа-то? Надеюсь, патрульные тебя не видели?

— Кажется, нет, староста.

— Ну, будем надеяться. У тебя ведь уже есть нарушение, не забыла?

— Нет, староста, и я очень благодарна вам, что вы тогда за меня вступились.

— Пустяки. Садись же. Чем тебя угостить?

Она помотала головой, примостившись на краешке стула, прямая, как палка.

— Спасибо, староста. Я уже поела.

Среди поселковых жителей считалось хорошим

тоном предлагать прохладительные напитки гостям, а вот принимать угощение было признаком невоспитанности. Тиренс это знал и не стал настаивать.

— Так что у тебя стряслось? Опять Рик?

Валона молча кивнула.

— У него проблемы на фабрике? — предположил Тиренс.

— Нет, староста.

— Опять мигрени?

— Нет, староста.

Тиренс ждал, колюче щуря светлые глаза.

— Значит, так, Валона, не заставляй меня гадать, хорошо? Давай рассказывай, иначе я не смогу помочь. Ведь тебе нужна моя помощь, я правильно понимаю?

— Да, староста. Просто я не знаю, с чего начать, — вырвалось у нее. — Вдруг вы решите, что я спятила?

Тиренс хотел было дружески похлопать ее по плечу, но вовремя вспомнил, как она сжимается от прикосновений. Валона сидела, спрятав, насколько возможно, свои большие руки в складках платья. Короткие сильные пальцы медленно сплетались и расплетались.

— Так или иначе, я тебя слушаю.

— Помните, я вам говорила, что ездила в город к доктору? Помните, что он сказал?

— Да, Валона. Как и то, что я запретил тебе впредь делать подобное, не посоветовавшись со мной. Надеюсь, ты этого не забыла?

Она вытаращила глаза. Ей не требовался стимул, чтобы припомнить тот его гнев.

— Ни в жисть, староста! Больше я такого не натворю. Но вы тогда пообещали, что сделаете все, лишь бы я сохранила Рика при себе.

— Так и есть. Хочешь сказать, им интересовались патрульные?

— Нет. Ох, а вы думаете, они могут?

— Уверен, что бояться вам нечего. — Тиренс начал терять терпение. — Валона, хватит ходить вокруг да около. Выкладывай.

— Рик заявил, что бросает меня. — На глазах у нее сразу выступили слезы. — Я хочу его удержать.

— Да зачем ему тебя бросать?

— Говорит, вспомнил всякое.

Это было уже интереснее. Он подался вперед, едва удержавшись, чтобы не схватить Валону за руку:

— Что именно?

Тиренс отлично помнил, как нашли Рика. Он

заметил ребятню, собравшуюся у оросительной канавы на окраине поселка. Увидев его, они принялись вопить:

— Староста! Сюда, староста!

— Что случилось, Райси? — спросил он, подбежав к ним.

Прибыв в поселок, Тиренс специально выучил имена всех детей. Так было проще общаться с их матерями, что на первых порах существенно облегчило ему жизнь.

— Гляньте-ка сюда, староста, — сказал Райси, которого, казалось, вот-вот стошнит.

Мальчик показал пальцем на что-то белое, извивающееся в грязи. Это и был Рик. Мальчишки разом загорланили, принявшись наперебой объяснять, как играли в некую помесь догонялок и пряток. Они, похоже, намеревались поведать старосте название игры, ее правила, кто выигрывал, кто проигрывал (в этой части своей путаной саги они заспорили). Все это, впрочем, не имело значения.

Райси, двенадцатилетний черноволосый мальчик, услышал скулеж и осторожно заглянул в канаву. Он решил, что туда угодил какой-то зверек — например, полевая крыса, на которую можно будет поохотиться, но вместо крысы уви-

дел Рика.

Брезгливость на лицах детей боролась с жадным любопытством. Взрослый мужчина, почти голый, хныча и поскуливая, бесцельно двигал ногами и руками. По подбородку у него текла слюна. Блеклые голубые глаза метались туда-сюда, лицо заросло щетиной. На миг он встретился взглядом с Тиренсом и вроде бы немного сосредоточился. Потом медленно поднес большой палец ко рту.

— Ой, староста, смотрите, он пальчик сосет, — засмеялся один из мальчишек.

Распростертый мужчина испустил крик. Его лицо побагровело и перекосилось. Он заплакал, тоненько, как младенец, но пальца изо рта не вынул. Рука была грязной, и этот розовый, мокрый от слюны палец резко выделялся среди остальных.

Тиренс стряхнул оцепенение и сказал:

— Так, ребята, хватит носиться по полю и топтать кырт. Вот заметят рабочие, мало вам не покажется. Быстренько расходитесь и не треплите языками. А ты, Райси, сбегай за мистером Дженкасом и приведи его сюда.

Улла Дженкаса с некоторой натяжкой можно было назвать поселковым фельдшером. Какое-то время он прослужил в подмастерьях у насто-

ящего городского врача, благодаря чему был освобожден от работы в полях или на фабрике. Получилось не так уж плохо. Улл мог измерить температуру, выписать таблетки, сделать укол, а главное — определить, когда тот или иной недуг требовал поездки в городскую больницу. Без его полупрофессиональной помощи несчастные, заболевшие спинальным менингитом или острым аппендицитом, мучились бы сильно и недолго. А бригадиры ворчали, чуть ли не вслух обвиняя Дженкаса в заговоре с симулянтами.

Дженкас помог Тиренсу погрузить мужчину в коляску скутера, и они как можно незаметнее отвезли найденыша в поселок.

Вдвоем смыли присохшие к телу нечистоты и грязь. Волосы пришлось обрить. Осмотрев, насколько это было в его силах, мужчину, Дженкас вынес вердикт:

— Вроде ничем заразным не болен. Вполне упитанный, ребра не торчат. Уж прямо и не знаю, что с ним. Как думаете, староста, откуда он тут взялся?

Судя по тону, каким был задан вопрос, Дженкас сомневался, что староста сможет найти ответ, к чему сам Тиренс отнесся философски. Предыдущий староста управлял поселком почти

пятьдесят лет — нет ничего удивительного в том, что местным требуется время, чтобы притереться к его молодому преемнику. И дело тут вовсе не в самом Тиренсе.

— Не знаю, Улл, — ответил он.

— Опять-таки, ходить он не может. Ни шажочка. Дите дитем. Значит, его сюда приволокли, да-а. Сдается мне, память он потерял.

— Какая болезнь может вызвать потерю памяти?

— Чего не знаю, того не знаю. Такое может приключиться, ежели человек умом тронулся, но в этом я не секу. Всех скорбных головой посылаю в город. А вы этого типа никогда не видели?

— Я же здесь всего месяц. — Тиренс терпеливо улыбнулся.

— Ну да, ну да, — Дженкас со вздохом извлек носовой платок. — Прежний-то староста был мужик что надо, в строгости нас держал. Я тут, почитай, шестьдесят лет живу, однако тоже малого этого в первый раз встречаю. Видать, из другого поселка он.

Дженкас был тучен. Из тех толстяков, которые уже рождаются пухлыми, а затем свою лепту в их вес вносит сидячий образ жизни. Поэтому фельдшер, разговаривая, постоянно отдувался и

утирал красным носовым платком блестящий лоб, тут же вновь покрывающийся потом.

— Уж и не знаю, чего патрульным-то говорить, — добавил он.

А ведь верно. Беседы с патрульными было не избежать. Мальчишки разболтают все своим родителям, те примутся сплетничать друг с другом. Жизнь в поселке идет размеренно, и весть о необычном происшествии будет передаваться из уст в уста. Пока рано или поздно не дойдет до патрульных.

Патрульными называли сотрудников Флорианского патруля. Они не были ни уроженцами Флорины, ни нобилями с планеты Сарк. Патрульные являлись наемниками, следившими за порядком и получавшими за это плату. Их не связывали кровные узы с поднадзорными, поэтому они не были склонны к поблажкам и попустительству жителям Флорины.

Патрульные пришли вдвоем, в сопровождении бригадира с фабрики, явившегося во всей полноте своей весьма ограниченной власти.

Особенного интереса к найденышу патрульные не проявили. Безмозглый идиот, может, и подпадал под их компетенцию, но тревоги не вызывал.

— Сколько времени тебе потребуется, чтобы его опознать? — спросил один у бригадира. — Кто этот человек?

— Я никогда его не встречал. — Бригадир помотал головой. — Он не из наших.

— При нем были какие-нибудь документы? — Патрульный повернулся к Дженкасу.

— Нет, сэр. Только тряпка на бедрах. Я спалил ее на случай инфекции.

— Что с ним?

— Рассудком повредился, так я скажу.

Тиренс ненавязчиво оттеснил патрульных к выходу. Им было скучно, и они не протестовали. Тот из двоих, который задавал вопросы, убрал блокнот и сказал:

— Ладно, наверх докладывать не о чем. Нас это не касается. Избавьтесь от него как-нибудь.

И они ушли.

Бригадир остался. Это был веснушчатый рыжеволосый мужчина с большими щетинистыми усами. Человек жестких принципов, он занимал свою должность уже пять лет; именно на нем в значительной степени лежал груз ответственности за выполнение фабрикой плана.

— Слушайте, с этим надо что-то решать, — раздраженно сказал он. — Народец только и делает,

что судачит, а работать кто будет?

— Отправить парня к городским врачам — и вся недолга, — предложил Дженкас, энергично орудуя носовым платком. — Мне такая болячка не по зубам.

— В город?! — вскричал бригадир. — А кто платить будет? Платить кто будет, я тебя спрашиваю? Он — не из наших, правильно я понимаю?

— Вроде нет, — признал Дженкас.

— Ну и на кой тогда нам это? Выясните, откуда он, пусть за чокнутого платит его поселок.

— Уж и не знаю, как это выяснить. Сам-то чего можешь предложить?

Бригадир задумался. Кончик его языка машинально елозил по колючей растительности на верхней губе.

— Значит, так. От психа надо избавиться, — наконец изрек он. — Как советовал патрульный.

— Погодите-ка, — перебил его Тиренс, — вы понимаете, что говорите?

— Все равно он умрет, — сказал бригадир. — А так мы проявим милосердие.

— Нельзя взять и убить живого человека.

— Тогда скажите нам, что с ним делать.

— Что, если поручить заботу о нем кому-нибудь из поселковых?

— Это кому же? Уж не вы ли сами с ним будете нянькаться?

— У меня другие обязанности. — Тиренс проигнорировал откровенную грубость.

— И так ответит каждый. Я не могу допустить, чтобы кто-нибудь пренебрегал работой на фабрике ради заботы об этом чокнутом.

Тиренс вздохнул и спокойно сказал:

— А теперь, бригадир, давайте рассуждать здраво. Если вы не выполните квартальный план, я смогу заступиться за вас перед нобилями, объяснив, что один из рабочих заботился о бедолаге. В противном случае, если план окажется невыполненным, я отвечу, что не знаю причины.

Бригадир сердито зыркнул. В его взгляде отчетливо читалось: мол, староста — без году неделя, а уже мешает людям жить своей жизнью. Однако карту с «мастью» нобилей ему было не перебить. К тому же открыто противостоять старосте было неразумно.

— Но кому его поручить? — спросил бригадир. — Я не возьмусь, — поспешно добавил он, заподозрив неладное. — У меня у самого трое детей и жена хворая.

— Я не имел в виду вас.

Тиренс посмотрел в окно. После ухода патруля

к дому старосты стянулась гомонящая толпа. По большей части дети, слишком маленькие для работы, и батраки с окрестных полей. Впрочем, были и фабричные, чья смена еще не началась.

На краю толпы выделялась крупная девушка. Тиренс уже успел обратить на нее внимание. Сильная, умелая, работящая. За несчастным лицом скрывалась природная сметка. Родись она мужчиной, ее, несомненно, послали бы на курсы старост. Но она была женщиной. Ее родители умерли, а некрасивая внешность должна была препятствовать романтическим похождениям. Одним словом, одинокая женщина, которая, скорее всего, таковой и останется.

— Как насчет нее? — спросил староста.

— Проклятье! — взревел бригадир, выглянув в окно. — И эта не на работе!

— Ничего, ничего, — примирительно произнес Тиренс. — Так как зовут девушку?

— Валона Марч.

— Прекрасно, я запомню. Позовите ее.

С того дня Тиренс стал неофициальным опекуном пары. Выбил для Валоны дополнительный паек, талоны на одежду и все прочее, что может понадобиться двоим людям, чтобы прожить на заработок одного, потому как второй нигде не

зарегистрирован. Он же впоследствии сделал все, чтобы Рика обучили работе на ткацких станках. Вмешался в ссору Валоны с начальником цеха и помог ей избежать более сурового наказания. Гибель городского врача избавила его от необходимости что-либо предпринимать, но в принципе он был готов.

Неудивительно, что со всеми своими проблемами Валона шла к Тиренсу.

И теперь он ждал ответов на свои вопросы. Еще немного поколебавшись, она выдавила:

— Рик говорит, что все-все люди на нашей планете погибнут.

— И каким же образом? — недоуменно спросил Тиренс.

— Он пока не знает. Сказал только, что помнит это из прежней жизни, то есть из той, которая была у него до этой. А еще — про свою важную работу, хотя я и не поняла, в чем она заключалась.

— Как он ее описал?

— Сказал, будто ану… анализировал Ничто. С большой буквы «Н». Анализировать — это значит разбирать что-то на части, вроде того, как… — принялась объяснять Валона, не дождавшись реакции Тиренса, но тот рассеянно ее перебил:

— Я знаю, что такое «анализировать».

— Значит, вы поняли, что имел в виду Рик? — встревоженно спросила Валона.

— Может быть, девочка.

— Староста, а разве можно делать что-нибудь с Ничем?

Поднявшись на ноги, Тиренс коротко улыбнулся:

— Ну, как же, Валона! Неужели ты не знаешь, что наша галактика состоит в основном из Ничто?

На ее лице не было и тени понимания, однако она нисколько не усомнилась в его словах. Староста — образованный человек. Внезапно она поняла, что Рик, ее Рик, еще более образованный, и преисполнилась гордости.

— Пойдем. — Тиренс протянул ей руку.

— Куда?

— Где сейчас Рик?

— Дома. Спит.

— Прекрасно. Я тебя провожу. Не нужно, чтобы патрульные застали тебя одну на улице.

Ночью деревня казалась вымершей. Фонари едва освещали единственную улицу, делившую рабочий поселок надвое. Накрапывало. Теплый дождик моросил почти каждую ночь. Совсем слабенький — зонты или плащи не требовались.

Валона никогда еще не бывала на улице в столь поздний час в рабочую пору и боялась. Она старалась ступать как можно тише и прислушивалась, не доносятся ли шаги патрульных.

— Не надо идти на цыпочках, Валона, — сказал Тиренс. — Ведь с тобой я.

Его голос прозвучал так громко, что она подпрыгнула и послушно ускорила шаг.

В домике Валоны было темно, как и во всех прочих, поэтому они вошли внутрь с осторожностью. Тиренс родился и вырос в подобной лачуге, и хотя потом долго жил на Сарке, а теперь занимал трехкомнатный дом с отдельной ванной, он почувствовал некоторую ностальгию. Обстановка была простой, ничего лишнего: гладкий цементный пол, кровать, комод, два стула да шкаф в углу.

В кухне и ванной необходимости не было: ели все в фабричной столовой, а мылись в общественных душевых, чьи ряды тянулись на задах домов. Климат на Флорине мягкий, и защищать окна от мороза и дождя не требовалось. Во всех четырех стенах имелись загороженные ширмами отверстия, которые прикрывал от ночной мороси широкий карниз.

Тиренс включил прихваченный с собой фона-

рик и увидел, что один угол отгорожен старенькой ширмой. Он вспомнил, как сам раздобыл ее для Валоны, когда Рик стал уже скорее мужчиной, чем ребенком.

— Разбуди его, Валона, — кивнул он на угол.

— Рик, Рик! — Она постучала по ширме. — Вставай, маленький!

Оттуда захныкали.

— Это я, Лона.

Они зашли за перегородку. Тиренс посветил сначала на их с Валоной лица, потом на Рика. Тот заслонился от яркого света:

— Что случилось?

Тиренс присел на край койки, обратив внимание, что Рик спит на нормальной кровати. Когда-то Тиренс нашел для него старую расшатанную раскладушку, но, как оказалось, Валона оставила ее себе.

— Рик, Валона сказала, что к тебе возвращается память.

— Да, староста.

С Тиренсом он всегда держал себя очень почтительно, поскольку тот был самым важным человеком в поселке. Даже управляющий фабрики относился к старосте с должным уважением.

Рик рассказал о вернувшихся днем воспоми-

наниях.

— А с тех пор ты больше ничего не вспомнил?

— Ничего, староста.

— Хорошо, Рик. — Тиренс отрешенно потер руки. — Спи.

Валона проводила его до двери, крепясь изо всех сил, но то и дело вытирала глаза тыльной стороной своей широкой ладони.

— Староста, ему придется меня бросить, да?

— Ты ведь уже взрослая, Валона, — серьезно ответил Тиренс, беря ее за руку. — Я заберу его ненадолго, а потом обязательно верну.

— А что дальше?

— Я не знаю. Пойми, сейчас для нас нет ничего важнее воспоминаний Рика.

— Вы думаете, все будет так, как он сказал? Люди на Флорине умрут?

— Только никому об этом не говори, Валона. — Тиренс сжал ее пальцы. — Иначе придут патрульные и заберут Рика навсегда. Вот о чем тебе надо думать.

Он не спеша вернулся домой, в задумчивости не замечая, как дрожат руки. Сон не шел. Проворочавшись час, Тиренс достал наркополе. Оно было из того немногого, что он привез с собой с Сарка, когда его назначили старостой на Флорине. Нар-

кополе облегло голову, словно тонкая фетровая шляпа. Тиренс выставил таймер на пять часов и нажал кнопку.

Едва он успел устроиться поудобнее, как аппарат, с небольшой задержкой, отключил бодрствующие центры его головного мозга, мгновенно погрузив в сон без сновидений.

Глава 3. Библиотекарь

Они оставили скутер в боксе, на стоянке у окраины Города. Скутеры в Городе — редкость, а Тиренс не хотел привлекать лишнее внимание. Ему вспомнился Верхний город с диамагнитными наземными автомобилями и гироскопами-антигравами. Ну, так на то он и Верхний, здесь все иначе.

Рик смотрел, как Тиренс закрывает бокс, прижимая палец. Чувствуя себя немного неудобно в новом комбинезоне, он неохотно двинулся за старостой под сооружение, похожее на высокий мост, — первую опору Верхнего города.

У всех прочих городов на Флорине были имена, этот же назывался просто Городом. На планете считалось, что рабочим и поселянам, обитавшим в нем самом или в его окрестностях, несказанно повезло. В Городе и врачи лучше, и больницы, больше фабрик и винных магазинов, даже роскошь какая-никакая имелась. Сами жители относились ко всему этому с меньшим восторгом. Ведь они жили в тени Верхнего города.

Тот же полностью оправдывал свое название.

Город был жестко разделен горизонтальным слоем бетоносплава площадью в пятьдесят квадратных миль, который поддерживали около двадцати тысяч опор из стальных балок. Внизу, в тени бетоносплава, обитали туземцы. Над ними, под чистым небом, жили нобили. В Верхнем городе трудно было поверить, что находишься на Флорине. Его населяли почти исключительно уроженцы Сарка с «вкраплением» патрульных-наемников. Высший класс в самом что ни на есть буквальном смысле.

Дорогу Тиренс знал. Шел быстро, стараясь не встречаться взглядом с прохожими, смотревшими на одежду старосты с неприязнью и завистью. Коротконогий Рик семенил следом, пытаясь не отстать. Свою предыдущую поездку в Город он помнил плохо. Теперь все здесь казалось другим. Тогда было облачно, сегодня светило солнце, его лучи падали сквозь щели в плитах, и темные полосы делались еще темнее на фоне ярких. Чередование света и тени завораживало Рика, почти гипнотизировало.

На солнышке грелись старики в креслах на колесиках, медленно передвигаясь за ползущим лучом. Временами кто-то начинал клевать носом и оказывался в тени, пока его не будил скрип ко-

лес. Иногда световую полосу заполняли мамочки с колясками.

— А теперь, Рик, держи себя в руках, — предупредил Тиренс. — Мы поднимаемся.

Они остановились перед коробом, протянувшимся между четырьмя опорами до самой плиты.

— Я боюсь, — сказал Рик.

Он догадался, для чего служит это сооружение, — это лифт, ведущий на верхний уровень.

Лифты, разумеется, были необходимы. Производство располагалось внизу, а потребители жили наверху. В Нижний город отгружались химикаты и основные продукты питания, однако готовые пластмассовые изделия и изысканная пища оставались привилегией Верхнего. Наверху требовались горничные, садовники, шоферы, строительные рабочие. Лишнее население копошилось внизу.

Тиренс не обратил внимания на испуг Рика. Его удивило собственное сердце, неожиданно екнувшее. Не от страха, нет. Скорее от предвкушения. Совсем скоро он вновь шагнет на священную поверхность и оставит на ней грязные отпечатки своих ботинок. Тиренс имел право туда подняться. Да, он был флоринианцем, но вместе с тем

старостой, а следовательно, ему дозволялось входить в Верхний город в любое время.

О, галактика! Как же он их ненавидел!

Тиренс глубоко вздохнул и вызвал лифт. Какой смысл пестовать ненависть? Он много лет прожил на Сарке, в самом гнездилище нобилей. Тиренс научился переносить все молча. Однако не следовало забывать и то, что он узнал вчера. И не только вчера.

Загудел, опускаясь, лифт. Стена, перед которой они стояли, ушла вниз. Лифтер глянул на них с отвращением.

— Тут что, только вы двое?

— Да, только мы двое. — Тиренс шагнул внутрь, Рик — за ним.

Лифтер не спешил поднимать заслонку.

— Сдается мне, парни, вам придется подождать до двух пополудни. Мне не след гонять эту громадину туда-сюда ради двух туземцев, — сказал он и сплюнул, постаравшись, впрочем, не попасть на пол лифта. — Где ваши трудовые книжки?

— Я — староста, — ответил Тиренс. — По одежде не видишь?

— Одежда ничего не значит. Я не хочу потерять работу из-за того, что кто-то где-то слямзил одежду. Показывай бумаги.

Тиренс молча предъявил папку с документами, которые обязаны были иметь при себе все уроженцы Флорины: регистрационный номер, служебное удостоверение, справку об уплате налогов. Папка была открыта на странице с алой лицензией старосты. Лифтер мельком глянул.

— Ну, хорошо, хорошо. Может, конечно, ты стибрил и лицензию, но это уж не моя забота. Тебя я, так и быть, пропущу, хотя, по моему простецкому разумению, староста — тот же туземец, только в профиль. А что насчет второго?

— Он — со мной. Вы нас пропустите или мне вызвать патруль, чтобы они заставили вас исполнять ваши обязанности?

Самому Тиренсу меньше всего сейчас хотелось столкнуться с патрульными, однако он произнес эту фразу с подобающим высокомерием.

— Да ладно, не кипятись.

Стена поднялась, лифт, подрагивая, пошел вверх. Лифтер продолжал что-то недовольно бурчать под нос.

Тиренс скупо усмехнулся. Это было практически неизбежно. Люди, работавшие на нобилей, охотно отождествляли себя с хозяевами, компенсируя собственную неполноценность тем, что истово соблюдали правила сегрегации и

глядели на своих собратьев свысока. Как же, ведь они были «высотниками»! К таким прочие флоринианцы испытывали особенную ненависть, лишенную взращенного в их сердцах благоговейного страха перед нобилями.

Лифт поднялся всего на тридцать футов, однако дверь открылась в совершенно иной мир. Как и другие саркские города, Верхний город представлял собой буйство красок. Отдельные здания, будь то жилые или общественные, были элементами сложной мозаики. Вблизи она казалась бессмысленной мешаниной цветов, но уже с расстояния ста ярдов превращалась в сложную палитру оттенков, плавно перетекающих один в другой и меняющихся в зависимости от угла зрения.

— Пойдем, Рик, — сказал Тиренс.

Тот застыл, разинув рот. Вокруг не было ни ростка, ни деревца! Лишь камень и краска. Рик не подозревал, что дома могут быть такими огромными. В памяти что-то шевельнулось. На миг ему померещилось, что в этих громадах нет ничего странного… Затем проблеск воспоминания потух.

Мимо проехала наземная машина.

— Это нобили? — прошептал Рик.

Тиренс успел заметить короткие стрижки, длинные расклешенные рукава из атласной однотонной ткани различных оттенков синего и фиолетового, бархатные бриджи и легкие чулки, блестевшие так, словно были сотканы из тончайшей медной проволоки. Люди в машине даже не взглянули в сторону Рика и Тиренса.

— Молодежь, — ответил Тиренс.

Он не видел нобилей вблизи с тех пор, как покинул Сарк. Нобили и там-то не вызывали у него теплых чувств, но на Сарке, по крайней мере, они были дома. Здесь же, в тридцати футах над адом, эти ангелы казались совершенно чуждыми. Тиренс вновь поморщился, подавляя бессмысленную ненависть.

С шипением приблизилась двухместная автоплатформа. Новая модель со встроенным пневмоприводом. Она скользила в двух дюймах над землей, края ее блестящего плоского дна были загнуты вверх, чтобы снизить сопротивление воздуха. Тем не менее остававшегося сопротивления хватало, чтобы платформа производила характерное шипение, означавшее для всех: «Едет патруль!»

Патрульные были здоровенными детинами. Смуглыми, плосколицыми, широкоскулыми, с

прямыми черными волосами. Местным они все казались на одно лицо. Глянцевитая чернота мундиров подчеркивалась сверкающими серебряными пряжками, расположенными в стратегических местах, и декоративными пуговицами и еще больше сглаживала индивидуальность лиц и усиливала их сходство.

Один патрульный остался на платформе, другой легко перепрыгнул через невысокий бортик и гаркнул:

— Документы!

Привычно пролистав папку, он сунул ее обратно Тиренсу.

— Что вам здесь надо?

— Я хотел бы посетить библиотеку, сэр, — ответил Тиренс. — Мне позволено.

— А ты кто? — патрульный посмотрел на Рика.

— Я… — начал тот.

— Он мой помощник, — быстро сказал Тиренс.

— У него нет привилегий старосты.

— Под мою личную ответственность, сэр.

— Ну, смотри. — Патрульный пожал плечами. — У вас, старост, есть привилегии, но вы — не нобили. Не забывай об этом, приятель.

— Ни в коем случае, сэр. Кстати, не подскажете, как пройти в библиотеку?

Патрульный ткнул тонким стволом игольчатого пистолета, указывая направление. С того места, где они стояли, библиотека выглядела ярким пятном, причем цвет менялся от киновари нижних этажей к кармину верхних. По мере приближения кармин словно стекал вниз.

— Страшная какая, — неприязненно произнес Рик.

Тиренс бросил на него удивленный взгляд. Он привык к подобному декору на Сарке, но даже ему пестрота Верхнего города представлялась несколько вульгарной. Ко всему прочему, Верхний город был саркским даже больше, чем сам Сарк. На Сарке далеко не все являлись аристократами. Хватало и бедноты, живущей немногим лучше среднего флориниана. Здесь же обитали «сливки», и здание библиотеки было наглядным тому свидетельством.

Громадное, намного выше прочих, сравнимое разве что со зданиями на самом Сарке — во всяком случае, намного большего размера, чем требовалось Верхнему городу, — оно демонстрировало преимущества дешевой рабочей силы. Тиренс остановился у пологого пандуса, ведущего к главному входу. На пандусе цветом создавалась иллюзия ступеней, сбившая с толку Рика. Она

придавала библиотеке дух архаики, свойственный академическим зданиям.

Просторный центральный зал был прохладен и почти пуст. Библиотекарем служила женщина. Сидя за единственным письменным столом, она казалась одинокой сморщенной горошиной в чрезмерно раздутом стручке. Увидев их, она привстала.

— Я — староста, — торопливо произнес Тиренс. — Особые привилегии. Этот туземец со мной.

Он протянул ей заранее приготовленные документы. Библиотекарша села, с суровым видом извлекла из слота металлическую пластину и подтолкнула ее Тиренсу. Староста приложил большой палец. Библиотекарша сунула пластину в другой слот. Тускло мигнуло фиолетовым.

— Комната 242.

— Благодарю.

Кабинкам на втором этаже было присуще все то же ледяное единообразие, наводившее на мысль о звеньях бесконечной цепи. Стеклянные двери некоторых кабинок были непрозрачными, матовыми, в них находились люди. Прочие пустовали.

— Двести сорок два, — скрипуче сказал Рик.

— В чем дело, Рик?

— Не знаю. Я почему-то очень взволнован.

— Ты когда-нибудь бывал в библиотеках?

— Не знаю.

Тиренс приложил большой палец к круглому алюминиевому диску, который несколько минут назад сделался чувствительным к отпечатку пальца. Стеклянная дверь открылась, они вошли, дверь бесшумно закрылась и стала непрозрачной, словно упала штора.

Комната размером шесть на шесть футов не имела окон и украшений. С потолка лился рассеянный свет, вентиляция была искусственной. Стол — от стены до стены, мягкая скамья без спинки. На столе — три ридера. Их матовые экраны располагались под углом в тридцать градусов. Перед каждым виднелись кнопки и верньеры.

— Тебе известно, что это такое? — Тиренс сел и положил пухлую ладонь на один из ридеров.

Рик примостился рядом.

— Книги? — нетерпеливо спросил он.

— Ну-у, — неуверенно протянул Тиренс, — это библиотека, так что твоя догадка недорогого стоит. Ты умеешь пользоваться ридером?

— Нет, староста, вряд ли.

— Уверен? Подумай немного.

Рик сосредоточился изо всех сил.

— Нет, извините, староста.

— Что же, тогда я тебе покажу. Смотри, тут у нас кнопка с надписью «Каталог» и алфавитным указателем. Нам нужна энциклопедия, поэтому мы устанавливаем риску на букву «Э» и нажимаем копку.

Тиренс проделал все это. Матовое стекло ридеров ожило, став желтым, на нем проступили черные буквы. Одновременно потускнел потолочный свет, а перед экранами, точно языки, выдвинулись три панели, причем на каждую был направлен световой луч. Тиренс щелкнул тумблером, и панели уехали в свои пазы.

— Заметки делать не будем, — прокомментировал он. — Теперь повернем вот эту ручку и просмотрим список книг на букву «Э».

Длинный перечень авторов, названий, каталожных номеров пополз вниз, пока не дошел до столбца пронумерованных томов энциклопедии.

— Надо ввести буквы и цифры, написанные после названия книги, которую вы хотите прочитать, потом нажать вот эту кнопку, и на экране появится страница, — вдруг произнес Рик.

— Откуда знаешь? — Тиренс повернулся к нему. — Вспомнил?

— Может быть. Я не уверен, но мне показалось, что так правильно.

— Хорошо, будем пока считать это проницательностью.

Он набрал буквенно-цифровой код. Страница моргнула, появилось название: «Энциклопедия Сарка, том 54, Пос-Пул».

— Теперь гляди, Рик. Я не хочу ничего тебе подсказывать, поэтому не скажу, что у меня на уме. Просто просматривай книгу и, если что-то покажется тебе знакомым, остановись. Все понял?

— Да.

— Отлично. Приступай.

Минута шла за минутой. Внезапно Рик охнул и крутанул ручку, возвращаясь назад. Тиренс прочитал заголовок и расплылся в улыбке.

— Ты вспомнил, правда? Не догадался, а именно вспомнил?

— Воспоминание само вернулось ко мне, староста. — Рик часто закивал головой. — Само!

Статья была посвящена пространственному анализу.

— Я знаю, что тут написано, — проговорил Рик. — Сейчас, сейчас покажу.

Он тяжело дышал, да и сам Тиренс едва сдерживал возбуждение.

— Смотрите, староста, это есть всегда, во всех статьях…

Читал вслух он сбивчиво — и все же гораздо лучше, чем можно было ожидать после отрывочных уроков Валоны.

Статья гласила: «Неудивительно, что пространственные аналитики склонны к интроверсии и зачастую отличаются неуравновешенным характером. Совершенно нормальный человек не смог бы посвятить большую часть своей жизни пугающему одиночеству межзвездной пустоты. Вероятно, поэтому Институт пространственного анализа сделал своим официальным девизом ироничную и парадоксальную фразу „Мы анализируем Ничто“».

Голос Рика сорвался.

— Ты понимаешь то, что прочитал? — спросил Тиренс.

— Тут написано: «Мы анализируем Ничто». — Щуплый мужчина поднял на старосту горящие глаза. — Это то, что я вспомнил. Я был одним из них.

— Ты был пространственным аналитиком?

— Да! — выкрикнул Рик, потом добавил тише: — Голова болит.

— Потому что ты слишком напрягаешь па-

мять?

— Похоже, — нахмурился он. — Но я должен вспомнить побольше. Существует опасность, огромная опасность! Прямо не знаю, что делать.

— Библиотека к нашим услугам, Рик, — осторожно произнес Тиренс, взвешивая каждое слово. — Попробуй воспользоваться каталогом самостоятельно и прочитать что-нибудь по пространственному анализу. Посмотрим, куда это тебя заведет.

Рик порывисто склонился над ридером. Видя, что он весь дрожит, Тиренс отсел немного, давая ему место.

— Как насчет «Трактата об инструментах пространственного анализа» Врейта? — поинтересовался Рик. — Пойдет?

— Теперь командуешь ты, Рик.

Тот ввел каталожный номер, экран ярко засветился, на нем появилась надпись: «По поводу запрошенной книги, пожалуйста, обратитесь к библиотекарю».

Тиренс поспешно выключил экран.

— Пожалуй, тебе лучше поискать другую книгу.

— Но… — Рик заколебался, потом все-таки послушался и, пролистав каталог, выбрал «Струк-

туру пространства» Иннинга.

На экране вновь появилось предложение обратиться к библиотекарю.

— Проклятье! — Тиренс выключил ридер.

— Что случилось? — спросил Рик.

— Ничего, ничего. Только без паники. Просто я не совсем понимаю…

И тут ожил небольшой динамик, размещенный за решеточкой рядом с ридерами.

— Комната 242! Есть кто в комнате 242? Отвечайте! — произнес тонкий, сухой голос библиотекарши.

Они похолодели.

— Да. Что вы хотите? — резко спросил Тиренс.

— Какая книга вам требуется?

— Никакая, спасибо. Мы просто смотрели, как работает ридер.

На том конце замолчали, словно с чем-то сверяясь. Затем голос еще более пронзительно сказал:

— У меня записано, что вы запрашивали «Трактат об инструментах пространственного анализа» Врейта и «Структуру пространства» Иннинга. Это так?

— Мы набирали номера наугад, — ответил Тиренс.

— Могу я поинтересоваться, зачем вам эти кни-

ги? — не отступал голос.

— Говорю вам, они нам не нужны… Прекрати! — последнее слово предназначалось Рику, который начал хныкать.

Помолчав, голос из динамика произнес:

— Чтобы получить эти книги, спуститесь на первый этаж и пройдите к стойке. Доступ к ним ограничен, поэтому вам придется заполнить формуляр.

— Идем. — Тиренс потянул Рика за рукав.

— Наверное, мы нарушили правила, — заныл Рик.

— Глупости. Мы уходим.

— И не будем заполнять формуляр?

— Нет. Как-нибудь в другой раз.

Тиренс торопливо подтолкнул Рика к выходу. Они спустились в вестибюль. Библиотекарша повернулась к ним.

— Подождите! — крикнула она, приподнимаясь. — Одну минуточку!

Они не остановились. Дорогу им заступил патрульный.

— Куда спешим, парни?

— Вы из комнаты 242? — к ним подскочила запыхавшаяся библиотекарша.

— Послушайте, в чем дело? — твердо спросил

Тиренс.

— Вы хотели прочитать некие книги. Они для вас отложены.

— У нас нет времени, в другой раз. Неужели не ясно, что сейчас мне не нужны никакие книги? Я вернусь завтра.

— Наша библиотека всегда стремится удовлетворить запросы читателей, — чопорно произнесла женщина. — Книги вам принесут с минуты на минуту.

У нее на щеках забагровели пятна. Она торопливо направилась к дверце, открывшейся при ее приближении.

— Сэр, — сказал Тиренс патрульному, — если вы не возражаете, мы…

Патрульный демонстративно взялся за утяжеленный нейрохлыст, который с успехом можно было использовать и как дубинку, и как парализующее на расстоянии оружие.

— Значит, так. Сядьте-ка, парни, и спокойно подождите возвращения госпожи. Этого требует элементарная вежливость.

Патрульный был немолод и дороден. Судя по всему, предпенсионного возраста. Похоже, его отправили в тихое местечко дожидаться заслуженного отдыха. Однако он был вооружен, а

любезность на его смуглом лице выглядела неискренней.

Тиренс взмок, на лбу выступили капли пота. Он недооценил ситуацию. Все, включая его собственный анализ происходящего, представлялось таким логичным. И вот к чему это привело. Нельзя было вести себя так безрассудно. А все его треклятое желание проникнуть в Верхний город, пройтись по библиотечным коридорам, воображая себя саркцем…

Тиренс уже готов был броситься на патрульного, но с изумлением понял, что это лишнее.

За спиной патрульного что-то промелькнуло. Тот начал поворачиваться. Слишком поздно. Возраст замедлил его реакции. Нейрохлыст выдернули у него из руки и стукнули им его по голове прежде, чем патрульный успел закричать. Он мешком осел на пол.

Рик радостно взвизгнул.

— Валона! — воскликнул Тиренс. — Тысяча саркских чертей! Валона!

Глава 4. Бунтарь

Тиренс быстро пришел в себя.

— Скорее прочь отсюда! — крикнул он, бросаясь к двери.

Мелькнула мысль оттащить бесчувственное тело патрульного за колонны, выстроившиеся вдоль вестибюля, но времени на это не оставалось.

Они выбежали на пандус под яркое послеполуденное солнце. Цвета Верхнего города изменились, теперь преобладала оранжевая гамма.

— Бежим! — выкрикнула Валона, но Тиренс схватил ее за локоть.

— Ни в коем случае. — Староста улыбался, однако голос его был тверд. — Оба спокойно следуйте за мной. Возьми Рика за руку — нельзя, чтобы он побежал.

Начали спускаться. Тиренсу казалось, что они движутся как сквозь клей. Сзади послышался шум. Или померещилось? Оглядываться не стал.

— Туда.

Над проезжей частью мерцала вывеска, плохо различимая в ярком свете солнца Флорины: «Ско-

рая помощь». Они перешли дорогу и нырнули в боковую дверь, оказавшись среди невероятной белизны. Три инородные капли, упавшие на стерильное, зеркальное покрытие коридора.

Женщина в форменной одежде, стоявшая в отдалении, внимательно посмотрела на вошедших, нахмурилась и, помедлив, направилась к ним. Тиренс не стал ее дожидаться. Свернул в первое попавшееся ответвление коридора, потом в следующее. Они проходили мимо людей в униформе, и староста физически чувствовал нарастающее вокруг подозрение, вызванное их появлением. Туземцы бродят по верхним этажам больницы? Неслыханно! Что они здесь забыли?

Вскоре их наверняка должны были остановить.

Его сердце радостно забилось при виде незаметной дверцы с табличкой: «К этажам для туземцев». Лифт стоял открытым. Тиренс затолкал Рика с Валоной внутрь. Мягкий толчок, с которым лифт поехал вниз, стал самым приятным ощущением за весь этот день.

В Городе было три вида зданий. Большинство назывались Нижними и располагались соответственно на нижних уровнях. Дома рабочих, высотой максимум в три этажа, фабрики, пекар-

ни, заводы-утилизаторы. Высшими зданиями были дома нобилей, театры, библиотека, стадионы. Имелось и некоторое количество Двойных зданий, включавших нижние и верхние уровни, с раздельным входом: патрульные участки, больницы.

Беглецы вполне могли воспользоваться больницей, чтобы попасть в Нижний город, избежав поездки на медленном грузовом лифте, да еще с чрезмерно бдительными операторами. Туземцам, конечно, было запрещено ходить через двери для нобилей, но после нападения на патрульного поездка на больничном лифте, прямо скажем, — не самое серьезное преступление.

Вышли из лифта. Стены и здесь били в глаза той же стылой бесцветностью, но на всем лежал налет запустения, словно убирали тут гораздо реже. Мягких скамей, как в коридорах верхнего этажа, здесь не было. В приемном покое висел гул голосов встревоженных мужчин и испуганных женщин. Единственная дежурная медсестра безуспешно пыталась навести порядок в этой сумятице.

Она как раз осматривала мужчину, стоявшего с задранной штаниной. Тот сгибал и разгибал колено, заискивающим тоном отвечая на вопросы,

которые сыпались градом:

— На что конкретно жалуетесь?.. Как давно у вас эти боли?.. Обращались ли вы ранее в больницу?.. Так, теперь с вами. Ну, нет, незачем отвлекать врачей по таким пустякам. А вы останьтесь, доктор вас осмотрит и выпишет дополнительные лекарства. Следующий! — закричала она и пробурчала что-то себе под нос, косясь на настенные часы.

Тиренс, Валона и Рик опасливо пробирались сквозь толпу. Валона, точно присутствие других флоринианцев развязало ей язык, с жаром зашептала:

— Староста, я должна была прийти. Прямо извелась за Рика. Перепугалась, что вы не приведете его обратно, и…

— Как ты пробралась в Верхний город? — строго спросил он, распихивая плечом кротких пациентов.

— Пошла за вами, увидела, как вы сели в лифт. Когда лифт опять опустился, сказала, что отстала от вас, и лифтер отвез меня наверх.

— Вот так просто?

— Ну, пришлось и его маленько пристукнуть.

— О, саркские бесы! — выругался Тиренс.

— Но мне пришлось, — жалобно повторила

Валона. — Потом я увидела, как патрульные показывают вам дорогу. Подождала, пока они уберутся, и двинулась за вами. Только внутрь войти не посмела. Я не знала, что делать, поэтому вроде как спряталась. Затем к вам пристал патрульный, и…

— Эй, вы! — раздался резкий окрик медсестры.

Женщина поднялась, нетерпеливо постукивая металлическим стилусом по столу из бетоносплава. Окружающие притихли, слышалось только тяжелое дыхание толпы.

— Куда вы? Вернитесь немедленно. Нельзя покидать приемный покой до того, как вас осмотрят. Я не потерплю симулянтов, пытающихся улизнуть от работы. Вернитесь!

Но все трое уже выскочили в тень Нижнего города, окунувшись в шум и вонь того, что саркцы именовали Туземным кварталом. Верхний город опять был лишь крышей над их головами. Валона и Рик явно вздохнули с облегчением, оказавшись вдали от гнетущей саркской роскоши, однако Тиренса снедала тревога. Они зашли слишком далеко. Отныне их повсюду будет подстерегать опасность.

Из круговерти мыслей его вывел голос Рика:

— Смотрите!

Душа у Тиренса ушла в пятки.

Перед их взглядами разворачивалось самое страшное зрелище, которое только могли увидеть жители Нижнего города. Из щели в «крыше» на них спикировала огромная птица. Она затмила собой солнце, превратив сумрак в зловещую темноту. Только никакая это была не птица, а военная машина патрульных.

Люди с воплями бросились врассыпную. Вряд ли у кого-то из них были причины удирать, но они все равно удирали. Лишь какой-то мужчина, оказавшийся на пути у патруля, словно нехотя посторонился, упорно продолжая идти своей дорогой. Когда тень окончательно накрыла его, он остановился и огляделся: каменное спокойствие в бурном человеческом море. Мужчина был среднего роста, с гротескно широкими плечами. Один рукав его рубахи был закатан, открывая ручищу размером с бедро взрослого человека.

Тиренс медлил, Рик и Валона сами решить ничего не могли. Сомнения старосты накалились до предела. Бежать? Но куда? Остаться? Что тогда с ними будет? Имелся, правда, шанс, что патруль ищет кого-то другого, однако шанс этот был невелик, учитывая нападение на охранника библиотеки.

Широкоплечий тяжелой рысцой приблизился к ним. На секунду, будто ненароком притормозив, он, как бы между прочим, произнес:

— Пекарня Хорова, второй уровень, позади прачечной.

И повернул назад.

— За мной, — бросил Тиренс, срываясь на бег.

Пот лил с него ручьем. Сквозь гам до старосты доносился лай приказов патрульных. Он оглянулся. Из машины выпрыгнули с полдесятка черных мундиров и веером рассыпались по округе. «Долго искать им не придется», — мелькнула мысль. В треклятой одежде старосты он выделялся из толпы, что та колонна, поддерживающая Верхний город.

Двое патрульных пошли в верном направлении. Заметили они его или нет? Впрочем, неважно: патрульные наткнулись на широкоплечего. Староста со спутниками не успел еще далеко отбежать, как услышал хриплый рев мужчины и громкую ругань патрульных. Он торопливо потянул Валону и Рика за угол.

Пекарню Хорова они узнали по тусклому «червю» вывески (несколько люминесцентных пластиковых букв было разбито), а также по восхитительному аромату, лившемуся из открытой

двери. Выбора не оставалось — они вошли.

Из внутреннего помещения выглянул старик, которого они не сразу заметили из-за мучной пыли, словно туман приглушавшей свет радарных печей. Не успел старик открыть рот, как Тиренс произнес:

— Широкоплечий…

Староста для наглядности развел руки, и тут снаружи раздались крики: «Патруль! Патруль!»

— Сюда, быстро! — приказал старик.

— Туда? — недоверчиво переспросил Тиренс.

— Это обманка, макет.

Рик, а за ним и Валона с Тиренсом протиснулись в дверцу печи. Что-то щелкнуло, задняя панель приоткрылась, повиснув на петлях. За ней оказалась небольшая темная каморка.

Они ждали. Вентиляция была плохой, и от запаха свежеиспеченного хлеба сосало под ложечкой. Валона с улыбкой таращилась на Рика, машинально похлопывая его по руке. Рик же смотрел на девушку невидящим взглядом, то и дело потирая разгоряченное лицо.

— Староста… — начала было Валона, но Тиренс зашипел на нее.

— Пожалуйста, только не сейчас.

Он утер потный лоб и уставился на свою мок-

рую ладонь.

Новый щелчок панели показался оглушительным, настолько близко он прозвучал. Тиренс подобрался, неосознанно сжимая кулаки.

Из отверстия показалась голова широкоплечего, который с трудом протиснулся в их убежище. Весело посмотрев на старосту, он сказал:

— Ты это брось, парень. Драться мы не будем.

Тиренс опустил взгляд на свои кулаки и разжал пальцы.

Вид у широкоплечего был тот еще: рубашка на спине порвана, на щеке багровел свежий кровоподтек. Крошечные глазки смотрели из-под набрякших век.

— Облава закончилась, — продолжил широкоплечий. — Голодные? Еда у нас не бог весть какая, зато много. Ну, что скажете?

На город опустилась ночь. Огни Верхнего города освещали полнеба, Нижний тонул в промозглой темноте. Витрину пекарни закрыли плотными ставнями: зажигать свет после начала комендантского часа было запрещено.

Поев горяченького, Рик почувствовал себя лучше. Мигрень отступила. Он посмотрел на синяк широкоплечего и застенчиво спросил:

— Они избили вас, да, мистер?

— Немного. Ничего, не бери в голову. Со мной это частенько случается, такая уж у меня работа. — Он хохотнул, показав крупные зубы. — В конце концов, им пришлось признать, что я ни в чем не виноват, просто оказался на пути, когда они преследовали кого-то. А чтобы убрать туземца с дороги, проще всего… — Он поднял и резко опустил руку, словно нанося удар невидимой дубинкой.

Рик невольно отшатнулся, Валона заслонилась рукой. Широкоплечий откинулся назад и цыкнул зубом, извлекая застрявшие крошки.

— Я — Мэтт Хоров, но все зовут меня Пекарем. А вы кто?

— Да как вам сказать… — Тиренс пожал плечами.

— Понимаю, — кивнул Пекарь. — То, чего я не знаю, никому не повредит. Может быть, может быть. И все же я, кажется, заслужил ваше доверие. Спас от патруля.

— Да, благодарю. — Тиренс, как ни старался, не смог придать голосу сердечности. — Откуда вы узнали, что они гонятся за нами? Толпа была изрядной.

— Изрядной-то изрядной, да только таких физиономий, как у вас, ни у кого не было, — ух-

мыльнулся Пекарь. — Белые, хоть на мел пускай.

Тиренс безуспешно попытался изобразить на лице улыбку:

— Видите ли, я не совсем понимаю, почему вы рисковали своей жизнью. Спасибо вам, конечно, большое. Нет, я знаю, что простого «спасибо» тут мало, но сейчас мне нечего вам предложить.

— А мне ничего и не нужно. — Пекарь привалился к стене. — Я так всегда поступаю, когда могу. Дело не в вас. Если патрульные за кем-нибудь гонятся, я помогаю. Ненавижу патрульных.

— А вы сами в беду не попадаете? — удивилась Валона.

— Случалось и попадать. Видишь это? — Он осторожно ткнул пальцем в синяк. — Но вы, надеюсь, не думаете, что меня остановишь ударом дубинки? Вот зачем я соорудил печь-пустышку. Чтобы патрульные не сцапали, усложнив мне работу.

Глаза Валоны расширились от ужаса и восторга.

— Почему бы и нет? — продолжил Пекарь. — Знаете, сколько на Флорине нобилей? Десять тысяч. А сколько патрульных? Где-то тысяч двадцать. А нас, местных, — пятьсот миллионов. Если бы мы все разом выступили против… — Он

прищелкнул пальцами.

— Против игольчатых пистолетов и бластеров? — хмыкнул Тиренс.

— В точку. Оружие нам позарез нужно. Это вы, старосты, живете с нобилями бок о бок, вот и привыкли «труса праздновать».

Валоне казалось, что мир перевернулся вверх дном. Пекарь дрался с патрульными и смело, без малейшего почтения, разговаривал со старостой! Рик подергал ее за рукав. Она мягко разжала его пальцы и предложила ему поспать. Сейчас ей было не до Рика, она хотела послушать, что еще скажет Хоров.

— Без вас, старост, нобилям не удержать Флорину даже с их бластерами, — продолжил тот.

На лице Тиренса появилось обиженное выражение, и Пекарь добавил:

— Ты на себя посмотри. Сытый, довольный, морда аж лоснится, одет с иголочки, живешь в уютном домике. Небось, и книг полно? Отдельная кормежка, никакого комендантского часа, в Верхний город ходи не хочу. Хочешь сказать, нобили тебе это все за красивые глаза дали?

Тиренс понимал, что находится не в том положении, чтобы спорить.

— Ну, положим, — уклончиво сказал он. — Но

что же нам, старостам, по-вашему, делать? Тоже кидаться с кулаками на патрульных? А смысл? Да, я слежу за порядком в своем поселке и за выполнением плана, но, со своей стороны, защищаю поселян. Стараюсь им помогать по мере возможности. Разве это ничего не значит? Однажды…

— Да-да, конечно, «однажды»… Только не все доживут до этого «однажды». Когда мы с тобой сдохнем, какая разница, кто будет управлять Флориной? Для нас, я имею в виду?

— Ну, во-первых, я ненавижу патрульных побольше вашего. Тем не менее… — Тиренс прикусил язык и покраснел.

— Продолжай, продолжай, — захохотал Пекарь. — Говори, не бойся. Я не донесу на тебя за то, что ты ненавидишь нобилей. Так почему за вами гнались патрульные?

Тиренс промолчал.

— Ладно, попробую сам смекнуть. Когда патрульные меня дубасили, я заметил, что они злющие, как черти. Словно им самим хвост прищемили, а не потому, что нобили приказали. Уж я-то их хорошо изучил. А это значит только одно: вы избили патрульного. Или вообще убили.

Тиренс опять промолчал.

— Осторожность, староста, штука полезная,

главное — не перестараться, — все так же весело продолжил Пекарь. — Тебе требуется помощь. Они знают, кто ты такой.

— Нет, не знают, — вырвалось у Тиренса.

— В Верхнем городе у вас наверняка проверяли документы.

— С чего вы взяли, что мы были в Верхнем городе?

— Догадался. Спорю на что угодно, вы там были.

— Документы проверяли, но мельком. Сомневаюсь, что они запомнили имя.

— Довольно и того, что ты староста. Всего-то и нужно узнать, кого из старост не было на месте, и разыскать того, кто не сможет отчитаться за свою отлучку. Поди, все провода на Флорине уже докрасна раскалились от донесений. По-моему, вы в беде.

— Наверное.

— Какое уж там «наверное». Помощь нужна?

Они разговаривали шепотом. Рик давно свернулся калачиком в углу и уснул. Валона же переводила взгляд со старосты на Пекаря и обратно.

— Нет, спасибо, не нужна. — Тиренс покачал головой. — Я… я как-нибудь сам выкручусь.

— Любопытно будет посмотреть, — вновь хохотнул Пекарь. — Ты ученостью-то не кичись, я другим беру. Ладно, утро вечера мудренее, может, еще и согласишься принять руку помощи.

Валона лежала в темноте с открытыми глазами. Постелью ей служило обыкновенное одеяло, брошенное на пол, но разница с ее обычной койкой была невелика. В другом углу, тоже на одеяле, крепко спал Рик. Он всегда спал крепко после изнурительных приступов головной боли.

Староста ложиться отказался, опять рассмешив Хорова (который, похоже, готов был смеяться по любому поводу). Пекарь выключил свет, сказав:

— Пусть тогда сидит в темноте, раз уж ему так хочется.

Сон к Валоне не шел. А вдруг ей вообще никогда больше не удастся заснуть? Ведь она ударила патрульного!

Ни с того ни с сего вспомнились отец и мать.

Воспоминания о них были туманны. За годы, пролегшие между жизнью с родителями и нынешней, Валона почти заставила себя забыть их лица. Теперь ей припомнилось, как они, думая, что дочь спит, перешептывались ночами. А еще — люди, пришедшие из темноты.

Однажды ночью Лону разбудили патрульные

и принялись задавать вопросы. Она плохо понимала, чего от нее хотят, но постаралась ответить. После этого родители исчезли. Уехали, как ей было сказано. Лону отправили на работу, хотя другие ребята ее возраста еще два года наслаждались свободой. Люди косились на нее и не позволяли своим детям с ней играть, когда она возвращалась домой. Валона научилась уходить в себя. Научилась молчать. Ее прозвали Лоной-Орясиной, насмехались, считали тупицей.

Почему этот ночной разговор навел на мысли о родителях?..

— Валона.

Шепот раздался так близко, что чужое дыхание колыхнуло ее волосы, и был так тих, что она едва его расслышала. Валону охватил страх пополам со смущением: голое тело укрывала лишь тонкая простыня.

— Молчи, — продолжил голос старосты, — и слушай. Я ухожу. Дверь не заперта. Но я обязательно вернусь, слышишь? Ты все поняла?

Она нащупала руку старосты и пожала. Похоже, такой ответ его устроил.

— Позаботься о Рике. Не спускай с него глаз. И еще, Валона… — Он помолчал. — Не слишком-то доверяй Пекарю. Я его не знаю. Поняла?

Потом что-то прошелестело, скрипнуло. Ушел. Валона приподнялась на локте. Тишину нарушало лишь сопение Рика и ее собственное дыхание.

Она крепко зажмурилась в темноте и принялась думать. Почему староста, который знает все-все на свете, так отозвался о Пекаре? Ведь тот их спас и патрульных он ненавидит? Так почему?

На ум пришло только одно: Пекарь уже был там, на улице. И когда тучи окончательно сгустились над их головами, принялся действовать. И действовал быстро. Словно все было подстроено заранее, а Пекарь только того и ждал. Странно, очень странно. Если бы не слова старосты, она бы сроду об этом не подумала.

Громкий, насмешливый окрик расколол тишину:

— Эй! Ты еще здесь?

Валона окаменела в луче света. Немного придя в себя, натянула простыню до самого подбородка. Луч метнулся в сторону. Она сразу узнала говорившего. В полумраке темнела приземистая мощная фигура, подсвеченная опущенным фонариком.

— Надо же, я думал, ты тоже с ним уйдешь.

— С кем, сэр? — пискнула Валона.

— Со старостой. Ты же знаешь, что он смылся. Не юли.

— Сэр, он вернется.

— Это он тебе так сказал? Что ж, дурак будет, ежели вернется. Патрульные его схватят. Если он не тупой, твой староста, то сообразил, что дверь была отперта неспроста. А ты разве не собираешься бежать?

— Я подожду старосту.

— Ну-ну. Долгонько же тебе придется ждать. Ладно, уйдешь, когда захочешь.

Луч скользнул по полу, выхватив из темноты бледное и худое лицо Рика. Тот сморщился от яркого света, плотнее смыкая веки, но не проснулся.

— Сама уходи, когда заблагорассудится, а его оставь, — голос Пекаря сделался задумчивым. — Надеюсь, ты меня понимаешь? Решишь уйти — дверь открыта, но не для этого парня.

— Он просто несчастный больной… — испуганно начала Валона.

— Да? Как раз такие мне и нужны. Он останется здесь, заруби себе на носу.

Луч фонарика продолжал светить прямо в лицо спящему Рику.

Глава 5. Ученый

Профессор Селим Юнц уже целый год сгорал от нетерпения. Беда в том, что к нетерпению, сколько ни старайся, притерпеться нельзя. Скорее наоборот. Прошедший год научил его тому, что саркская бюрократия суеты не терпит. Особенно с учетом того, что государственными служащими были в основном уроженцы Флорины, подчеркнуто блюдущие свое достоинство.

Однажды Юнц поинтересовался у старины Абеля, транторского посла, прожившего на Сарке так долго, что, кажется, даже его ботинки успели пустить тут корни, почему саркцы позволяют работать в государственных учреждениях тем, кого искренне презирают.

Абель с прищуром посмотрел на него поверх бокала с молодым вином.

— Политика, Юнц, всего лишь политика. Утилитарная генетика пополам с саркской логикой. Сарк — крошечная, никчемная планетка, которая имеет вес только до тех пор, пока контролирует Флорину, этот неисчерпаемый золотой прииск. Вот почему каждый год они носятся по тамош-

ним полям и деревням в поисках подающей надежды молодежи и отправляют ее на Сарк для обучения. Посредственности остаются на госслужбе заполнять бланки и шлепать печатями, а по-настоящему умных возвращают на Флорину руководить поселками. То есть назначают так называемыми старостами.

Профессор Юнц был прежде всего пространственным аналитиком, и смысла в словах Абеля не углядел. О чем не преминул тут же объявить. Абель ткнул в него корявым старческим пальцем. Зеленоватый блик содержимого бокала упал на ребристый, изжелта-серый ноготь, сгладив его цвет.

— Не быть вам управленцем, Юнц, сразу видно. Так что не обращайтесь ко мне за рекомендацией — откажу. Ну, посудите сами. Цвет флорианской нации, оказывается, беззаветно предан Сарку, ведь пока они служат своим хозяевам, те холят их и лелеют. Стоит только повернуться спиной к Сарку, и их в лучшем случае ждет возвращение к существованию обычного флорианца, а оно, друг мой, ой как нелегко.

Посол одним глотком осушил бокал и продолжил:

— Кроме того, ни старосты, ни флорианцы,

оставшиеся на Сарке, не могут иметь детей, если не хотят потерять свой социальный статус. Даже от флориниянок. О браках с саркскими женщинами речь вообще не идет. Следовательно, лучшие флориниянские гены непрерывно выводятся из обращения, так что со временем население Флорины будет состоять из дровосеков да водоносов.

— Но ведь тогда Сарк останется без чиновников, разве нет?

— Ну, это вопрос весьма отдаленного будущего.

Профессор Юнц припомнил этот разговор, сидя в приемной министерства по делам Флорины и с нетерпением ожидая, когда падут бюрократические препоны, в то время как клерки-флориниянцы носились по бесконечному канцелярскому лабиринту.

Перед ним появился пожилой чиновник, состарившийся на служебной ниве.

— Профессор Юнц?

— Да.

— Следуйте за мной.

Табло со сменяющимся номером или беспроводной флюороканал были бы столь же эффективны, но там, где рабочая сила ничего не стоит, прогресс не востребован. Рабочая сила… Занятно, но ни в

одном государственном учреждении Сарка он ни разу не видел работниц. Флориниянки не имели права покидать планету, исключения делались лишь для домашней прислуги, которой также было запрещено иметь детей. А о связях флориниянцев с саркианками и речи быть не могло, как сказал Абель.

Юнца жестом пригласили сесть к столу секретаря замминистра. Должность была высвечена на столешнице. Разумеется, ни один уроженец Флорины не мог подняться выше уровня простого клерка — неважно, сколько реальных нитей управления сосредоточивалось в их белых руках. Сам министр и его заместитель были, естественно, саркцами, и хотя Юнц вполне мог повстречаться с ними на каком-нибудь светском рауте, попасть к ним на прием в министерстве не было никакой возможности.

Он сел, изнывая от нетерпения: до цели оставалось всего ничего. Клерк внимательно изучал дело, переворачивая каждый исписанный убористым почерком листок так, словно там содержались все тайны вселенной. Он был довольно молод (видимо, недавний выпускник), светлокожий и светловолосый, как все флориниянцы.

Профессора Юнца охватил атавистический

трепет. Сам он был очень смуглым уроженцем Либейра. В галактике было немного планет, подобных Флорине или Либейру, то есть населенных исключительно белокожими или чернокожими людьми. В основном преобладало нечто среднее.

Кое-кто из дерзких молодых антропологов выдвигал даже гипотезы, что население таких планет, как Либейр, принадлежит к иной, хотя и конвергентной, эволюционной ветви. Представители старой школы встречали в штыки теорию эволюции, в которой конвергенция видов приводит к возможности их скрещивания. Меж тем скрещивание происходило, следовательно, настаивали они, существовала некая планета-прародина, где люди уже делились на подгруппы с различным цветом кожи.

С точки зрения профессора Юнца, они просто сдвигали проблему в прошлое, не давая удовлетворительного ответа. Он нередко ловил себя на том, что обдумывает эту задачку. Легенды о каком-то давнишнем конфликте были почему-то характерны именно для «темных» планет. Например, либейрские мифы гласили о войне между людьми разного цвета кожи. Сам Либейр якобы был основан темнокожими беглецами,

проигравшими сражение.

Когда Юнц покинул родину и улетел учиться в Арктурианский институт пространственных технологий, а затем приступил к работе, старые сказки выветрились у него из головы. Вспомнил он о них после одного удивительного случая. Дела занесли Юнца на древнюю планету Кентаврийского сектора, история которой охватывала неисчислимые тысячелетия, а язык был настолько архаичен, что наводил на мысль о мифическом «английском». Так вот, в диалекте этой планеты имелось особенное слово для именования темнокожих.

Зачем могло потребоваться специальное слово для людей с темной кожей? Ведь никто не изобретает названия для людей с голубыми глазами, большими ушами или кудрявыми волосами? Нет никаких особенных слов и для…

— Судя по записям, вы уже обращались в наш департамент? — прервал его размышления голос клерка.

— Да, сэр, обращался, — кисло ответил Юнц.

— Довольно давно?

— Да, довольно давно.

— Вы до сих пор пытаетесь найти пространственного аналитика, исчезнувшего… — клерк

пролистал страницы, — …одиннадцать месяцев и тринадцать дней назад?

— Верно.

— И за все это время, — продолжил клерк сухим, скрипучим голосом, из которого, казалось, были выжаты все соки, — не обнаружилось ни единого доказательства, что этот человек когда-либо побывал на территории Сарка.

— Последнее его сообщение пришло из окрестностей Сарка.

— Может быть, — клерк зыркнул на ученого бледно-голубыми глазками. — Однако доказательств посадки его корабля на Сарк нет.

Нет доказательств! Юнц сжал зубы. Именно так со все возрастающей неприязнью ему отвечали уже несколько месяцев в Межзвездном Пространственно-аналитическом Бюро.

«Нет доказательств, профессор Юнц». «Вы могли бы с большей пользой тратить рабочее время, профессор Юнц». «Бюро всенепременно продолжит поиски, профессор Юнц».

Что в переводе на человеческий значило: прекратите нам досаждать, чертов Юнц!

Все это началось, как скрупулезно отметил клерк, одиннадцать месяцев и тринадцать дней назад по межзвездному стандартному времени

(клерк, разумеется, не допустил бы небрежности, воспользовавшись местным временем в подобном вопросе). За два дня перед тем Юнц прилетел на Сарк для рутинной проверки сотрудников Бюро, которая превратилась… короче, превратилась в то, во что превратилась.

Его встретил местный представитель МПБ, субтильный юноша, запомнившийся профессору главным образом тем, что непрерывно жевал какую-то эластичную штуковину — видимо, продукт саркской химической промышленности.

Инспекция подходила к концу, когда юноша, запихав свою жвачку куда-то за коренные зубы, произнес:

— Ах да, есть еще сообщение от одного из наших полевых агентов. Скорее всего, ничего важного, вы же их знаете.

Привычно-презрительное «вы же их знаете» заставило Юнца вспыхнуть от негодования. Он уже хотел сказать, что сам пятнадцать лет назад работал полевым агентом, однако вовремя вспомнил, что его хватило всего на три месяца. Именно эта вспышка злости заставила Юнца внимательно прочитать сообщение.

Оно гласило: «Пожалуйста, держите свободной прямую шифрованную линию связи со штаб-

квартирой МПБ для детального отчета по вопросу первостепенной значимости. Дело — галактической важности. Приземляюсь по кратчайшей траектории».

Юноша, похоже, развеселился. Продолжая непрерывно жевать, он промычал:

— Нет, вы только вообразите, сэр! «Дело галактической важности»! Даже для полевого агента — это перебор. Я связался с ним, надеясь узнать подробности, но куда там! Он тупо бубнил, что Флорина в опасности. Мол, на кону — жизнь полумиллиарда людей. Форменный псих. Честно говоря, не хотелось бы мне оказаться с таким один на один. А вы что думаете, сэр?

— У вас сохранилась стенограмма разговора?

— Да, сэр.

Порывшись несколько минут, парень нашел пленку. Юнц просмотрел ее на ридере и нахмурился:

— Это копия, не так ли?

— Оригинал я отослал в саркский департамент межпланетного транспорта. Решил, что неплохо будет выслать ему навстречу карету «Скорой помощи», когда он приземлится. Мужик, похоже, рехнулся.

Юнц уже готов был согласиться с молодым

человеком. Когда одинокие аналитики космических глубин внезапно прерывают работу, они зачастую оказываются склонны к агрессии.

— Погодите, разве он еще не приземлился?

— Наверное, приземлился. — Юноша выглядел удивленным. — Но мне никто об этом не доложил.

— Свяжитесь с транспортниками и узнайте. Психопат он или нет, все должно быть отражено в документах.

Юнц пробыл на Сарке еще день. Перед тем как покинуть планету, он вновь на минутку заглянул к молодому человеку. Профессор спешил, его ждали дела на других планетах. Уже стоя в дверях, он спросил:

— Кстати, как там наш полевой агент?

— Ах да, полевой агент… Транспортники ничего о нем не знают. Я отправил им энергетическую сигнатуру его гиператомных двигателей, но они заявили, что такого корабля в околопланетном пространстве нет. Парень, наверное, передумал.

Юнц решил отложить отлет на сутки. На следующий день он лично посетил департамент межпланетного транспорта в Сарк-сити, столице Сарка. Там-то ему и пришлось в первый раз повстречаться с чиновниками-флоринианцами.

Те только пожимали плечами. Да, они получали сообщение о предполагаемом приземлении аналитика МПБ. Нет, корабль не приземлялся.

Но это очень важно, настаивал Юнц. Человек, вероятно, болен. Разве они не читали запись его беседы с местным представителем МПБ? Чиновники только поднимали брови. Запись? Никаких записей никто не получал. Они весьма сожалеют о болезни его сотрудника, однако корабль МПБ на Сарке не приземлялся. На орбите Сарка вообще нет ни одного корабля МПБ.

Юнц в глубокой задумчивости вернулся в гостиницу. Дополнительные сутки, на которые он снял номер, закончились. Он позвонил администратору и договорился о переезде в другой номер, более подходящий для длительного пребывания. Затем связался с транторским послом Людиганом Абелем и условился о встрече.

Весь следующий день он читал книги по истории Сарка, и ко времени рандеву с послом в его душе медленно закипала злость. Ничего, так легко он им не сдастся.

Старый посол воспринял его визит как чисто светский: тепло пожал Юнцу руку, включил механического бармена и отказался говорить о деле, пока они не выпили по два бокала вина. Юнц,

воспользовавшись возможностью поболтать, расспросил посла о флоринианцах на государственной службе. Выслушав краткую лекцию о практической генетике Сарка, он пришел в еще большее раздражение.

Юнц и теперь, словно воочию, видел Абеля: глубоко посаженные глаза, поразительно белые брови, горбатый нос, нависший над бокалом, впалые щеки, подчеркивающие худобу, и постукивающий кривой палец, словно неторопливо отсчитывающий такты неслышимой музыки. Юнц со скупой невозмутимостью изложил свою историю. Абель выслушал, не перебивая, легонько постучал кончиком пальца по губам и сказал:

— Послушайте, вы знакомы с пропавшим человеком?

— Нет.

— И никогда с ним не встречались?

— С аналитиками, работающими в поле, встретиться непросто.

— У него прежде бывали срывы?

— Согласно записям МПБ, этот — первый. Если речь вообще идет о срыве.

— Если?.. — Посол не стал заканчивать фразу. — А зачем, собственно, вы пришли ко мне?

— За помощью.

— Ну, это понятно. Но чем конкретно я могу вам помочь?

— Позвольте объяснить. Саркский департамент межпланетного транспорта проверил околопланетное пространство и не обнаружил сигнатуры моторов нашего корабля. Вряд ли они мне соврали. Я не говорю, что саркцы выше лжи, но сейчас им просто незачем лгать. Они понимают, что я могу проверить их информацию за два-три часа.

— Верно. И что же из этого следует?

— Энерготрассировка невозможна лишь в двух случаях. Если корабля действительно нет поблизости, потому что он совершил прыжок через гиперпространство и находится в иной части галактики. Или если корабль приземлился на планете. Я не верю, что наш человек совершил прыжок. Если его идея об опасности, грозящей Флорине и всей галактике, — всего лишь нервный срыв, ничто не остановит полевого агента от высадки. Он не передумает сообщать и никуда не улетит. Поверьте, у меня пятнадцатилетний опыт в подобных делах. Если же есть хоть малейший шанс, что агент был здоров и мыслил разумно, то тем более не улетел бы, судя по важности сообщения.

— То есть вы делаете вывод, что он на Сарке? —

Старый посол поднял палец и покачал им.

— Совершенно верно. И тут у нас опять появляются два варианта. Если парень находился в состоянии психоза, он мог сесть не в космопорте, а где угодно. И теперь бродит там, ничего не соображая и страдая от амнезии. Такое случается редко, но все же случается. Подобные припадки быстро проходят, и после них жертва обычно сначала вспоминает о своей работе и лишь затем — все остальное. Что неудивительно, ведь для пространственного аналитика работа — это и есть жизнь. Зачастую несчастных обнаруживают в библиотеках, где те разыскивают книги по пространственному анализу.

— Понимаю. Хотите, чтобы я помог вам договориться с советом библиотекарей и они доложили вам о таком случае?

— Нет, с этой стороны я проблем не жду. Я сам попрошу поместить фундаментальные работы по пространственному анализу в спецхран, после чего любой, кто не докажет, что он уроженец Сарка, будет задержан для допроса. Мне не откажут, потому что знают: это бесполезно. Ну, или знает кое-кто из начальства.

— Почему бесполезно?

— А потому, — Юнц заговорил быстро, закипая

от ярости, — что наш агент, здоровый ли, спятивший ли, высадился в столичном космопорте, как и намеревался. Я в этом абсолютно убежден. После чего саркское правительство либо его убило, либо бросило в тюрьму.

— Вы шутите? — Абель отставил полупустой бокал.

— Неужели похоже? Вспомните, что вы полчаса назад рассказали мне о Сарке. Их жизнь, благосостояние и власть целиком и полностью зависят от Флорины. Это согласуется с тем, что я сам за прошедшие сутки прочел о Сарке. Кыртовые поля Флорины — главное его богатство. И вдруг появляется тип — неважно, здоровый или больной, — который объявляет о некой галактической катастрофе, грозящей гибелью населению Флорины. Ознакомьтесь со стенограммой последней беседы с ним.

Абель поймал брошенную Юнцем пленку и взял ридер. Медленно прочитал, вглядываясь блеклыми глазами в окуляр.

— Не очень-то информативно.

— Разумеется. Здесь говорится только об опасности и экстренной срочности. Это все. Однако такое сообщение ни в коем случае нельзя было отправлять саркцам. Даже если наш аналитик

ошибся, разве их правительство позволило бы ему сеять безумные слухи по всей галактике? Кстати, еще вопрос, ошибся ли он… На свет выплыла бы неприглядная грязь взаимоотношений Сарка и Флорины, это не говоря о панике на планете и перебоях в производстве кыртовой нити. Причем, чтобы предотвратить все это, достаточно ликвидировать одного человека. Я же, имея на руках только стенограмму, ничего предпринять не могу, и им это известно. Неужели Сарк остановится перед убийством? Сарк, где проводят генетические эксперименты, о которых вы сами мне рассказали? Не думаю.

— Но что вы хотите от меня? Ко всему прочему, я пока ни в чем не убежден, — бесстрастно сказал Абель.

— Выясните, убили они его или нет, — мрачно попросил Юнц. — У вас же наверняка есть шпионская сеть. Только не надо делать большие глаза. Я достаточно пространствовал по галактике, чтобы утратить политическую невинность. Докопайтесь до истины, пока я отвлекаю их своими библиотечными изысканиями. Если обнаружится, что агент был убит, Трантор должен позаботиться о том, чтобы все правительства в галактике уяснили: нельзя убить сотрудника

МПБ и остаться безнаказанным.

Этим и завершилась их первая встреча.

Юнц оказался прав в одном — в том, что касается библиотек. Саркские чиновники сотрудничали охотно и даже с сочувствием.

Во всем остальном его постиг полный провал. Шли месяцы, а шпионы Абеля не находили на Сарке ни следа пропавшего аналитика, будь он жив или мертв.

Так продолжалось уже одиннадцать месяцев. Юнц чувствовал, что готов сдаться. Решил дождаться, когда пройдет полный год, и капитулировать. И тут дело сдвинулось с мертвой точки. Причем сработала не шпионская сеть Абеля, а полузабытая библиотечная ловушка. Пришел доклад из Саркской общественной библиотеки, и вот теперь Юнц сидел против чиновника Министерства по делам Флорины.

Клерк закончил обдумывать дело. Перевернув последний листок, он поднял глаза на Юнца.

— Чем я могу вам помочь?

— Вчера в шестнадцать часов двадцать две минуты я был проинформирован, что во флорианское отделение общественных библиотек Сарка явился мужчина, который запросил два труда по пространственному анализу, — сказал

Юнц, осторожно выбирая слова. — Он не был уроженцем Сарка. С тех пор я не получил из библиотеки ни одного нового сообщения. — Юнц возвысил голос, не давая клерку себя перебить. — В новостном телевыпуске, который я смотрел вечером в пять минут шестого по общественному каналу отеля, сообщалось, что в этой же самой библиотеке был найден без сознания сотрудник флоринианского патруля. В нападении подозреваются трое туземцев Флорины, уже объявленные в розыск. Больше этот выпуск не повторялся. Я не сомневаюсь, что оба события взаимосвязаны. Как не сомневаюсь и в том, что человек, которого я разыскиваю, — в руках патрульных. Я попросил визу для полета на Флорину. Мне было отказано. Тогда я отправил туда субэфирное сообщение с просьбой переслать этого человека на Сарк. Ответа я не получил. Поэтому явился в ваше министерство и требую предпринять надлежащие меры. Либо вы отправляете меня на Флорину, либо его — на Сарк.

— Правительство Сарка не может принять ультиматум от сотрудника МПБ, — безжизненным голосом произнес чиновник. — Мои вышестоящие предупредили о том, что вы, вероятно, будете пытаться давить на меня по данному вопросу,

и проинструктировали относительно фактов, каковые я имею право вам сообщить. Человек, который, согласно имеющимся сведениям, запросил оговоренные книги, совместно с двумя своими сообщниками — старостой и туземной женщиной, — совершил упомянутое вами нападение и находится в розыске. Они все еще не задержаны.

— Так они сбежали? — Юнц даже не попытался скрыть горького разочарования.

— Не совсем. Их обнаружили в пекарне Мэтта Хорова.

— Они все еще там? — Юнц впился взглядом в клерка.

— Вы недавно имели беседу с его превосходительством Людиганом Абелем?

— Какое это имеет отношение к…

— Нам сообщили, что вас нередко видят в транторском посольстве.

— Я не виделся с послом с прошлой недели.

— В таком случае советую вам увидеться. Учитывая деликатность наших взаимоотношений с Трантором, мы позволили преступникам оставаться в пекарне Хорова. В случае, если я сочту это необходимым, мне поручено сообщить, что Хоров — полагаю, вас это не удивит, — бледная физионо-

мия клерка сделалась насмешливой, — известен нашему министерству как шпион Трантора.

Глава 6. Посол

Тиренс покинул пекарню Хорова за десять часов до встречи Юнца с чиновником министерства.

Староста шел, осторожно ведя рукой по шершавым стенам лачуг рабочих. Улицы тонули в темноте. Бледный свет, местами падавший из Верхнего города, был здесь единственным освещением, если не считать патрульных с яркими фонариками, передвигавшихся по двое, по трое.

Нижний город дремал, будто жирный ядовитый змей, свившийся кольцами под нависшим покровом Верхнего. Вероятно, где-то теплилась призрачная жизнь: что-то производили и перевозили на склады, готовясь к наступающему дню. Только не в этих трущобах.

Тиренс свернул в пыльный проулок (ночные дожди Флорины не могли проникнуть под «зонтик» бетоносплава), когда до него донесся топот. Ярдах в ста загорелся и погас свет.

Патрульные ходили по городу ночь напролет. Этого было достаточно. Они нагоняли такой страх, что для поддержания порядка почти не

требовалось применять силу. Конечно, во мраке мог кто-нибудь таиться, но этой угрозой можно было пренебречь, даже если сбросить со счетов патрульных. Мастерские и продуктовые магазины хорошо охранялись, сокровища Верхнего города оставались недоступными, а воровать друг у друга, паразитируя на соседской нищете, — бессмысленно.

То, что считалось преступлениями на иных планетах, здесь практически отсутствовало. Бедняки — под рукой, да взять с них нечего. Богатых же — не достать.

Тиренс перебежал освещенный участок под щелью в бетоносплаве, не смог удержаться и взглянул вверх. На его лицо упал свет.

Не достать!

Но так ли это? Сколько раз менялось его собственное отношение к нобилям? Он был обычным ребенком, в детстве патрульные казались ему чудищами в черном и серебряном, от которых надо убегать, — неважно, нашкодил ты или нет. Нобили же представлялись таинственными и милостивыми небожителями, обитающими в раю под названием «Сарк», денно и нощно размышляющими о благополучии глупых флориниан цев.

Каждый день маленький Тиренс повторял в

школе: «Да хранит Дух галактики нобилей, как хранят нас они».

«Вот именно! — подумалось теперь Тиренсу. — Пусть Дух галактики отнесется к ним так же, как они к нам. Не больше и не меньше». — Он до боли сжал в темноте кулаки.

В десять лет Тиренс написал школьное сочинение на тему «Как я представляю жизнь на Сарке». Он дал волю фантазии, вместе с тем стараясь показать отменные чистописание и стиль. Он мало что помнил из своей детской работы. Всего один абзац, где описывались нобили: каждое утро они собирались в огромном зале, раскрашенном в оттенки цветущего кырта, и во всем блеске своего двадцатифутового великолепия со скорбью рассуждали о прегрешениях флорианцев, дискутируя, как вернуть заблудших на путь добродетели.

Учитель остался очень доволен. В конце учебного года Тиренса перевели в особый класс, где он начал изучать математику, историю Сарка и галактографию, в то время как прочие мальчики и девочки продолжили свои краткие уроки чтения, письма и морали. В шестнадцать лет Тиренса послали на Сарк.

Он до сих пор с трепетом вспоминал тот вели-

колепный день. Ему стало стыдно.

До окраины города было уже недалеко. Порыв ветра донес сладковатый ночной запах цветущего кырта. Несколько минут — и Тиренс окажется в относительно безопасных полях. Там почти не бывает патрулей, и сквозь прорехи в облаках он вновь увидит звезды. В том числе — ярко-желтое пятнышко солнца Сарка.

Полжизни оно было и его солнцем. Когда Тиренс впервые увидел эту звезду в иллюминатор, она показалась ему не звездой, а ослепительно-ярким стеклянным шариком. Ему захотелось пасть на колени. Предвкушение скорого рая избавило его даже от страха перед первым полетом в космос.

На Сарке к Тиренсу приставили пожилого флоринианца, который проследил, чтобы мальчик искупался и подобающе оделся. Затем они вдвоем отправились в большое здание. По пути старик низко поклонился какому-то прохожему и зашипел на Тиренса:

— Кланяйся!

Тиренс поклонился и удивленно поинтересовался:

— Кто это был?

— Нобиль, деревенщина ты эдакая.

— Нобиль?!

Тиренс застыл, точно вкопанный. Старику пришлось подтолкнуть мальчика. Вот так он впервые увидел нобиля. Никаких двадцати футов роста в нем не было, человек как человек. Наверное, другие юные флориниане оправились от разочарования, но только не Тиренс. Что-то надломилось в нем, изменилось навсегда.

Ни разу за все время обучения, в котором он, кстати, преуспевал, Тиренс не забывал, что нобили — это просто люди.

Учение длилось десять лет. Время, остававшееся от уроков, еды и сна, он должен был посвящать услужению. Тиренс передавал сообщения, опустошал корзины для бумаг, низко кланялся нобилям и почтительно отворачивался лицом к стене, встретив саркскую женщину.

Пять лет он проработал на государственной службе. Юношу перебрасывали с места на место, чтобы как можно лучше раскрыть его способности и проверить в различных условиях.

Как-то раз Тиренса навестил пухлый флорианец. Гость дружески улыбнулся и, ласково похлопав по плечу, поинтересовался, что он думает о нобилях. Тиренс едва подавил желание убежать со всех ног. Испугался, что его мысли

неким таинственным образом проявятся в гримасе. Склонив голову, он пробормотал несколько банальностей о доброте нобилей.

Однако толстяк поджал губы и произнес:

— Ты вовсе не то хотел сказать. Приходи вечером вот по этому адресу.

И дал Тиренсу карточку, которая через несколько минут рассыпалась в пыль.

Тиренс пошел. Ему было страшно и в то же время любопытно. Там он встретил друзей. На встрече они смотрели на него таинственно, а позже, на работе, — безразлично. Там вслух произносилось то, что он считал своими, и только своими, сокровенными мыслями.

Оказалось, что кое-кто из флориниан цев тоже полагает нобилей негодяями, высасывающими из Флорины все соки ради собственных праздных прихотей, оставляя трудолюбивых туземцев погрязать в невежестве и нищете. Он узнал, что однажды на Флорине поднимется восстание и все богатства планеты перейдут к их законным владельцам.

«Как?» — снова и снова спрашивал Тиренс. Ведь у нобилей — патрульные и оружие.

Тогда ему поведали о Транторе, огромной империи, за несколько столетий поглотившей

половину обитаемых планет галактики. Трантор, отвечали ему, уничтожит Сарк, а флоринианцы помогут.

«Если Трантор столь велик, а Флорина столь мала, не получится ли так, что нам на шею сядет более сильный и жестокий хозяин? — спрашивал Тиренс сначала самого себя, потом товарищей. — Не разумнее ли оставить все как есть? Лучше хозяин, которого ты уже знаешь, чем неизвестный».

Над Тиренсом посмеялись и прогнали, пригрозив, что убьют, если он кому-нибудь проговорится. А через какое-то время он заметил, что заговорщики начали один за другим пропадать, пока не остался только толстяк.

Иногда Тиренс замечал, как тот нашептывает на ухо очередному новичку, но предупреждать наивных юношей о том, что их искушают и проверяют, было небезопасно. Каждый должен был пройти этот путь самостоятельно, как прошел его Тиренс.

Он прослужил некоторое время даже в Министерстве госбезопасности, куда допускались лишь немногие флоринианцы. Прослужил совсем недолго. Власть сотрудников министерства была столь велика, что люди там не задержи-

вались.

В министерстве Тиренс с изумлением обнаружил, что существуют настоящие заговоры, против которых нужно бороться. Каким-то образом мужчины и женщины Флорины умудрялись создавать тайные общества. Обычно их исподтишка спонсировал Трантор. Изредка флоринианцы действовали самостоятельно.

Тиренс много об этом размышлял. Он был скуп на слова, вел себя подчеркнуто корректно, но строй его мыслей остался неизменным. Нобилей он по-прежнему ненавидел. Отчасти потому, что в них не оказалось двадцати футов роста, отчасти потому, что ему запрещалось смотреть на их женщин, отчасти потому, что, прослужив нескольким начальникам, он сделал вывод: при всем своем высокомерии большинство нобилей умом не блещут.

Однако какая альтернатива у Флорины? Сменить глупых саркцев на глупых транторцев? А смысл? Ждать, что флоринианские поселяне сами со всем разберутся? Фантастическая наивность. Выхода не существовало.

Он обдумывал проблему годами. Студентом, мелким чиновником, потом старостой…

И вдруг особенные обстоятельства вручили ему

невообразимый ответ в лице жалкого человечка, бывшего когда-то пространственным аналитиком, а теперь лепечущего о некой угрозе самому существованию Флорины.

Вокруг Тиренса раскинулись поля. Ночная морось заканчивалась, между тучами влажно поблескивали звезды. Тиренс глубоко вдохнул запах кырта — сокровища и проклятия Флорины.

Иллюзий он не испытывал. Он больше не староста, даже не свободный поселянин. Он — преступник в бегах, дичь, которой следует прятаться.

В голове билась одна и та же мысль: последние сутки в его руках находилось величайшее оружие против Сарка, оружие, о котором можно было только мечтать. На сей счет сомневаться не приходилось.

Тиренс знал, что воспоминания Рика истинны. Тот действительно был пространственным аналитиком. Его подвергли психозондированию, едва не превратив в «овощ», но он все равно вспомнил нечто чрезвычайно ужасное и важное.

Да, Тиренс в этом не сомневался.

Однако сейчас Рик находился в руках трантор-ского шпиона, прикидывающегося патриотом Флорины.

Тиренсу сделалось горько. Разумеется, Пекарь — агент Трантора. Тиренс сразу его раскусил. У кого еще в Нижнем городе найдутся лишние деньги на сооружение печки-обманки?

Рика нельзя отдавать Трантору, нельзя позволить им наложить на него лапу. Ради Рика Тиренс готов был пойти на любой риск. Впрочем, какие там еще риски? Он уже обрек себя на смертную казнь.

Над горизонтом просветлело. Надо было дождаться рассвета. У патрульных, разумеется, уже есть описание преступника. Чтобы засечь Тиренса, им понадобится несколько минут.

Однако в течение этих нескольких минут он останется старостой. И сможет сделать то, о чем даже сейчас не осмеливался подумать.

Через десять часов после разговора с сотрудником министерства Юнц вновь посетил Людигана Абеля.

Посол приветствовал его со своеобычной сердечностью, к которой примешивались некоторые угрызения совести. Во время первой встречи с профессором, состоявшейся почти год назад по стандартному времени, он не принял его историю близко к сердцу. Посла интересовало одно: пойдет ли случившееся на пользу Трантору?

Трантор всегда занимал его мысли, и все же Абель не был глупцом, слепо поклоняющимся звездному скоплению или желтой эмблеме с изображением солнца и космического корабля, которую носили военнослужащие Трантора. Абель не был патриотом в примитивном понимании этого слова. Сам по себе Трантор ничего для него не значил.

Абель поклонялся миру. И чем дольше он жил, тем истовее поклонялся. Старея, он все больше ценил бокал вина и послеобеденную дрему, пропитывался духом негромкой музыки, дорогого одеколона и тишиной угасания в предчувствии смерти. Ему казалось, что схожие эмоции должны испытывать все люди. Те же продолжали затевать бесконечные войны. Насмерть замерзали в космическом вакууме, испарялись в атомных взрывах, гибли на осажденных и бомбардируемых планетах.

Как же принудить их к миру? Ни увещевания, ни, тем более, образование тут не помогут. Если человек, сравнивая войну и мир, сознательно выбирает первое, разве смогут его убедить какие-то дополнительные доводы? Что способно обвинить войну красноречивее, чем сама война? Какая изощренная диалектика обладает хотя бы деся-

той долей убедительности одного-единственного разбитого корабля, несущего страшный груз?

Следовал вывод: положить конец злоупотреблению силой можно только силой.

В кабинете Абеля висела карта Трантора, на которой отмечались случаи применения этой силы. Карта представляла собой прозрачное «яйцо» — наглядное трехмерное изображение галактики. Алмазная пыль звезд, темные и светлые пятна туманностей, а в самой сердцевине находились несколько красных искорок Транторской республики.

Вернее, не «находились», а «когда-то были». Пятьсот лет назад в Трантор входили всего-навсего пяток планет.

Карта была ретроспективной. Если указатель круговой шкалы стоял на отметке «ноль», в «яйце» светилось пять красных точек. Поворот верньера на одно деление соответствовал смещению на пятьдесят лет вперед, и в окрестностях Трантора вспыхивал целый сноп алых искр.

Еще десять делений — и прошло полтысячелетия, за которое кровавая лужа растеклась на половину галактики.

Красный цвет весьма причудливым образом стал кровавым. Сначала Транторская республика

превратилась в Транторское содружество, а затем — в Транторскую империю. Путь этот был усеян выпотрошенными трупами, выпотрошенными кораблями и выпотрошенными планетами. Трантор делался все сильнее; внутри алого пятна царил мир.

Теперь Трантор стоял на пороге нового превращения: из Транторской империи он готовился стать империей галактической. Красный цвет скоро поглотит все звезды, и мир станет воистину всеобщим миром, Pax Trantorica.

Вот чего хотел Абель. Живи он пятьсот лет назад, четыреста или даже двести, — не задумываясь выступил бы против Трантора как гнездилища отвратительных, бесконечно жадных и агрессивных материалистов, безразличных к правам других, — далеких от идеальной демократии дома, хотя и зорко подмечающих «бревна» в чужих глазах. Но все это осталось в прошлом.

Абель служил не Трантору. Он служил всеобъемлющей цели, которую Трантор олицетворял. Поэтому вопрос «Пойдет ли случившееся на пользу галактическому миру?» естественным образом трансформировался в вопрос «Пойдет ли случившееся на пользу Трантору?».

К сожалению, в данном конкретном случае

Абель не был ни в чем уверен, тогда как профессору Юнцу решение представлялось простым и очевидным: Трантор должен поддержать МПБ и наказать Сарк.

Может быть, это будет полезно, особенно если удастся доказать вину Сарка. А может быть, нет — если вина Сарка не будет доказана. В любом случае Трантору не следовало бросаться в атаку очертя голову. Всем было известно, что Трантор стоит в одном шаге от подчинения себе галактики, тем не менее существовала такая возможность, что независимые планеты объединятся и выступят против империи. Трантор мог выиграть даже такую войну, но, вероятно, заплатив столь высокую цену, что победа стала бы лишь иносказательным названием для поражения.

Игра вошла в завершающую стадию. Трантору ни в коем случае нельзя поступать опрометчиво, и Абелю надлежит действовать с оглядкой, осторожно дергая за ниточки паутины, которой он опутал саркские государственные службы и нобилитет. С улыбкой прощупывать, исподволь расспрашивать… И не выпускать из виду Юнца, чтобы экспансивный либейрианец в мгновение ока не сломал то, что Абелю потребуется чинить

целый год.

Абеля вообще удивлял неукротимый гнев либейрианца.

— Почему вас так заботит один-единственный агент? — спросил он как-то профессора.

В глубине души он ожидал, что тот разразится спичем о безупречной порядочности МПБ, о долге всех и каждого поддерживать Бюро, которое служит человечеству, а не той или иной планете. Но ничего этого он не услышал.

Нахмурившись, Юнц произнес:

— Потому что в основе этой истории лежат лживые взаимоотношения Сарка и Флорины. Я хочу вывести их на чистую воду, хочу сокрушить.

Абелю стало тошно. Всегда и везде людей заботит лишь отдельно взятый мирок, вновь и вновь мешая лучшим умам сосредоточиться на решении проблем галактики в целом. Да, то там, то сям встречается социальная несправедливость. Да, иногда она берет тебя за душу. Но разве не ясно, что задачу можно решить только на уровне всей галактики? Сначала положить конец войнам и межнациональному соперничеству, а уже затем обратиться к внутренним проблемам, причины которых коренятся в проблемах внешних. Сам Юнц — не флоринианец, следовательно, его

политическую близорукость нельзя списать на эмоции.

— Что вам до Флорины? — прямо спросил Абель.

— Я чувствую некое родство с жителями, — помявшись, ответил Юнц.

— Но вы — либейрианец. По крайней мере, так мне показалось.

— Верно. И все же между нами есть некое сходство. Мы — два полюса галактики.

— Два полюса? Не понимаю.

— Я о цвете кожи. Флориниацы — молочно-белые. Мы же — черные, как ночь. В этом что-то есть. Некая связь, общность. Сдается мне, наши и их предки накопили немалый опыт того, как быть другими, этаким исключением из социальной массы. Мы, черные, и они, белые, — братья по несхожести.

Перехватив изумленный взгляд Абеля, Юнц стушевался и умолк. Больше они этот вопрос не поднимали.

И вот, через год после начала этой истории, когда стало казаться, что вся тягомотина вот-вот заглохнет, и даже пыл Юнца вроде бы поугас, дело неожиданно сдвинулось с мертвой точки. Да еще как сдвинулось!

Юнц тоже сильно изменился. Посол видел перед собой человека, чей гнев изливался не только на Сарк, но и на него, Абеля.

— Меня приводит в негодование не то, что вы послали по моим следам своих шпионов, — говорил либейрианец. — Понимаю, вы обязаны действовать осмотрительно и никому не доверять. Не мне вас судить. Но почему, почему вы не проинформировали меня о том, что мой сотрудник обнаружен?

— Это непростой вопрос, — ответил Абель, рассеянно поглаживая мягкий подлокотник кресла. — Впрочем, как все вопросы. Я устроил так, чтобы любые сообщения о попытке неавторизованного доступа к литературе по пространственному анализу отправлялись не только вам, но и кое-кому из моих агентов. Я, кстати, полагал, что вам тоже может потребоваться защита. Но на Флорине…

— Вот именно! — с горечью в голосе перебил его Юнц. — С нашей стороны было глупо упускать это из виду. Мы целый год искали его на Сарке, а он все это время находился на Флорине. Слепцы! Как бы там ни было, мы его нашли. Вернее, вы. Надеюсь, мне позволено будет с ним встретиться?

— Вы говорите, они вам сказали, что Хоров —

транторский агент, — уклончиво ответил Абель.

— А разве нет? Зачем им мне лгать? Или они сами дезинформированы?

— Нет, они не лгут и не дезинформированы. Хоров действительно был нашим агентом в течение десяти лет, и я обеспокоен тем, что они о нем знали. Это заставляет меня задаться вопросом, что еще им о нас известно и насколько шатка наша структура в целом. Вас не удивила их откровенность? Зачем они без утайки рассказали вам о нашем человеке?

— Затем, что это правда, полагаю. А заодно — чтобы раз и навсегда избавиться от меня и моих требований, которые ставят их в неловкое положение и могут спровоцировать разногласия между Сарком и Трантором.

— Правда — сомнительный товар на дипломатическом рынке. Что могло причинить им больший вред, чем признание в степени их информированности? Какой смысл давать нам возможность вовремя вытянуть порванную сеть, починить ее и закинуть обратно?

— Ну, тогда ответьте сами на свой вопрос.

— И отвечу. Они рассказали вам, кто такой Хоров, чтобы похвастаться своей осведомленностью. Они знали, что это не сможет ни помочь

нам, ни повредить им. Ведь я уже двенадцать часов в курсе, что Хоров провалился.

— Но откуда?

— По наивернейшему признаку. А именно: двенадцать часов назад шпион Трантора Мэтт Хоров был убит флориниански патрульным. Двое местных жителей, мужчина и женщина, находившиеся в его пекарне, исчезли. Полагаю, теперь они в руках нобилей. Мужчина, скорее всего, ваш потерявшийся сотрудник.

Юнц вскрикнул и подскочил в кресле. Абель пригубил вино и добавил:

— По официальным каналам я сделать ничего не могу. Убитый был флориниански. Как и беглецы, невзирая на все наши подозрения. В общем, саркцы нас переиграли, а теперь вдобавок и насмехаются.

Глава 7. Патрульный

Рик видел, как убили Пекаря. Не издав ни звука, тот повалился на землю, а в его груди, пробитой бесшумным выстрелом бластера, появилась дымящаяся дыра. Зрелище затмило все, когда-либо виденное Риком, и почти все, что последовало за ним.

Осталось смутное воспоминание о приближении патрульного, о спокойном и неотвратимом жесте, с которым тот доставал оружие. Пекарь поднял глаза; его губы шевельнулись, но так и не успели произнести последнее слово. Все уже свершилось. В ушах Рика застучала кровь, этот стук смешивался с криками мечущейся толпы, которая затопила все, точно вышедшая из берегов река.

Одно мгновение свело на нет умственный прогресс, которого удалось добиться за несколько часов сна. Патрульный бросился к Рику, распихивая визжащих мужчин и женщин, словно пробирался через вязкий поток грязи. Рика и Лону подхватило этим потоком и понесло вперед. Тут были водовороты и донные течения, крутив-

шиеся и вскипающие, когда их накрывало тенью патрульных машин. Лона упорно тянула Рика за собой, пробиваясь к окраине города. На какое-то время взрослый мужчина вновь превратился в перепуганного ребенка, каким был еще вчера.

Он проснулся на заре, которой, впрочем, все равно не мог видеть в комнате без окон. Несколько долгих минут лежал, вслушиваясь в самого себя. Что-то важное восстановилось в нем этой ночью, сплелось воедино. Оно начало прорастать в нем два дня назад, когда вернулись первые воспоминания. Вчера прогресс закрепился. Поездка в Верхний город, библиотека, облава патрульных, встреча с Пекарем. Все это стало катализатором для его разума. Усохшие, давно уснувшие волокна мозга ожили и натянулись, подстегнутые к действию. После сна в голове что-то слабо пульсировало.

Рик думал о космосе и звездах, о бесконечном, бездонном, одиноком пространстве и великом молчании.

Потом он повернул голову и позвал:

— Лона!

Она мгновенно проснулась, приподнялась на локте и пристально посмотрела в угол.

— Рик?

— Я здесь, Лона.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

— Да. — Он не мог скрыть восторга. — Лона, я чувствую себя замечательно! Послушай, я вспомнил! Вспомнил свой корабль и теперь точно знаю…

Но Лона его не слушала. Повернувшись к нему спиной, она натянула платье, застегнула магнитную застежку, торопливо надела ремешок. Затем на цыпочках подошла к Рику.

— Рик, я случайно уснула. Хотела не засыпать и уснула.

— Что-то не так?

Ее нервозность передалась и ему.

— Тс-с, тише, все в порядке.

— Где староста?

— Ушел. Ему… пришлось. Может, еще немного поспишь?

Он оттолкнул ее ласковую руку.

— Я в порядке и спать больше не хочу. Хочу рассказать старосте о своем корабле.

Однако старосты не было, а Валона слушать Рика не желала. Он притих, впервые по-настоящему рассердившись на Лону. Она обращалась с ним, как с малышом, он же чувствовал себя почти взрослым.

В комнату хлынул свет, и появилась мощная фигура Пекаря. Рик зажмурился, всполошившись, теперь он совсем не возражал против ладони Валоны, легшей ему на плечо.

— Рано же вы проснулись. — Пекарь растянул в ухмылке мясистые губы.

И, не дождавшись ответа, продолжил:

— Оно и к лучшему. Надо вам отсюда выбираться.

— Вы не сдадите нас патрульным? — Во рту у Валоны мигом пересохло.

Она вспомнила, каким взглядом Пекарь смотрел на Рика после ухода старосты. Он и сейчас таращился только на него.

— Нет, конечно. Я оповестил нужных людей. У них вы будете в безопасности.

Он вышел и тут же вернулся с едой, одеждой и двумя тазиками воды. Одежда была новой и очень-очень странной.

— Я дам вам новые имена и новые биографии, — сказал Пекарь, пока они завтракали. — Слушайте внимательно, чтобы ничего не забыть. Вы больше не флориниан цы, ясно? Вы — брат и сестра с планеты Вотекс. Вы посетили Флорину…

И он подробно все им рассказал, выслушал их вопросы, кое о чем спросил сам.

Рик был рад продемонстрировать работу своей памяти и то, с какой легкостью он учится новому, но Валона вся извелась от беспокойства. Это не ускользнуло от Пекаря.

— Будешь мне досаждать, я отправлю его одного, а тебя брошу.

— Я не доставлю вам никаких хлопот! — Валона судорожно сжала свои сильные руки.

Было уже позднее утро, когда Пекарь поднялся; он положил каждому из них в нагрудный карман по небольшому квадратику из мягкой искусственной кожи и сказал:

— Идемте.

Выйдя наружу, Рик с удивлением себя оглядел. Он и не знал, что одежда может быть так сложно устроена. Одеться ему помог Пекарь, но кто поможет все это снять? Валона тоже не походила теперь на поселковую девчонку. Даже ее ноги были прикрыты какой-то тонкой тканью, а у туфелек имелись каблуки. Лоне приходилось идти осторожно, чтобы не оступиться.

Прохожие таращились на них с Риком, показывали пальцами. По большей части дети, рыночные торговки или болтающиеся без дела оборванцы. Пекарь не обращал на них внимания. Он опирался на тяжелую палку, которая иногда,

словно бы ненароком, оказывалась под ногами у тех, кто подходил слишком близко.

Они отошли от пекарни на какие-то сто ярдов и успели свернуть за угол, когда толпа вокруг взволновалась и Рик увидел серебряно-черный мундир патрульного.

Тут-то все и случилось. Оружие, выстрел, бегство. Наступит ли в его жизни день, когда он перестанет бояться тени патрульного за спиной?

Их занесло в какие-то трущобы на окраине Города. Лона запыхалась, ее платье было мокрым от пота.

— Больше не могу, — проговорил Рик.

— Надо.

— Нет, послушай меня. — Он вырвал руку из ее хватки. — Послушай же!

Панический страх отступал.

— Лона, я считаю, надо сделать то, чего от нас хотел Пекарь.

— Откуда ты знаешь, чего он хотел? — Девушка нервничала, ей не терпелось бежать дальше.

— Мы должны делать вид, что прибыли с другой планеты. Он ведь дал нам это. — Рик порывисто вытащил из кармана небольшой прямоугольник.

Решив, что это книжка, он осмотрел ее и попы-

тался открыть. Не тут-то было. Тогда он ощупал края. Пальцы сжали уголок, и Рик почувствовал, как что-то поддалось. Лицевая сторона сделалась молочно-белой, на ней проявились какие-то буквы. Точный смысл слов ускользал, хотя Рик смог прочитать их по складам.

— Это паспорт, — сказал он наконец.

— Что такое «паспорт»?

— То, что позволит нам убраться отсюда, — уверенно ответил Рик.

Слово «паспорт» само внезапно всплыло в его голове.

— Ты еще не поняла? Пекарь хотел, чтобы мы покинули Флорину. На корабле. Давай так и сделаем.

— Нет! Нас арестуют! Убьют! Мы не можем, Рик, не можем.

Рику же не терпелось.

— Но это — наилучший выход, никто не ждет от нас такого поступка, — зачастил он. — И мы не пойдем на корабль, на котором собирался отправить нас Пекарь: за ним будут следить. Мы выберем другой корабль. Любой другой.

Корабль. Любой корабль. Слова звучали для него музыкой. Неважно, хорошей была эта идея или плохой. Он хотел на корабль. Хотел в кос-

мос.

— Пожалуйста, Лона!

— Ну, ладно. Если уж тебе так неймется. Я знаю, где космопорт. Когда я была маленькой, мы иногда ходили по выходным смотреть, как взлетают корабли.

И они вновь отправились в путь. На задворках памяти Рика опять что-то тревожно завороча-лось. Какое-то воспоминание, совсем недавнее, нечто, что он должен был вспомнить и не мог. Ну же, еще немного… Нет.

Он переключился на мысли о ждущем их ко-рабле.

Флориниан ец у турникета в тот день был взволнован, хотя события не касались его лично. Болтали о вчерашнем нападении на патрульно-го, об облаве и побеге. К утру слухи умножились — шептались даже об убитом патрульном.

Оставить рабочее место он не осмеливался и только вытягивал шею, наблюдая за пролетаю-щими машинами и мрачными патрульными, покидающими космопорт. Вскоре охраны почти не осталось.

Да-а, похоже, Город наводнили патрули. Мысль одновременно пугала и пьянила. С чего это он так обрадовался смерти патрульного? Ему са-

мому проблем они не доставляли, работа у него хорошая. В космопорте служить — это вам не кырт полоть.

И все же он был счастлив.

Он едва обратил внимание на парочку в неудобных и пропотевших диковинных нарядах. Явные инопланетяне. Женщина просунула в прорезь паспорт. Мельком сравнив ее лицо с фотографией, он так же мельком сверился со списком забронированных мест и нажал на кнопку. Из прорези выползли две прозрачные ленты.

— Забирайте, — нетерпеливо сказал он. — Закрепите на запястьях и проходите.

— А где находится наш корабль? — вежливо пролепетала женщина.

Ему это понравилось. Чужаки были нечастыми гостями в космопорте Флорины, а в последние годы встречались и того реже. Зато они не были ни нобилями, ни патрульными. Они не знали, что ты — всего-навсего флоринианец, и разговаривали любезно.

— Вы найдете свой корабль в семнадцатом терминале, госпожа, — приосанился он и торжественно-галантно добавил: — Желаю вам приятного пути на Вотекс.

После чего вернулся к своим занятиям: испод-

тишка обзванивать приятелей, чтобы выведать о беспорядках и с особенной осторожностью пытаться прослушивать частные линии Верхнего города.

Прошло несколько часов, прежде чем он обнаружил, что совершил непоправимую ошибку.

— Лона, вот этот! — прошептал Рик, сжав ее локоть.

Валона с сомнением смерила корабль взглядом. Он был куда меньше того, что находился у семнадцатого терминала, и казался каким-то отполированным. Четыре основных шлюза стояли открытыми, как и главный вход, откуда, словно язык, протянулся посадочный трап.

— Они проветривают корабль, — объяснил Рик. — Пассажирские корабли всегда продувают перед новым полетом, чтобы избавиться от вонючего воздуха, использованного множество раз.

— А ты откуда знаешь? — Валона уставилась на него.

— Знаю, и все. — Он почувствовал в душе зародыш тщеславия. — Дело в том, что сейчас корабль пуст. Там теперь сильный сквозняк, и находиться внутри неприятно. — Рик беспокойно огляделся. — Странно, что пассажиров мало. У вас всегда так?

Валоне тоже казалось, что, когда она посещала космопорт в детстве, народу было больше. Впрочем, она почти ничего не помнила.

На дрожащих ногах они пошли по трапу. Вокруг не было заметно ни одного патрульного. Только в отдалении занимались своими делами несколько рабочих.

Внутри на них обрушился поток воздуха, взметнув платье Валоны. Ей пришлось придержать подол руками.

— Здесь всегда так дует? — спросила она.

Валона впервые в жизни поднялась на борт космического корабля, о чем прежде даже не мечтала. Ее губы побелели, сердце колотилось.

— Нет, только во время проветривания.

Рик с удовольствием шел по твердым металлитовым мостикам, нетерпеливо заглядывая в пустые каюты.

— Сюда!

Это была бортовая кухня.

— Еда — не главное, — торопливо сказал Рик. — Без еды можно обходиться довольно долго. Главное — вода.

Порывшись в аккуратно расставленной посуде, он достал большой контейнер с крышкой. Оглянулся в поисках крана, бормоча под нос, что, мол,

надеется, они не забыли наполнить водой баки, и с облегчением вздохнул, когда послышался звук заработавшего насоса, а в контейнер полилась вода.

— Возьми несколько консервных банок. Не слишком много. Нельзя, чтобы пропажу заметили. — Рик задумался, как понадежнее спрятаться на корабле.

И опять что-то шевельнулось в памяти. Время от времени он все еще сталкивался с лакунами в воспоминаниях, но трусливо избегал их, не желая признавать существование пробелов.

Он привел Лону в небольшую каюту, где хранилось противопожарное и сварочное оборудование, средства оказания первой помощи и хирургические принадлежности.

— Сюда зайдут только в чрезвычайной ситуации, — неуверенно сказал он. — Боишься, Лона?

— С тобой я ничего не боюсь, — застенчиво ответила она.

Два дня назад… Да что там дни! Всего двенадцать часов назад все было совершенно иначе. Но на борту космического корабля они каким-то образом поменялись ролями, и Лона не сомневалась: Рик стал взрослым, а она — ребенком.

— Нам нельзя будет зажигать свет, иначе они

заметят увеличение расхода энергии. Туалетом придется пользоваться после отбоя и стараться не попасться на глаза кому-нибудь из ночной смены.

Сквозняк внезапно прекратился. Холодный воздух перестал обдувать их лица, слабый непрерывный гул стих, на корабль опустилась тишина.

— Скоро начнется посадка, — сказал Рик, — и мы с тобой полетим в космос.

Валона никогда прежде не видела Рика таким счастливым. Он напоминал влюбленного, спешащего на встречу с любимой. Если утром он проснулся взрослым мужчиной, то сейчас, пожалуй, стал великаном, готовым обнять всю галактику. Звезды стали его стеклянными бусами, а туманности — паутиной, которую было легко смахнуть.

Наконец-то он был на корабле! Старые воспоминания хлынули непрерывным потоком, вытесняя недавние. Кыртовые поля, ткацкая фабрика, колыбельные Валоны стремительно забывались, превращаясь в крохотные узелки на полотне, в то время как разорванные концы нитей медленно сплетались воедино.

Это все благодаря кораблю!

Если бы его сразу отвели на корабль, ему не пришлось бы так долго ждать, когда восстановятся перегоревшие клетки мозга.

— Теперь не волнуйся, — тихо сказал он в темноте Валоне. — Сейчас ты почувствуешь вибрацию и услышишь шум. Это двигатели. Потом на тебя навалится тяжесть, но это всего лишь ускорение.

У флориниан цев не было подходящего слова, и Рик использовал другое, которое вспомнилось само. Однако Валона все равно ничего не поняла.

— Это больно?

— Скорее неудобно, поскольку у нас с тобой нет специальной экипировки, которая компенсировала бы перегрузки. Но все закончится быстро. Встань у стены, а когда почувствуешь, что тебя к ней придавило, расслабься. Готова? Сейчас начнется.

Рик встал у правой стены. Рокот маршевых гиператомных двигателей нарастал, вектор гравитации изменился, и вертикаль стены начала превращаться в диагональ.

Валона всхлипнула, потом замолчала, тяжело задышав. Оба они хватали ртом воздух. Их легкие в сдавленных грудных клетках, не защищенных ремнями и гидравлическими амортизаторами,

с трудом старались сделать вдох. Рику удалось произнести несколько слов, не вдумываясь в их смысл, лишь бы унять страх Валоны перед неведомым. Этот страх должен был ее переполнять. Корабль — это всего только чудесный корабль, но она никогда прежде не бывала на кораблях.

— Еще, конечно, остается прыжок, во время которого мы пройдем через гиперпространство и мгновенно преодолеем расстояние от звезды до звезды. Но ты не волнуйся, мы ничего не почувствуем, — сущая чепуха по сравнению с ускорением, просто в животе чуточку дернется, и все, — бормотал он, по буквам выдавливая слова.

Это продолжалось довольно долго.

Постепенно давление на грудь уменьшилось, невидимые узы в последний раз натянулись и лопнули. Рик с Валоной, задыхаясь, повалились на пол.

— Рик, тебе плохо? — спросила она через какое-то время.

— Мне? Плохо? — Он слабо засмеялся.

Он еще толком не перевел дух, но не мог не смеяться при мысли, что ему может стать плохо на корабле.

— Лона, я долгие годы прожил в космосе. Мне случалось по нескольку месяцев не приземляться

на планеты.

— Почему? — Она подползла поближе и погладила рукой его щеку, словно убеждаясь, что он никуда не делся.

Рик обнял ее за плечи, и Лона прижалась к нему, охотно принимая это изменение в их отношениях.

— Почему? — повторила она.

Он не помнил. Так было, и все. По каким-то причинам он ненавидел высаживаться на планеты. Он должен был оставаться в космосе. Почему? Еще один провал. Ладно, пока замнем.

— Такова была моя работа.

— Да, я помню. Ты анализировал Ничто.

— Верно, — с удовольствием согласился он. — Именно этим я и занимался. Знаешь, что это означает?

Рик не ждал, что Лона его поймет, но ему хотелось выговориться. Он упивался воспоминаниями, радовался, как пьяный, тому, что может вызвать их по щелчку ментального «пальца».

— Дело в том, что Вселенная состоит из сотен различных субстанций. Мы называем их химическими элементами. Железо, медь и многое другое.

— Я думала, это металлы.

— Да, металлы, но в то же время — элементы. Еще есть кислород, азот, углерод, палладий… Самые главные — водород и гелий, они наиболее простые и распространенные.

— Никогда о таких не слыхала, — задумчиво протянула Валона.

— Вселенная на девяносто пять процентов состоит из водорода, почти все остальное — это гелий. Космического пространства это тоже касается.

— Нам говорили, что космос — это вакуум, а вакуум значит, что там вообще ничего нет. Так это неправда?

— Не совсем. Там почти ничего нет. Но, как ты знаешь, я был пространственным аналитиком, то есть путешествовал по космосу, собирал микроскопические количества элементов и анализировал их, чтобы понять, сколько в них водорода, сколько гелия и всего прочего.

— Зачем?

— Сложно объяснить. Видишь ли, комбинации элементов в космосе везде разные. Где-то гелия больше нормы, где-то — натрия и так далее. Области с особенным составом текут в космосе, подобно рекам. Мы так их и называем: космические течения. Для того чтобы понять,

как возникла и развивалась Вселенная, нужно разобраться в устройстве этих течений.

— И как это поможет?

— Ну, точно пока никто не знает, — замялся Рик.

Он испугался, что гигантский запас познаний, в котором теперь утопал его мозг, может внезапно закончиться, сменившись клеймом «неизвестно» из-за вопроса, заданного… Внезапно он понял, что Валона — всего-навсего деревенская девчонка с Флорины.

— Короче, — торопливо продолжил он, — мы определяем плотность… как бы тебе объяснить… ну, пусть будет — густоту космического газа в различных областях галактики. Она тоже везде разная, и нам нужно ее знать, чтобы корабли могли точно рассчитать прыжок через гиперпространство. Это похоже на… — Он умолк.

Валона напряженно ждала, но Рик молчал.

— Рик, что случилось? — хрипло прошептала она в темноте.

Он не ответил. Валона схватила его за плечи и потрясла:

— Рик! Рик!

— Лона, мы поступили глупо.

Голос принадлежал тому, старому, Рику, сла-

бому и испуганному. Вся радость и уверенность исчезли бесследно.

— Ты о чем? Почему глупо?

В его голове отчетливо встала сцена убийства Пекаря, словно вынесенная на поверхность прочими нахлынувшими воспоминаниями.

— Нам не надо было убегать. И на корабль забираться не стоило.

Рика трясло, Валоне то и дело приходилось вытирать ладонью его покрытый испариной лоб.

— Но почему, Рик, почему?

— Потому что, если Пекарь решился среди бела дня вывести нас в город, следовательно, он не ждал проблем от патрульных. Ты помнишь патрульного? Того, который застрелил Пекаря?

— Да.

— И лицо его помнишь?

— Я лица не разглядела.

— А я разглядел. Оно показалось мне тогда странным, но обдумывать было некогда. Лона, это был не патрульный! Это был староста. Староста в мундире патрульного.

Глава 8. Леди

Сэмия Файф была всего пяти футов ростом, и все эти шестьдесят дюймов кипели от раздражения. На дюйм роста приходилось полтора фунта веса — и каждый из ее девяноста фунтов был шестнадцатью унциями чистого гнева.

Она металась из угла в угол. Темные волосы собраны в высокую прическу, каблуки увеличивали рост. Узкий, с ямочкой подбородок дрожал.

— Нет, — бормотала она, — он не должен, не может так со мной поступить. Капитан!

Голос прозвучал резко и властно.

— Госпожа. — Капитан Рейсити поклонился, предчувствуя бурю.

Для флориниан цев он, разумеется, был нобилем (для них любой уроженец Сарка — нобиль). Вот только в действительности нобиль нобилю рознь, и капитан нобилем только назывался, а Сэмия Файф — была на самом деле. Точнее, нобилем в юбке, что, впрочем, одно и то же.

— Госпожа?

— Я не потерплю, чтобы мне приказывали. Я уже не в том возрасте. Я сама себе хозяйка и

желаю остаться здесь.

— Прошу вас, госпожа, поймите, я тут ни при чем, — осторожно сказал капитан. — Моего мнения никто не спрашивал. Мне приказали, прямо и недвусмысленно.

Он робко вертел в руках копию приказа. Капитан уже дважды пытался всучить документ Сэмии Файф, но та решительно отказывалась на него взглянуть, словно таким образом могла с чистой совестью сделать вид: она не знает, в чем состоит долг Рейсити.

— Меня не интересует, что вам там приказали, — в очередной раз повторила она, развернулась и, цокая каблучками, зашагала прочь.

Капитан последовал за ней, бубня:

— В приказе говорится, что, если вы откажетесь добровольно подняться на корабль, я, прошу прощения, должен буду отнести вас туда на руках.

— Вы не посмеете! — вскинулась она.

— Если учесть, кто отдал мне данный приказ, то, наверное, посмею.

— Послушайте, капитан, ведь на самом деле никакой угрозы нет, правда? — попыталась умаслить его Сэмия. — Это же просто смешно. Форменное сумасшествие. В Городе все спокойно. Подумаешь, одного патрульного стукнули по

голове. Тоже мне, происшествие!

— А второго этим утром убили. И вновь — во время нападения флоринианцев.

Она явно была потрясена известием, но глаза упрямо сверкнули, а на смуглых щеках проступил румянец:

— Какое отношение это имеет ко мне? Я не служу в патруле.

— Госпожа, корабль готовят к старту, скоро он взлетит, и вы должны быть на борту.

— А моя работа? Мои исследования? Вы хоть понимаете… Нет, куда вам!

Капитан промолчал, и она отвернулась. Отливающее медью платье из кырта, отделанное молочными нитями серебра, подчеркивало необычайную гладкость и теплоту ее плеч и рук. Во взгляде капитана сквозило нечто большее, нежели пустая учтивость и почтительная сдержанность, с которыми простым саркцам следует смотреть на высокородную даму. Его удивляло, для чего столь соблазнительной пташке, пусть и росточком с птенца, посвящать свою жизнь ученым штудиям, строя из себя профессоршу.

Сэмия прекрасно осознавала, что научное рвение превратило ее в объект насмешек тех, кто полагал, будто удел аристократки — блистать в

свете и, возможно, стать ходячим инкубатором для двух новых нобилей (не меньше, но и не больше). Сэмии было все это неинтересно.

К ней частенько подходили и с улыбочкой спрашивали: «Вы правда пишете книжку? Ой, а можно посмотреть?»

Так в основном поступали женщины. Мужчины, с их добродушной снисходительностью, были и того хуже: полностью уверены в том, что стоит им на нее взглянуть или обнять за талию, как вся «чепуха» тут же выветрится у Сэмии из головы.

Сэмия страстно увлекалась кыртом сколько себя помнила, хотя все прочие принимали его как должное. Кырт! Король, император, бог всех тканей! Любая метафора кажется слишком бесцветной.

По химическому составу кырт являлся разновидностью целлюлозы. По крайней мере, сами химики в этом клялись. Однако никакие их приборы и теории не могли объяснить, почему на Флорине — и только на Флорине — целлюлоза становится кыртом. «Вопрос молекулярной структуры» — вот и все, что они могли ответить. Но спроси их, чем молекулярная структура кырта отличается от структуры обыкновенной целлюлозы, — лишь пожмут плечами.

Впервые Сэмия услышала об этой загадке от няни.

— Почему мое платьице так блестит, нянюшка?

— Потому что это кырт, Мия, деточка.

— А почему другие платьица не блестят, нянюшка?

— Потому что они не из кырта, Мия, деточка.

Вот и весь сказ.

Тогда Мия старательно прочитала недавно вышедшую двухтомную монографию, посвященную кырту. С таким же успехом она могла ограничиться нянькиным объяснением: кырт — это кырт, потому что он — кырт. А то, что не кырт, — не кырт, потому что оно — не кырт.

Сам по себе кырт не блестел. Но если правильно спрясть нить, она сияла на солнце, металлически отливая различными оттенками, а то и всеми цветами радуги сразу. Специальная пропитка придавала нити алмазный блеск. Без особых усилий ткань можно было сделать жаростойкой (до шестисот градусов по Цельсию) и инертной почти ко всем реактивам. Кыртовые волокна легко было спрясть тоньше любой синтетики, но при натяжении они оставались прочнее самого прочного бетоносплава.

Ни одно известное вещество не могло соперничать с кыртом по универсальности применения. Если бы не цена, кырт давно бы заменил стекло, металл и пластмассу. Это был единственный материал, который использовали в качестве визирных нитей в оптических приборах. Из него делали формы для отливки гидрохронов гиператомных двигателей и легкие, долговечные тросы там, где металл оказывался чересчур хрупок, или слишком тяжел, или то и другое сразу.

Однако все это можно было, как говорится, по пальцам пересчитать, поскольку кырта катастрофически не хватало. Почти весь урожай, собранный на Флорине, шел на изготовление тканей для пошива самой изысканной одежды в галактике. Флорина одевала аристократию миллиона планет, кырт же рос на одной-единственной, и его урожай распределялся по крупицам. Двадцать женщин планеты могли позволить себе полный наряд из кырта; еще две тысячи — праздничное платье или пару перчаток. Двадцати миллионам оставалось смотреть и глотать слюнки.

Во всей галактике распространена была пословица, характеризующая сноба. Единственная идиома, которую одинаково понимали везде и всюду: «Можно подумать, он сморкается в кырто-

вый носовой платок!»

Однажды Сэмия пришла к отцу и спросила:

— Папа, что такое кырт?

— Это твой хлеб с маслом, Мия.

— Мой?

— Ну, не только твой, конечно. Это хлеб с маслом для всего Сарка.

И она быстро разобралась почему. В галактике не было ни одной планеты, которая не попыталась бы вырастить у себя кырт. Когда-то Сарк казнил любого, кто пытался контрабандой вывезти семена кырта с Флорины. Тем не менее некоторым удавалось проскользнуть непойманными. Шли столетия, правда выплыла наружу, и закон о смертной казни был отменен. Отныне любой желающий мог свободно купить семена по цене готового кыртового полотна в пересчете на вес.

Оказалось, что кырт рос кыртом только на Флорине. На всех прочих планетах вы получали обычную целлюлозу. Белую, тусклую, непрочную — и бесполезную. Даже старый добрый хлопок и то лучше.

Может быть, дело в почве Флорины? Или в излучении ее солнца? Или в штаммах местных бактерий? Были проверены все гипотезы. Взяты

образцы почвы, искусственно воссоздан спектр звезды, разведены флоринианские бактерии… А семена давали все такую же белую, тусклую, непрочную и бесполезную целлюлозу.

Сколько же всего можно было рассказать о кырте! Того, чего не найдешь ни в научных статьях, ни в технических отчетах, ни даже в туристических справочниках. Уже пять лет Сэмия мечтала написать истинную историю кырта — о землях, на которых он рос, и людях, которые его растили.

Над ее мечтой смеялись, но Сэмия не отступала. Она настояла на том, чтобы полететь на Флорину. Собиралась провести один сезон в полях и несколько месяцев на прядильнях. Собиралась… Какое это теперь имеет значение? Ей приказали вернуться.

Она приняла решение с характерной для нее импульсивностью. Ничего — прилетит на Сарк и уж там добьется своего. Не позже чем через неделю она снова будет на Флорине, с мрачной решимостью пообещала себе Сэмия.

— Когда старт, капитан? — холодно поинтересовалась она.

Сэмия оставалась у смотрового люка до тех пор, пока Флорина не исчезла из виду. Зеленая, цвету-

щая планета, с куда более приятным климатом, нежели Сарк. Сэмия вспомнила, с каким нетерпением хотела начать изучение жизни туземцев. Флориниан цы, жившие на Сарке, ей никогда не нравились. Серые людишки, не осмеливавшиеся поднять на нее глаза, но послушно отворачивающиеся, как того требует закон. Однако у себя дома, по общему мнению, туземцы жили счастливо и беззаботно. Бестолковые, сущие дети, но со своим особенным очарованием.

Ее размышления прервал голос капитана Рейсити:

— Госпожа, не угодно ли вам проследовать в вашу каюту?

— У вас новые приказы? — Она подняла на него глаза, между бровями пролегла морщинка. — Я под арестом?

— Нет, что вы! Простая предосторожность. Космопорт был на редкость безлюден перед нашим стартом. Говорят, флориниан цы убили еще одного патрульного, и космопорт остался без охраны. Все силы были брошены в Город.

— Я-то тут при чем?

— Видите ли, я, конечно, не снимаю с себя ответственности, однако только в таких обстоятельствах на корабль могли проникнуть

посторонние.

— Зачем?

— Не могу сказать. Но вряд ли для того, чтобы нас развлечь.

— Капитан, вы бредите.

— Увы, нет, госпожа. Наша энергометрия была бесполезна вблизи солнца Флорины, а теперь я совершенно точно могу сказать, что наблюдается избыточное тепловое излучение из аварийного склада.

— Вы это серьезно?

— Излучение эквивалентно теплу, которое производят два человеческих тела. — Худое невыразительное лицо капитана на краткий миг сделалось надменным.

— Или одному обогревателю, который забыли выключить.

— На наших аварийных складах нет обогревателей, госпожа. Мы собираемся провести расследование, но сначала я прошу вас вернуться в каюту.

Сэмия кивнула и ушла. Две минуты спустя голос по интеркому произнес:

— Проникновение на аварийный склад.

Если бы Мирлин Тиренс хоть ненамного ослабил самоконтроль, то впал бы в истерику. Может

быть, так было бы даже лучше. Возвращаясь в пекарню, он опоздал. Они уже вышли. Тиренсу несказанно повезло, что он заметил их на улице. Дальше за Тиренса действовал кто-то другой. Миг — и Пекарь замертво свалился у его ног.

Толпа забурлила, и Рик с Валоной буквально растворились в ней. Потом, словно стервятники, налетели аэрокары патрульных, настоящих патрульных, и что было делать Тиренсу?

Первым порывом было броситься вслед за Риком, но Тиренс его подавил. Так действовать не годилось. Он ни за что не нашел бы их в толпе, а вот шанс самому попасться в лапы патрульных был бы велик. И Тиренс побежал назад к пекарне.

Оставалось надеяться, что долгие годы спокойной жизни расхолодили патрульных. Уже около двух столетий на Флорине не случалось ни одного восстания. Институт старост творил чудеса. Тиренс криво усмехнулся. На долю патрульных доставались лишь дежурные полицейские функции. Их организации теперь не хватало навыка слаженной командной работы, который развивается при более суровых обстоятельствах.

На рассвете Тиренс зашел в участок, где, несомненно, на него уже имелась ориентировка,

однако ей, очевидно, никто не придал значения. Одинокий дежурный с мрачно-скучающим видом поинтересовался, какое дело привело к нему старосту. Дело меж тем было простым: пластмассовый брусок, который Тиренс выломал из стены лачуги на окраине города.

Он стукнул патрульного по голове, переоделся в его мундир и забрал оружие. Список преступлений был велик, и Тиренс даже не ужаснулся, обнаружив, что патрульный не оглушен, а убит.

Тем не менее он все еще был на свободе, заржавевшая машина патрульного сыска пока тарахтела впустую.

Он подошел к пекарне. Старик — помощник Хорова — торчал в дверях, пытаясь разобраться в причине переполоха. Увидев серебряно-черный мундир, он тоненько пискнул и юркнул внутрь. Староста последовал за ним. Пухлой рукой поймал старика за воротник и встряхнул.

— Куда ушел Пекарь?

Старик беззвучно открывал и закрывал рот.

— Я только что убил человека. И тебя убью, если придется.

— Прошу вас, сэр, не надо! Я ничего не знаю.

— Значит, умрешь за то, что не знаешь.

— Хоров ничего мне не сказал. Кажется, он

где-то что-то бронировал.

— Ага, ты все-таки подслушивал! Что еще ты услышал?

— Он обмолвился о Вотексе. Думаю, бронировал места на космическом корабле.

Тиренс отшвырнул старика.

Надо было переждать. Пересидеть суматоху. Рискнуть тем, что в пекарню ввалится настоящий патруль. Но и медлить было нельзя. Что предпримут его бывшие товарищи? Рик, конечно, непредсказуем, но Валона — девица разумная. Судя по тому, как удирали, они приняли его за патрульного. Валона, как пить дать, решит, что единственное спасение — это космический полет, который для них подготовил Пекарь. И места он бронировал явно для них. Следовательно, корабль будет ждать, а они отправятся в космопорт.

Тиренс должен добраться туда первым.

Положение было отчаянным. Все остальное утратило значение. Если он потеряет Рика, то потеряет и оружие против тирании Сарка, а его собственная жизнь… Что же, невелика потеря.

Без малейшего колебания Тиренс покинул пекарню. Средь бела дня. Хотя патрульные уже наверняка искали человека, одетого в их форму,

а неподалеку кружили два аэрокара.

Староста знал, с какого космопорта должен был взлететь корабль. Подходящий на планете был только один. Имелись несколько небольших космодромов в Верхнем городе, с которых взлетали частные яхты, и сотни других, разбросанных по всей планете, откуда стартовали лишь неповоротливые грузовые суда, увозящие на Сарк рулоны кырта и возвращающиеся со станками и кое-какими товарами.

Для простых путешественников вроде небогатых саркцев, флориниански прислуги или получивших визу туристов годился лишь один.

Флориниец на турникете с живым интересом наблюдал за приближением Тиренса. Окружающий вакуум безлюдия действовал на нервы.

— Приветствую вас, сэр, — сказал служащий. — Переполох-то какой в Городе, а?

В его тоне прозвучала нотка жадного злорадства. Ну да, ведь убиты патрульные. Тиренс на провокацию не поддался. Надвинул пониже козырек фуражки, застегнул верхнюю пуговицу кителя и гаркнул:

— Проходили на территорию космопорта двое, мужчина и женщина, направляющиеся на Вотекс?

Служащий вытаращил глаза и едва не поперхнулся.

— Да, сэр, — его голос сделался униженным, краска бросилась ему в лицо. — Около получаса назад, даже меньше. Неужели они замешаны в том, что случилось с вашим… Сэр, документы у них были в полном порядке, иначе бы я ни за что их не пропустил.

Тиренс проигнорировал его лепет. Документы, видите ли, в порядке! Пекарь обстряпал все за одну ночь. О, галактика! Насколько же глубоко Трантор внедрил своих шпионов в администрацию Сарка?

— Их имена?

— Гарет и Ханса Барн.

— Корабль уже взлетел? Отвечай, быстро!

— Н-нет, сэр.

— Терминал?

— Семнадцатый.

Тиренс удержался от того, чтобы не сорваться на бег, хотя его быстрая походка от бега отличалась лишь немногим. Будь поблизости настоящий патрульный, эта недостойная трусца стала бы последней прогулкой Тиренса на свободе.

У главного шлюза корабля стоял космонавт в офицерской форме.

— Поднимались ли на борт Гарет и Ханса Барн? — спросил запыхавшийся Тиренс.

— Нет, не поднимались, — флегматично ответил офицер. — Хотите передать им сообщение?

Он был саркцем, и мундир патрульного не произвел на него впечатления.

— Но вы сказали, что на борту их нет! — теряя терпение, воскликнул Тиренс.

— Ну, сказал. Кстати, ждать их мы не собираемся. Уйдем по расписанию — с ними или без них.

Тиренс бросился обратно к турникету.

— Они выходили?

— Выходили? Кто, сэр? — удивился служащий.

— Эти Барны с Вотекса. На борту их нет. Они ушли?

— Нет, сэр, насколько мне известно.

— Здесь есть другой выход?

— Нет, сэр. Этот — единственный.

— Ищи их, тупой болван!

Служащий схватился за трубку интеркома. Еще ни один патрульный не орал на него с такой злобой. Душа ушла в пятки. Две минуты спустя он положил трубку.

— Никто не покидал территорию космопорта, сэр.

Тиренс тяжело посмотрел на служащего. Голова

под черной фуражкой вспотела, светлые волосы слиплись, на лице выступила испарина.

— Улетал ли какой-нибудь корабль после того, как эти двое вошли?

Служащий сверился с расписанием:

— Да, сэр. Лайнер «Стремительный». Спецрейс, сэр. «Стремительный» должен доставить с Флорины на Сарк госпожу Сэмию Файф, — прибавил он, надеясь умилостивить рассерженного патрульного, хотя не стал говорить, каким образом ему удалось подслушать конфиденциальную информацию.

Но Тиренсу было уже все равно. Он медленно побрел прочь. Отбросьте невозможное, и то, что останется, будет правдой, какой бы невероятной она ни казалась. Рик с Валоной вошли в космопорт. Они не могут просто бродить по зданию, их бы уже арестовали, и служащий знал бы об этом. Они не поднялись на борт корабля, на который им купили билеты. Они не покидали космопорт. Единственный улетевший корабль — это лайнер «Стремительный». Следовательно, на нем и находятся Рик с Валоной — может быть, в качестве пленников, может, безбилетников. Впрочем, это одно и то же.

Если они проникли на корабль без билетов,

то очень скоро станут пленниками. Только флоринианская девчонка-ткачиха и полубезумный тип могли вообразить, что смогут спрятаться на современном корабле.

Ко всему прочему, из всех кораблей они умудрились выбрать лайнер, на котором летит дочь нобиля Файфа.

Нобиля Файфа!

Глава 9. Нобиль

Файф был самым высокопоставленным человеком на Сарке и не желал, чтобы кто-нибудь видел его в полный рост. Дело в том, что Файф, как и его дочь, был невысок. Однако ему недоставало ее пропорциональности: ноги были чересчур коротки. Торс — отменно мускулист, голова — определенно величава, вот только ноги подвели.

Поэтому он сидел за столом, и никто, кроме дочери, личных слуг и жены, когда та была еще жива, не видел Файфа в каком-либо ином положении.

За столом он выглядел тем, кем являлся в действительности. Лицо с широким, тонкогубым ртом, крупным носом и выступающим раздвоенным подбородком могло принять как милостивое, так и суровое выражение. Длинные вопреки моде до плеч иссиня-черные волосы зачесаны назад. Их еще не тронула седина. Щеки синели пробивающейся щетиной, с которой его флориниански брадобрей самоотверженно боролся два раза в день.

Файф был позером — и прекрасно это знал.

Вот и сейчас он придал своему лицу тщательно отрепетированное выражение. Сильные, короткопалые руки покоились на столе. Гладкая полированная столешница была совершенно пустой. Ни бумаг, ни коммуникатора, ни украшений. Простота подчеркивала величие самого Файфа.

Со своим бледным, точно вареная рыба, секретарем он разговаривал особенно безжизненным тоном, который приберегал для роботов и флорианских служащих:

— Я полагаю, все согласились?

В ответе он практически не сомневался.

— Господин де Борт заявил, — в тон ему сказал секретарь, — что обязательства по предыдущим деловым встречам не позволяют ему прибыть раньше трех.

— А что ты?

— Я ответил, что характер данной встречи делает любую задержку недопустимой.

— И?

— Он прибудет, сэр. Остальные согласились безоговорочно.

Файф улыбнулся. Полчаса туда или сюда ничего бы не изменили. Но пора было задействовать новый принцип взаимоотношений. Великие

нобили трепетно воспринимали свою независимость, с этим нужно было покончить.

Теперь оставалось ждать. Просторный кабинет был подготовлен для встречи. Громадный хронометр, чья крошечная, но мощная радиоактивная искра не подводила уже тысячу лет, показывал два часа двадцать одну минуту.

Ну и суматошные же деньки выдались! Такие разве что старый хронометр упомнит.

А повидать ему за тысячелетие довелось немало. Когда он только начал отсчитывать свои первые минуты, Сарк был новооткрытой планеткой, где города строились из подручных материалов и контакты со старыми мирами еще толком не наладились. Хронометр тогда находился в стене старого здания, чьи кирпичи давно превратились в пыль. Пока он исправно отсчитывал часы и минуты, на планете сменилось три недолговечные «империи», в эпоху которых недисциплинированные солдаты с переменным успехом овладевали полудесятком окрестных планет. Радиоактивные атомы внутри часового механизма расщеплялись, согласно строгому статистическому закону, в те два периода, когда уже космофлоты соседних миров диктовали условия самому Сарку.

Пятьсот лет назад часы отсчитывали спокойные времена, а Сарк обнаружил на землях ближайшей к нему планеты, Флорины, настоящее сокровище. Потом они пережили две победоносные войны и торжественно «пробили» наступление мира: Сарк завоевал Флорину. Саркцы отринули имперское прошлое и впились всеми зубами и когтями в эту планету. Их могущество не снилось даже Трантору.

Трантор и прочие сильные мира сего мечтали отобрать Флорину. Жадные руки тянулись к ней со всей галактики. Но Сарк впился в планету мертвой хваткой, которую не разжал бы даже ценой галактической войны.

Трантор это прекрасно знал. Знал!

Хронометр работал беззвучно, но в голове Файфа звучало: «Тик-так, тик-так».

Два двадцать три.

Около года назад состоялась встреча пяти знатнейших нобилей Сарка. Тогда, как и в этот раз, она проходила в кабинете Файфа. Как и в тот раз, каждый из пятерки оставался на своем континенте, а встреча должна была пройти в форме «тримерсионального воплощения».

Грубо говоря, это было трехмерное цветное телевидение, изображение в натуральную вели-

чину со звуком. Подобные дубликаторы имелись во всех состоятельных домах Сарка. Отличие кабинета Файфа было в видимом отсутствии приемника. Если не считать хозяина, гости могли присутствовать всеми возможными способами (кроме собственных тел, разумеется). Они не были прозрачными, не гудели, но ваша рука проходила сквозь них, не встречая сопротивления.

Настоящее тело господина Руна оставалось на противоположном континенте, где теперь была ночь. Изображение Руна окружал куб холодного искусственного света, несколько потускневшего в лучах солнца из окна кабинета Файфа.

Здесь сейчас собрался, будь то в физическом облике или в виртуальном, сам Сарк. Странная и не слишком впечатляющая персонификация. Рун был лысым, розовым толстяком. Балль — седым, высохшим и морщинистым. Стин — напудренным и нарумяненным; его вымученная улыбка была улыбкой человека, стремящегося выказать давно утраченную жизненную силу. Борт до того безразлично относился к этикету, что противно было смотреть на его двухдневную щетину и грязь под ногтями.

И все же эти пятеро были великими нобилями Сарка. Третьей — и высшей — ступенью его пра-

вящих сил.

На самой низшей, разумеется, находилась флоринианская государственная служба, которую никак не затрагивали взлеты и падения отдельных домов саркского нобилитета. Именно выходцы с Флорины смазывали оси и вращали колеса правительства. Бюрократической мелочью управляли министры и главы департаментов, назначаемые потомственным (и безвластным) главой государства. Их подписи, как и подпись главы, требовались для придания документам юридической силы. И это, по сути, было единственной обязанностью чиновников.

На высшей же ступени власти расположились эти пятеро. Каждому из них, по взаимному молчаливому согласию, принадлежало по континенту. Они были главами родов, владевших большей частью торговли кыртом и доходами от нее. Власть — а в конечном счете и политику — Сарка определяли деньги, и деньги были в их руках. Самым же богатым и влиятельным среди пятерых был Файф.

Год назад, собрав хозяев второй по богатству планеты галактики (второй после Трантора, который «доил» около полумиллиона планет), Файф объявил:

— Я получил прелюбопытное известие.

Нобили не ответили. Они ждали.

Файф передал секретарю лист металлитовой пленки. Тот по очереди обошел всех четверых и, не выпуская листа из рук, позволил им прочитать. Сейчас из всех пятерых в кабинете только он был живым человеком. Остальные, включая самого Файфа, — тенями. Как и металлитовый лист. Они могли лишь наблюдать, в то время как оптические потоки, фокусировавшиеся на континентах Файфа, де Балля, Борта, Стина и острове-материке Руна, мгновенно преодолевали огромные расстояния. И слова, которые они читали, были тенью теней.

Борт, слишком непосредственный и не изощренный в общении, забывшись, потянулся к листу. Рука, попытавшаяся дотронуться до прямоугольника графического детектора, исчезла. Теперь она заканчивалась ровной культей. Файф усмехнулся, представив, как сидящий у себя на континенте Борт попытался схватить ничто. Ухмыльнулись и остальные. Стин даже хохотнул. Борт побагровел и отдернул руку. Ладонь вернулась на место.

— Что же, — продолжил Файф, — вот и вы с этим ознакомились. Если не возражаете, теперь я

прочту сообщение вслух, чтобы вы в полной мере оценили его важность.

Он шевельнул рукой. Секретарь подскочил к нему и поднес пленку так, чтобы Файф мог читать, не касаясь листа.

Файф декламировал с выражением, словно сам был автором этого сообщения, и чтение вслух явно доставляло ему удовольствие:

— «Вы — великий нобиль Сарка, никто не сравнится с вами в силе и богатстве. И все же ваша власть зиждется на хлипком основании. Вам представляется, что промышленное выращивание кырта на Флорине „хлипким основанием“ отнюдь не назовешь, но спросите себя: сколько еще просуществует Флорина? Думаете, вечно? Нет! Флорина может погибнуть уже завтра, а может просуществовать еще тысячу лет. И первое — более вероятно. Не от моих рук, конечно, но таким образом, каким вы и представить себе не способны. Подумайте об этом. А заодно об исчезновении вашей власти и богатства. Я требую передать бóльшую их часть мне. Думайте, Файф, но не слишком долго. Если вы затянете с ответом, я сообщу всей галактике — и, в частности, жителям Флорины — о грядущей катастрофе. После этого не видать вам больше ни кырта,

ни денег, ни власти. Мне, естественно, тоже, но я-то привык быть никем, а вы — нет. Вам, родившемуся в кыртовой рубашке, придется худо. Передайте бóльшую часть вашего состояния мне в том порядке и тем способом, которые я укажу в ближайшее время, и можете быть спокойны насчет остального. Остаток, по вашим нынешним запросам, наверное, покажется небольшим, но в противном случае вы останетесь вообще ни с чем. Не пренебрегайте этой малостью. Флорина может просуществовать до конца ваших дней, и вы будете жить если не роскошно, то вполне комфортабельно».

Закончив читать, Файф свернул пленку и осторожно вложил в прозрачный серебристый цилиндрик. Печатные буквы слились в красноватое пятно.

— Забавное письмецо, — сказал он как ни в чем не бывало. — Подписи нет, тон — напыщен и неестествен. Заметили? Что вы об этом думаете, господа?

— Писал сумасшедший, это очевидно. — На румяном лице Руна появилась гримаса досады. — Будто из исторического романчика передрал. Честно говоря, Файф, я не понимаю, зачем ради такой чуши надо было нарушать традиции уеди-

нения и вызывать нас всех к себе. Да еще вести разговоры в присутствии секретаря.

— Секретаря? Вам не нравится, что он флоринианец? Беспокоитесь, как бы не возбудился из-за содержания письма? Напрасно, — тон Файфа сменился с небрежного на властный: — Повернись к господину Руну.

Секретарь повиновался. Глаза его были опущены, на гладком белом лице отсутствовало всякое выражение. Кажется, что отсутствовала сама жизнь.

— Этот флоринианец, — продолжил Файф, не обращая внимания на секретаря, — мой личный слуга. Он практически не расстается со мной и никогда не общается с соплеменниками. Но дело даже не в этом. Посмотрите на него внимательно. Загляните ему в глаза. Неужели не видите, что он под действием психозонда? Он физически не способен меня предать. Если уж на то пошло, ему я доверяю куда больше, нежели вам. Без обид, господа.

— Какие уж там обиды, — усмехнулся Борт. — Нам действительно далеко до преданности психозондированного слуги.

Стин вновь хохотнул и заерзал в кресле, словно оно нагрелось под ним.

Никто больше не высказался по поводу того, что Файф применил психозонд к слуге. Сделай они это, Файф бы сильно удивился. Использовать психозонды было запрещено всем, включая великих нобилей. Его разрешалось применять лишь в отношении сумасшедших и преступников.

Тем не менее Файф использовал зонд всегда, когда считал полезным, особенно если речь шла о флоринианцах. Применение психозонда к саркцам было более щекотливым вопросом. Поговаривали, что Стин, чье ерзание при упоминании психозонда не ускользнуло от Файфа, использует зондированных флоринианцев обоих полов далеко не в качестве секретарей.

— Теперь к делу. — Файф сцепил короткие пальцы. — Я созвал вас не для того, чтобы развлекать чтением вслух писем чокнутых. Напротив, я полагаю, у нас действительно возникла серьезная проблема. Первым делом я задался вопросом, коснулось ли это меня одного. Да, я — самый богатый из нас, но в моих руках — только треть торговли кыртом. Целиком ее контролируем мы впятером. Сделать пять целлокопий письма не труднее, чем одну.

— Сколько слов! — пробормотал Борт. — Что конкретно вы хотите?

— Он хочет выведать, лорд Борт, — сухие бесцветные губы на сером лице Балля едва шевелились, — не получали ли и мы подобных писем.

— Вот пусть и скажет об этом прямо.

— Я именно так и поступил, — ровным голосом отозвался Файф. — Ну и?

Нобили переглянулись, кто-то — с сомнением, кто-то — с вызовом, в зависимости от характера.

Первым решился заговорить Рун. Его розовое лицо покрывала испарина, он вытащил кыртовый платок и протер складки жира под подбородком.

— Я ничего не знаю, Файф. Спрошу у своих секретарей. Они, между прочим, саркцы. В конце концов, если подобное письмо и приходило, его наверняка сочли… как бы поточнее выразиться… чепухой, написанной психом. Передавать такое мне никто бы не стал, будьте покойны. Ваш же стиль делопроизводства, как я вижу, не в состоянии оградить вас от мусора.

Он довольно оглядел собравшихся и улыбнулся. Влажно блеснули десны и зубные импланты из хромированной стали. Каждый искусственный зуб, вживленный в челюсть, был много прочнее настоящего. Улыбка Руна пугала сильнее, чем его сердитый взгляд.

— Полагаю, Рун озвучил наши общие мысли, — пожал плечами Балль.

— А я вообще никогда не читаю почту, — хихикнул Стин. — Правда-правда. Это скучно, да и времени нет при моих-то нагрузках.

Он с самым честным видом оглядел собеседников, как будто надеялся убедить их в серьезности своих слов.

— Слюнтяи, — бросил Борт. — Что с вами такое? Испугались Файфа? Вот что я вам скажу, Файф. Я не держу секретарей, потому что никто не должен стоять между мной и моим бизнесом. Да, я получил подобное письмо и абсолютно уверен, что эти трое — тоже. Хотите знать, что я с ним сделал? Выкинул в мусоропровод. И вам советую поступить аналогично. Все, с меня довольно, я устал.

Он протянул руку к тумблеру, собираясь оборвать связь и исчезнуть из кабинета Файфа.

— Подождите, Борт! — резко сказал тот. — Я еще не закончил. Вы же не хотите, чтобы решение было принято без вас? Или хотите?

— Давайте уж задержимся, Борт, — миролюбиво предложил Рун, хотя его крошечные, заплывшие жиром глазки смотрели жестко. — Я хочу понять, с чего это наш Файф так всполошился.

— Возможно, он считает, — от скрипучего голоса Балля сводило зубы, — что у таинственного отправителя имеется информация о нападении Трантора на Флорину.

— Пф-ф! — фыркнул Файф. — Откуда, хотел бы я знать? Уверяю, наша разведка достаточно компетентна. Да и как бы сумел этот человек, кем бы он ни был, остановить нападение, получив в качестве взятки наши богатства? Нет-нет, он пишет о гибели Флорины так, словно речь идет о физическом уничтожении, а не о политике.

— Тем более. Явный сумасшедший, — сказал Стин.

— Вы так считаете? — поднял бровь Файф. — То есть вы не придали особенного значения событиям последних двух недель?

— Каким еще событиям? — поинтересовался Борт.

— Исчезновению пространственного аналитика. Уверен, вы об этом слышали.

— Да, Абель мне говорил. — Борт выглядел раздраженным и не желал успокаиваться. — Ну, пропал и пропал. Лично я знать ничего не знаю о пространственных аналитиках.

— Но вы, я надеюсь, читали его последнее сообщение на базу Сарка?

— Абель показывал. Говорю же, я не придал этому значения.

— А вы, господа? — Файф по очереди пристально посмотрел каждому в глаза. — Неужели вашей памяти не хватает даже на неделю?

— Ну, я читал, — сказал Рун. — Ах да, действительно! Там тоже говорилось о катастрофе! Вы к этому клоните?

— Послушайте, — пронзительно взвизгнул Стин, — в рапорте были лишь туманные намеки, смысла — ноль. Право слово, к чему нам все это обсуждать? Я едва избавился от Абеля, и тоже как раз перед ужином. Ужасно утомительно. Ужасно.

— Ничего не поделаешь, Стин. — Файф начал терять терпение: со Стином любой бы его потерял. — Мы должны все обсудить. Пространственный аналитик заявляет о гибели Флорины. Потом он исчезает, а мы получаем письма с угрозами. Совпадение? Вряд ли.

— Полагаете, нас шантажирует пропавший аналитик? — ахнул Балль.

— Очень сомневаюсь. Зачем сначала отправлять сообщение под своим именем, а затем писать анонимки?

— Ну, сообщение-то он отправил на их базу, а не нам, — заметил Балль.

— Пусть так. Но шантажист постарается не связываться ни с кем, кроме жертвы.

— И что это значит?

— Аналитик исчез. Предположим, он честный человек. И одновременно — обладатель опасной информации. Он попадает в руки других людей, нечестных, и они начинают нас шантажировать.

— Каких еще «других людей»?

— Вы это серьезно? — процедил Файф, с мрачным видом откидываясь на спинку кресла. — Трантора, разумеется.

— Трантора! — высокий голос Стина дрогнул, нобиля передернуло.

— Кого же еще? Это самый простой способ завладеть Флориной. А ведь именно в этом и состоит главная цель их политики, и если удастся обстряпать все дельце без крови, тем лучше. Посудите сами. Мы соглашаемся на абсурдный ультиматум — и Флорина, по существу, их. Они оставляют нам самую малость, — он свел большой и указательный пальцы, — но как долго мы сможем ее удержать? С другой стороны, предположим, мы проигнорируем письма (иначе быть не может). Что в этом случае сделает Трантор? Наверное, примется сеять слухи о грядущем конце света среди флоринианских туземцев. Те впадут в

панику. Что за этим последует? Катастрофа. Разве можно заставить работать человека, знающего, что завтра его ждет смерть? Урожай сгниет на корню, склады опустеют.

Стин, глядя в зеркало, которое не попадало в зону действия куба-приемника, подправил пальцем румяна и сказал:

— В целом, это может пойти нам на пользу. Если запасы кырта уменьшатся, его цена лишь возрастет, разве нет? Затем, когда выяснится, что с Флориной ничего не случилось, туземцы вернутся к работе. Кроме того, мы всегда можем пригрозить, что ограничим экспорт. Как долго цивилизованный мир продержится без кырта? Не знаю, не знаю… В общем, ничего с «Королем Кыртом» не случится. А все эти письма — пустые хлопоты.

Он состроил скучающую мину, изящно подперев пальцем щеку.

Старый Балль, выслушавший его с закрытыми глазами, произнес:

— Цену больше поднимать нельзя. Она достигла своего потолка.

— Верно, — согласился Файф. — В любом случае серьезных проблем не предвидится. Трантор ждет начала смуты на Флорине. Если им удастся

доказать галактическому сообществу, что Сарк сорвет поставки кырта, самым логичным для них будет двинуться на поддержание так называемого порядка во имя гарантированного снабжения. Как ни неприятно, остальные планеты галактики скорее всего поддержат Трантор. Особенно если имперцы пообещают ликвидировать монополию, увеличить производство и снизить цены. Выполнят ли они свои обещания — уже другая история, но сначала они получат поддержку. Только так Трантор сумеет завладеть Флориной. Если они просто попытаются захватить ее силой, планеты, не входящие в их союз, присоединятся к нам, ведь с нашей стороны это будет чистая самозащита.

— А какое касательство ко всему этому имеет пропавший аналитик? — спросил Рун. — В вашу теорию он не вписывается.

— Вписывается, вписывается. Все аналитики — на редкость неуравновешенны. Вот и этот что-то там нафантазировал… — Файф пошевелил пальцами, словно возводя невидимый замок. — Причем даже не важно — что. Трантор все равно не осмелится предать огласке эту фантазию, иначе Бюро поднимет его на смех. Однако если они схватили аналитика, то имели воз-

можность вызнать какие-нибудь подробности, могущие произвести впечатление на профанов. И тогда их история зазвучит убедительно. Бюро — транторская марионетка; никакие научные опровержения не смогут победить ложь, если она распространится в форме научных слухов.

— Чересчур замысловато, на мой вкус, — сказал Борт. — Дичь какая-то. Они не могут предать историю огласке, но в то же время должны это сделать.

— Они не могут допустить, чтобы она прозвучала как серьезное научное открытие, — терпеливо пояснил Файф. — Зато в виде слухов — почему нет? Неужели не понимаете?

— Почему тогда Абель упорно разыскивает пропавшего аналитика?

— А вы ждете, что он во всеуслышание объявит: мол, этот тип сидит у меня? Настоящая деятельность Абеля и его дела напоказ — это совершенно разные вещи.

— Предположим, вы правы, — сказал Рун. — Нам-то как быть?

— Мы узнали об опасности, и это главное. Попробуем, если получится, разыскать пропавшего аналитика. Поместим под колпак всех известных нам шпионов Трантора — только ненавязчиво.

Будем следить за ними и держать руку на пульсе. Нельзя допустить распространения на Флорине слухов о гибели планеты. Надо подавить в зародыше первый же самый слабый слушок. Главное — мы должны действовать заодно. Выступить единым фронтом. Вот в чем, с моей точки зрения, цель нашего собрания. Да, континентальная автономия священна, и никто не ратует за ее сохранение больше, чем я, — в том случае, когда речь идет об обычной ситуации. Нынешнюю обычной не назовешь. Надеюсь, вы это понимаете?

Они понимали. Кто более охотно, кто менее. Автономия — это не то, с чем просто расстаться.

— Итак, будем ждать их второго хода, — заключил Файф.

Этот разговор состоялся год назад. Они расстались, а затем нобиля Файфа постигло самое странное и полное фиаско за всю его долгую и весьма удачную карьеру.

Второго хода не последовало. Никто из пятерых не получал новых писем. Пространственного аналитика так и не нашли, хотя Трантор продолжал бессмысленный поиск. Никаких апокалиптических слухов на Флорине не распространялось, сбор урожая кырта и его обработка шли своим

чередом.

Рун взял за обыкновение звонить Файфу раз в неделю и интересоваться: «Ну, есть что-нибудь новенькое, Файф?»

При этом его жирные телеса так и тряслись от смеха.

Файф с мрачной бесстрастностью переносил эти звонки. А что еще ему было делать? Он вновь и вновь прокручивал в голове факты. Бессмыслица какая-то. Он явно что-то упустил, некий ключевой фактор.

Когда бомба взорвалась, Файф нашел ответ. Хотя и совершенно не тот, которого ожидал.

Пришлось вновь созвать совещание. Хронометр показывал два часа двадцать девять минут.

Нобили начали появляться один за другим. Первым — Борт: губы сжаты, палец с заусенцами скребет грубую щетину. Вторым — Стин: свежеумытое, лишенное косметики лицо бледно и нездорово. Третьим — Балль: равнодушный, усталый, с ввалившимися щеками, в мягком кресле, рядом — стакан теплого молока. Последним, опоздав на две минуты, явился Рун: мокрогубый, угрюмый, опять поднятый среди ночи. Свет на сей раз он притушил, и фигура Руна казалась туманной глыбой в сумрачной дымке куба, ко-

торую не под силу было разогнать солнцу Сарка, светившему на полушарии Файфа.

— Господа, — начал Файф, — год назад я объявил вам об отдаленной и невнятной опасности. Я ошибался, господа. Опасность реальна и недалека. Она близко, она совсем рядом. Одному из вас уже известно, о чем я говорю. Другие сейчас узнают.

— На что это вы намекаете? — рявкнул Борт.

— На измену, — коротко ответил Файф.

Глава 10. Беглец

Мирлин Тиренс не был человеком действия. Именно это твердил он себе в качестве оправдания, покидая космопорт. Его разум словно парализовало.

Он вынужден был идти спокойным шагом. Не слишком медленно, чтобы не приняли за слоняющегося без дела, но и не слишком быстро, чтобы не вызвать подозрений. Идти целенаправленно, как шагал бы патрульный по своим делам — скажем, к машине за углом.

Если бы только он действительно мог сесть в машину! Увы, вождению автомобилей флорианцев не обучали, даже старост.

Думать на ходу не получалось. Тиренсу требовались отдых и тишина. Он и ноги-то переставлял с трудом. Да, он не был человеком действия, однако за последние полтора дня ему пришлось действовать — и делать это быстро. Похоже, он израсходовал запас нервной энергии до донышка.

Однако остановиться и передохнуть Тиренс не решался. Будь теперь ночь, он, возможно, нашел бы, где пересидеть несколько часов. К

сожалению, только перевалило за полдень. Умей он водить, быстро уехал бы из города и спокойно обдумал, что ему делать. Но в его распоряжении имелись только ноги.

Ах, если бы Тиренс смог все обдумать… Вот она — главная проблема. Если бы он мог остановиться… Остановить мгновение, заморозить время и хорошенько все обмозговать… Должен же иметься какой-нибудь выход?

Тиренс с удовольствием погрузился в тень Нижнего города. Шел твердо, как настоящий патрульный, помахивая дубинкой-парализатором. Улицы пустовали. Народ попрятался по домам. Оно и к лучшему.

Тиренс придирчиво выбирал убежище. Логично было бы остановиться на каком-нибудь доме побогаче, из разноцветных пластмассовых панелей и с поляризованными стеклами в окнах. Законы бедности суровы, беднякам нечего терять. А вот тот, кому есть, из кожи вон вылезет, чтобы помочь «патрульному».

Тиренс свернул на дорожку к подходящему дому, стоявшему в стороне от проезжей части — тоже один из признаков зажиточности. Он сразу понял, что не придется ни барабанить в дверь, ни выламывать ее: за окном кто-то мелькнул

(сколько же поколений потребовалось, чтобы флоринианцы приучились нюхом чуять приближение патрульного?). Дверь ему отопрут.

Так оно и оказалось.

Дверь открыла девушка, глаза — два больших круга в белой оправе. Совсем подросток, нескладная в своем платье с оборочками, свидетельствовавшем об усилиях, которые прилагали родители, стремясь показать, что они не какое-то там «флоринианское отребье». Девочка, взволнованно дыша, отступила, пропуская Тиренса.

— Твой отец дома? — спросил он, захлопывая за собой дверь.

— Па! — закричала она. Потом добавила, уже тише: — Да, сэр.

Из соседней комнаты медленно появился сконфуженный «па». Он, несомненно, знал о приближении патрульного. Просто отправить открывать дверь дочку было безопаснее. Девочка меньше рискует огрести дубинкой, если патрульный окажется в скверном настроении.

— Имя? — гаркнул Тиренс.

— Джейкоф, к вашим услугам.

В одном из карманов мундира нашелся тонкий блокнот. Староста открыл его, сделал вид, что сверяется с чем-то, поставил жирную галочку

и сказал:

— Да, верно, Джейкоф. Я хочу увидеть всех членов твоей семьи. Быстро!

Если бы не эмоциональный упадок, оставивший на его долю лишь безнадежную опустошенность, Тиренс мог бы даже получить удовольствие. Оказалось, власть действительно вводит в искушение.

В комнату вошла взволнованная женщина, на руках у нее хныкал ребенок лет двух. За ней — встретившая Тиренса девочка и мальчик помладше.

— Все собрались?

— Все, сэр, — почтительно ответил Джейкоф.

— Можно я уложу малышку? — нервно спросила женщина. — Ей пора спать.

Она прижала к себе ребенка, словно вид невинного создания мог растопить сердце патрульного. Тиренс даже не взглянул в ее сторону. Патрульный так бы и поступил, а он — патрульный.

— Уложи и сунь ей соску, чтобы не визжала. Так, теперь с тобой, Джейкоф.

— Слушаю, сэр.

— Ты ведь ответственный малый, я прав?

Туземец, сколько бы лет ему ни было, всегда «малый».

— Да, сэр. — Джейкоф приосанился, сверкнув глазами. — Я — служащий предприятия общественного питания. Изучал математику. Умею делить на многочлен, даже логарифмы «брать».

«Ага, — подумал староста, — показали тебе, как пользоваться логарифмической линейкой, и научили выговаривать умное слово».

Он знавал таких типов. Этот гордился своими «логарифмами», как иной нобиль — космояхтой. Еще бы! Поляроид в окнах добыт логарифмами, а цветные пластиковые панели кричат об умении делить столбиком. Его презрение к туземным неучам могло сравниться лишь с презрением нобилей ко всем флоринианцам разом, а его ненависть была даже сильнее, ведь ему приходилось жить среди тех, с кем его равняли другие, более удачливые.

— И ты веришь в торжество закона и доброту нобилей. Так, парень? — Староста вновь многозначительно сверился с блокнотом.

— Мой муж — хороший человек, — неуверенно встряла женщина. — У нас никогда не было проблем с законом. И детей ровно столько, сколько положено. Мы всегда…

— Да-да, — отмахнулся Тиренс. — А теперь, парень, послушай меня. Я хочу, чтобы ты составил

список всех своих знакомых из этого квартала. Имена, адреса, занятия, нравы. Особенно нравы. Если кто-то склонен к бузе, я хочу это знать. Мы собираемся все тут хорошенько вычистить, ясно?

— Так точно, сэр. Во-первых, Хастинг, что живет чуть дальше нас по улице. Он…

— Нет-нет, возьми лист бумаги, сядь вон туда и все запиши. Все, что знаешь. И не торопись, я ваши туземные каракули с лупой разбирать не намерен.

— У меня хороший почерк, сэр.

— Вот сейчас и проверим.

Джейкоф уселся корпеть над листком, медленно выводя буквы. Жена заглядывала ему через плечо.

— А ты, — приказал Тиренс девочке, — встань у окна и, если появятся другие патрульные, дай знать. Хочу кое с кем из них потолковать. Сама их не зови, сразу скажи мне.

Наконец-то он мог расслабиться. На краткое время ему удалось отыскать укромную норку в море опасности. В доме было тихо, только громко чмокала малышка в люльке. А если приблизится враг, Тиренса предупредят, и он успеет сбежать.

Теперь он мог сосредоточиться и подумать.

Во-первых, с личиной патрульного пора было кончать. На всех выездах из Города уже наверняка стоят кордоны. И они знают, что он не сможет воспользоваться ничем сложнее диамагнитного скутера. Совсем скоро до заскорузлых мозгов патрульных дойдет: найти беглеца они могут, лишь обойдя квартал за кварталом и обыскав все дома.

А едва до них это дойдет, начнут они, естественно, с окраин к центру. Дом Джейкофа обыщут одним из первых, так что рассиживаться Тиренсу тут некогда.

До сих пор патрульная форма была полезна. Местные не задавали вопросов, даже не вглядывались в бледное флоринианское лицо. Взгляд им застил серебряно-черный мундир.

Вскоре идущие по его следу ищейки сообразят и это. Тогда местным жителям будет отдан приказ сообщать обо всех патрульных, которые не смогут предъявить надлежащие документы. В особенности — о светлокожих блондинах. Всем настоящим патрульным выдадут временные идентификационные карточки. За Тиренса назначат награду. Даже если лишь одному из ста флориниансцев достанет смелости потребовать документы у сомнительного патрульного, этого

будет достаточно.

Маску патрульного придется снять.

Так, с этим ясно. Теперь следующее. Отныне нигде на планете Тиренс не будет чувствовать себя в безопасности. Убийство патрульного карается смертью. За ним будут гоняться и через пятьдесят лет — если, конечно, ему удастся протянуть столько. Значит, с Флорины пора убираться.

Как?

Положим, один день он еще протянет: если судьба расщедрится, патрульные проявят максимум тупости, а самому Тиренсу очень повезет. С другой стороны, это — его преимущество: двадцатью четырьмя часами жизни вполне можно рискнуть. Следовательно, Тиренс способен пойти на такое, что не придет в голову ни одному здравомыслящему человеку.

Он встал.

— Я еще не закончил, сэр. — Джейкоф поднял голову. — Я пишу очень аккуратно.

— Давай сюда, чего ты там понаписал. — Тиренс взглянул на поданный листок. — Ладно, достаточно. Если к тебе зайдут другие патрульные, не вздумай докучать им и говорить, что уже подал нужные сведения. Они спешат и могут дать тебе другие задания. Кстати, никто из них

сюда не идет?

— Нет, сэр, — откликнулась девочка у окна. — Выйти на улицу посмотреть?

— Не надо. Скажи-ка лучше, где здесь ближайший лифт?

— В четверти мили налево от нашего дома, сэр. Вы можете…

— Да-да, открой дверь.

Патруль вывернул из-за угла как раз в тот миг, когда за Тиренсом закрылась дверь лифта. Сердце бешено колотилось. Облава, похоже, началась. Ищейки висели у него на хвосте.

Минуту спустя он, со все еще бьющимся сердцем, вышел из лифта в Верхнем городе. Здесь укрытий не будет. Ни тебе толстых опор, ни надежной крыши над головой.

Тиренс чувствовал себя черной точкой, двигающейся среди разноцветья зданий. Он был у всех на виду. Казалось, на него указывает огромная черная стрелка.

Патрулей не было. Нобили смотрели сквозь него. Если для флориниа нца патрульный — это ходячий ужас, для нобилей он — никто. Что может сейчас спасти ему жизнь.

Представление о Верхнем городе у Тиренса было смутным. Где-то здесь находился городской

парк. Самым логичным было бы спросить дорогу. Или подняться на какое-нибудь высокое здание и оглядеться. Первое исключалось: патрульные не нуждались в путеводителях. Второе было рискованным: внутри помещения его форма будет слишком бросаться в глаза.

Он просто двинулся вперед, руководствуясь туманными воспоминаниями о мельком увиденной когда-то карте Верхнего города. И не ошибся. Через пять минут показался парк. Это был искусственный оазис зелени площадью около сотни акров. На Сарке парк имел довольно скандальную репутацию — он славился не только буколической[1] идиллией, но и ночным разгулом. Коренные флориниане, каким-то чудом прознавшие о парке, представляли его раз в десять больше по размеру, чем он был на самом деле, и в тысячу раз роскошнее.

В реальности это был просто приятный уголок. В мягком климате Флорины он зеленел и цвел круглый год. Лужайки, деревья, каменные гроты. Небольшой пруд с рыбками и пруд побольше, где могли плескаться дети. По вечерам, пока не начинался дождь, зажигалась иллюминация. Именно

[1] Примечания: 1

Отсылка к жанру поэзии (древнегреч. bukolos, что означает «пастух») — сельский, безмятежный (Прим. ред.).

в это время парк был особенно оживлен. Танцы, тримерсиональные шоу, парочки, бродящие по извилистым тропинкам.

Тиренс никогда прежде здесь не был. Парк показался ему инородной опухолью на теле планеты. Почва, камни под ногами, вода и деревья покоились на мертвом слое бетоносплава. Это раздражало Тиренса. Он подумал о бескрайних кыртовых полях, о южных горных хребтах — и почувствовал презрение к чужакам, построившим себе эту безделку посреди подлинного великолепия.

Где-то с полчаса он бесцельно шагал по дорожке. То, что он задумал, можно было совершить только в парке. Хотя даже здесь это было чрезвычайно трудно. В других же местах попросту невозможно.

Никто Тиренса не видел, не обращал на него внимания. Он был в этом уверен. Спросите какого-нибудь нобиля, не встречал ли он вчера в парке патрульного. Тот только недоуменно вытаращится на вас. С таким же успехом можно поинтересоваться, видел ли он пролетевшую мимо муху.

Однако парк был чересчур обихоженным. Отчаяние в душе Тиренса нарастало. Он поднялся

по лесенке между валунами и начал спускаться в чашеобразную впадину, окруженную пещерками, которые специально создали для уединения парочек, застигнутых ночным дождем (всегда оказывалось парочек больше, чем можно было ожидать).

И тут Тиренс увидел того, кого искал.

Мужчину! Вернее — нобиля. Парень прохаживался туда-сюда. Быстрыми затяжками докурил сигарету, кинул окурок в пепельницу. Тот, полежав несколько секунд, со вспышкой исчез. Мужчина бросил быстрый взгляд на часы-кулон.

Больше в котловине никого не было. Народ стекался сюда ближе к вечеру.

Нобиль явно кого-то ждал. Тиренс оглянулся. Лестница тоже пустовала. Сюда наверняка должны были вести и другие лестницы. Неважно. Второго шанса может и не подвернуться.

Тиренс направился к нобилю. Тот, естественно, не замечал его до тех пор, пока староста не сказал:

— Прошу прощения…

Фраза была вполне почтительной, однако нобили не привыкли, чтобы патрульные, пусть даже с уважением, хватали их за локоть.

— Ты что себе позволяешь?!

Тиренс, все так же вежливо («Смотри на меня! Не отводи глаз!»), но уже более настойчиво продолжил:

— Сюда, сэр, пожалуйста. Это связано с облавой на туземца-убийцу.

— Что ты несешь?

— Всего на минутку, сэр.

Староста незаметно достал нейрохлыст. Нобиль так ничего и не понял. Хлыст негромко зажужжал, мужчина окаменел и упал.

Тиренс еще ни разу в жизни не поднимал руку на нобиля. И удивился, почувствовав тошнотворную вину.

Вокруг было по-прежнему пусто. Он оттащил одеревеневшее тело в ближайшую пещеру, в самый дальний угол. Застывшие глаза нобиля смотрели в пустоту.

Тиренс раздел его, с трудом стягивая одежду с окостеневших конечностей. Снял с себя пыльную, пропотевшую форму и надел белье нобиля. Впервые он ощутил прикосновение кыртовой ткани всем телом, а не только пальцами.

Настал черед остальной одежды и колпака. Последний был совершенно необходим. Среди молодежи такие уже вышли из моды. К счастью, этот нобиль его носил. Тиренсу же колпак тре-

бовался, чтобы скрыть предательски светлые волосы. Он натянул его до самых ушей.

Потом сделал то, что нужно было сделать. Внезапно Тиренс осознал, что убийство патрульного будет не главным его преступлением. Он настроил бластер на максимальное рассеяние и направил ствол на потерявшего сознание нобиля. Через десять секунд перед ним лежала обугленная масса. Это затруднит опознание и собьет с толку преследователей.

Спалив заодно форму, он выбрал из кучки пепла почерневшие серебряные пряжки и пуговицы. Это тоже усложнит поиски. Возможно, всего лишь на час, но хоть так.

Теперь нужно было уходить. Тиренс замер у входа, принюхался. Бластер сработал чисто. Запах горелого мяса ощущался слабо, скоро он развеется.

Тиренс как раз спускался по ступенькам, когда навстречу ему прошла девушка. На миг он по привычке опустил глаза. Она была знатной госпожой. Подняв взгляд, он успел заметить, что девушка хороша собой и спешит.

Староста сжал зубы. В котловине она никого не найдет. Впрочем, нобиль посматривал на часы — следовательно, девица опоздала. Она может

решить, что приятель ее не дождался. Тиренс прибавил шагу. Не хотелось, чтобы девушка догнала его и принялась расспрашивать, не видел ли он здесь молодого мужчину.

Покинув парк, он еще с полчаса побродил по Верхнему городу. Что дальше? Тиренс больше не патрульный, он нобиль, но дальше-то что?

Он остановился на небольшой площади с фонтаном в центре газона. В воду было добавлено какое-то моющее средство, чтобы та пенилась и радужно пузырилась. Безвкусица. Тиренс облокотился о парапет и, глядя на западное солнце, исподтишка, одну за другой, выбросил в фонтан пуговицы и пряжки.

Опять вспомнилась девушка из парка. Она была такой юной. Потом он подумал о Нижнем городе, и раскаяние его отпустило.

Серебро покоилось на дне фонтана. Руки опустели. Тиренс медленно, стараясь вести себя как ни в чем не бывало, пошарил по карманам. Те оказались набиты всякой бесполезной ерундой. Набор ленточных ключей, несколько монеток, идентификационная карта. О, Сарк! Даже у нобилей они, оказывается, есть! Правда, нобилям не приходится предъявлять их всем проходящим мимо патрульным.

Тиренса теперь звали Альстар Даэмон. Оставалось надеяться, что ему не потребуется пользоваться этим именем. В Верхнем городе жило всего десять тысяч человек. Шанс, что ему встретятся знакомые Альстара, был не особенно велик, но и не так уж мал.

Двадцать девять лет… Тиренс подумал о том, что осталось в пещере, и едва подавил приступ тошноты. Нобили есть нобили. Сколько двадцатидевятилетних флориниан цев было убито их руками или по их приказам? А сколько девятилетних?

На карточке имелся адрес, но он ничего не говорил Тиренсу, чье знание топографии Верхнего города было ничтожным… Вот так!

Псевдотрименсионный портрет маленького мальчика лет трех. Тиренс вытащил портрет из рамки, повертел. Мелькнули и медленно потухли яркие краски. Сын? Племянник? Если сын, то кто тогда та девушка в парке? Или Альстар женат, а встреча в парке — тайная? Но зачем тайно встречаться днем? Хотя почему бы и нет?

Тиренс надеялся, что так оно и есть. Если девушка была любовницей, она может решить, что мужчине просто не удалось ускользнуть от жены, и не станет заявлять о его пропаже. Это

даст Тиренсу дополнительное время.

Нет, не даст. Его охватило бессилие. Какие-нибудь дети, играющие в прятки, скоро обнаружат останки и поднимут тревогу. И произойдет это в ближайшие сутки. Он вновь обшарил карманы. Копия прав на вождение космояхты. Все богатые саркцы владели яхтами и умели ими управлять — мода текущего столетия. Ладно, что еще? А вот это уже интереснее: несколько саркских чеков. Могут пригодиться на первое время. Внезапно Тиренс понял, что последний раз ел прошлой ночью в пекарне, и почувствовал сильный голод.

И тут только сообразил: космояхта! Он вновь достал права. Настоящий владелец яхты мертв, теперь она принадлежит Тиренсу. Яхта стояла в ангаре номер 26 девятого космопорта. Отлично. Где у нас девятый космопорт? У старосты не было об этом ни малейшего представления.

Он прижался лбом к холодному парапету фонтана. «Что делать? Что же делать?»

— Добрый день. Вам плохо?

Тиренс вздрогнул и оглянулся. Рядом стоял пожилой нобиль и курил длинную ароматизированную сигарету. С золотого браслета свисал зеленый камень. На лице мужчины было выражение благожелательного интереса, которое в

первую секунду удивило Тиренса. Потом до него дошло, что он теперь тоже нобиль. Он среди своих. Друг с другом нобили вполне могут общаться как порядочные люди.

— Нет, просто отдыхаю, — сказал Тиренс. — Решил прогуляться и потерял счет времени. Ох, я, кажется, уже опаздываю на встречу! — Он всплеснул руками.

Сымитировать саркский акцент несложно, главное — не пересолить. Утрирование скорее обратит на себя внимание.

— Остались без «москита», я угадал? — Пожилой понимающе усмехнулся: мол, эх, молодежь!

— Увы.

— Можете воспользоваться моим, — тут же предложил собеседник. — Он у меня вон там стоит. Потом просто включите автопилот и отправите обратно. В ближайший час машина мне не понадобится.

Идея выглядела привлекательно. «Москиты» были маневренными и быстрыми, как молнии, они с легкостью обгоняли наземные машины патрульных. Одна проблема: летать на «моските» Тиренс умел не больше, чем парить, размахивая руками.

— Отсюда и до Сарка, — сказал Тиренс, припом-

нив фразочку из сленга нобилей, означавшую безмерную благодарность. — Но я лучше пешком пройдусь: до девятого космопорта недалеко.

— Верно, недалеко, — кивнул нобиль.

Не слишком-то точное указание. Тиренс решил зайти с другого бока.

— Однако я уже жалею, что сюда забрел. Прогулка по всему Кыртовому проспекту — то еще удовольствие.

— По Кыртовому проспекту? А он здесь при чем?

Не мелькнул ли в глазах нобиля подозрительный огонек? Старосте начало уже казаться, что и одежда ему не впору.

— Ну, надо же! — затараторил Тиренс. — Похоже, я загулялся и куда-то не туда свернул. Где же это мы? — Он с рассеянным видом огляделся вокруг.

— Мы на Рекит-роуд. Вам надо пройти до Трифис, свернуть налево, а там до космопорта рукой подать. — Старик машинально указал направление.

— Вы правы. Мне надо прекратить мечтать на ходу и хоть изредка включать мозги. Отсюда и до Сарка, сэр.

— Может, все-таки воспользуетесь моим «мос-

китом»?

— Вы очень любезны, но…

Тиренс махнул на прощание и двинулся прочь несколько быстрее, чем следовало, чувствуя на себе взгляд нобиля. Наверняка завтра, когда в пещере обнаружат труп и начнутся поиски, этот тип вспомнит их встречу и скажет: «Этот парень был каким-то странным, ну, вы меня понимаете. Говорил необычно, не знал, где находится. Могу поклясться, он никогда прежде не слышал о Триффис-авеню».

Однако все это будет завтра.

Сейчас Тиренс шагал в направлении, указанном нобилем. Подошел к сияющему указателю «Триффис-авеню», почти потерявшемуся на фоне переливчато-оранжевого здания. Свернул налево.

Девятый космопорт был полон молодежи в яхтенных костюмах, основными особенностями которых были фуражки с поднятыми козырьками и бриджи с буфами. Тиренсу мерещилось, что он всем бросается в глаза, но на самом деле на него никто не обращал внимания. Люди вокруг гомонили, их разговоры были пересыпаны словечками, которых он не понимал.

Он нашел двадцать шестой ангар и подождал

несколько минут, прежде чем подойти. Не хотелось, чтобы поблизости оказался какой-нибудь нобиль, знающий Альстара Даэмона в лицо, и заинтересовался: что этот незнакомец делает в чужом ангаре?

Наконец, соседние ангары опустели, и он вошел внутрь. Нос яхты смотрел на открытое взлетное поле, со всех сторон окруженное ангарами. Тиренс осторожно выглянул. И что теперь?

За последние двенадцать часов он убил трех человек. Из флоринианца-старосты превратился в патрульного, а из патрульного — в нобиля. Пробрался из Нижнего города в Верхний, нашел космопорт. Завладел яхтой, которая могла отнести его в безопасное место, на любую планету галактики.

Оставалась одна загвоздка. Тиренс не умел водить космический корабль.

Он до смерти устал и проголодался. Зашел так далеко — и вот, оказался в тупике. Стоял на самом пороге космоса и не мог туда попасть.

К этому часу патрульные уже должны были понять, что в Нижнем городе его нет. Как только до их закосневших мозгов дойдет, на что мог отважиться туземец, они начнут обыскивать Верхний город. Обнаружат в пещере труп, и рас-

следование обретет новое направление: начнут разыскивать лженобиля.

А он — вот он. Уткнулся лбом в непреодолимую стену. И ему остается только ждать, когда звуки погони раздадутся за спиной.

Тридцать шесть часов назад в его руках была уникальная возможность. Он ее упустил, а скоро потеряет и жизнь.

Глава 11. Капитан

Впервые на его памяти капитану Рейсити не удавалось навязать свою волю пассажиру. Даже если бы он вез кого-нибудь из великих нобилей, можно было бы рассчитывать на сотрудничество. Великие нобили владеют целыми континентами, но у себя на корабле он, Рейсити, — царь и бог.

С пассажирками все иначе. С любыми пассажирками. А если она к тому же дочь великого нобиля — пиши пропало.

— Госпожа, как я могу позволить вам остаться с ними с глазу на глаз?

— Как? Да очень просто. Разве они вооружены, капитан? — сверкнула глазами Сэмия Файф.

— Разумеется, нет. Но дело не в этом.

— Они — просто пара перепуганных до полусмерти бедолаг.

— Испуганные люди опасны, госпожа, поскольку могут решиться на безрассудные поступки.

— Тогда з-зачем вы их з-запугиваете? — сердясь, госпожа Сэмия начинала слегка заикаться. — Три громадных матроса стоят над ними с бластерами на изготовку. Капитан, я этого так не оставлю!

Рейсити не сомневался. Он чувствовал, что придется сдаться.

— Не могла бы госпожа объяснить, чего именно она желает?

— Я уже объясняла. Хочу с ними побеседовать. Говорите, они флоринианцы? Значит, я смогу получить бесценные сведения для своей книги. Но вряд ли что-нибудь выйдет, если эти люди от страха утратят дар речи. Поэтому я хочу остаться с ними одна. Одна, капитан! Вы понимаете это слово? Од-на!

— А что скажет ваш отец, когда узнает, что я оставил его дочь наедине с двумя отчаянными головорезами?

— Отчаянные головорезы! О, святой космос! Двое глупцов, которые, чтобы удрать с Флорины, не нашли ничего лучше, чем забраться на корабль, летящий на Сарк. Кстати, а откуда мой отец об этом узнает?

— Узнает, если они на вас нападут.

— Зачем им на меня нападать? — Она вложила в голос всю свою силу до последнего атома и потрясла маленьким кулачком. — Отвечайте, капитан, я требую.

— Давайте поступим следующим образом, госпожа. С вами останусь я, а матросов с бластерами

мы отошлем. Один я, и никаких бластеров. В противном случае, — теперь уже он постарался, чтобы в голосе прозвучал металл, — я вынужден буду отказать.

— Ну, хорошо, — фыркнула она. — Хорошо. Но если они начнут таращиться на вас и молчать, я лично прослежу за тем, чтобы вас разжаловали в младшие матросы.

Едва Сэмия вошла в камеру, Валона быстро прикрыла глаза Рика ладонью.

— В чем дело? — резко прикрикнула госпожа Файф и только потом вспомнила, что собиралась быть милой.

— Он нездоров, госпожа, — пролепетала Валона. — Он может не понять, что вы — высокородная дама, и случайно посмотреть на вас. Случайно, госпожа, не нарочно.

— О, великий космос! Да пусть себе смотрит. Капитан, им обязательно сидеть в этой конуре?

— А вы бы предпочли, чтобы я разместил их в собственной каюте?

— Каюту не каюту, но ведь можно найти что-нибудь менее убогое.

— Это для вас все здесь убого. А для них, я уверен, — предел мечтаний. Здесь даже кран с водой есть. Спросите у них, есть ли в их лачугах водо-

провод.

— Прикажите своим людям уйти.

Капитан сделал знак, и матросы торопливо вышли. Рейсити поставил складной алюминиевый стул, Сэмия села.

— Встать, — приказал капитан Валоне и Рику.

— Нет-нет, — возразила Сэмия, — пусть сидят. Не вмешивайтесь, капитан. Итак, — обратилась она к Валоне, — вы с Флорины?

— Мы с Вотекса. — Валона замотала головой.

— Не надо меня бояться, деточка. Никто не причинит вам вреда, даже если вы флоринианцы.

— Мы с Вотекса.

— Деточка, ты только что сама подтвердила свое происхождение. Не поняла? Ты закрыла глаза мужчине.

— Ему нельзя смотреть на благородных дам.

— Даже если он с Вотекса?

Валона молчала.

Ничего, пусть подумает. Сэмия попыталась дружелюбно улыбнуться:

— Только флориниацам запрещено смотреть на саркских женщин. Так что ты сама подтвердила нашу догадку.

— Он не флориниец! — выкрикнула Валона.

— А ты?

— Я? Я — да, он — нет. Не обижайте его, он, правда, не флоринианец. Мы его в поле нашли. Не знаю, откуда он, но только не с Флорины.

Сэмию удивила неожиданная говорливость девушки.

— Хорошо, я сама с ним побеседую. Как тебя зовут, парень?

Рик таращился на нее. Так вот как выглядят благородные саркские женщины… Такие маленькие и добрые. И пахнут приятно. Он был счастлив, что ему позволили посмотреть.

— Так как твое имя? — повторила Сэмия.

Рик очнулся и вдруг обнаружил, что не может заставить себя произнести коротенькое слово.

— Рик, — наконец выдавил он, а про себя подумал: «Нет, это не мое имя». — Кажется, Рик, — добавил он.

— То есть ты не знаешь?

Помрачневшая Валона попыталась что-то вставить, но Сэмия остановила ее взмахом руки.

— Не знаю, — покачал головой Рик.

— Ты с Флорины?

— Нет, — уверенно ответил он. — Я был на корабле. Я откуда-то прилетел.

Рик не мог отвести глаз от Сэмии, однако теперь ее лицо накладывалось на образ корабля.

Маленького, очень уютного кораблика.

— Я прилетел на Флорину на корабле. А до этого жил на планете.

— На какой?

Ему казалось, что мысль пытается протиснуться по слишком узким ментальным каналам.

— Я с Земли! — радостно воскликнул он, наслаждаясь звучанием давно потерянного слова. — Я прибыл с Земли.

— С Земли?

Рик закивал.

— Капитан, где находится планета Земля?

— Никогда о такой не слышал. — Рейсити сухо улыбнулся. — Не принимайте его слова всерьез, госпожа. Туземцы врут, как дышат. Такова уж их натура. Вот и этот болтает все, что взбредет в голову.

— Он утверждает, что не местный. Рик, где находится Земля?

— Земля… — Он потер лоб дрожащей рукой. — В секторе Сириуса, — неуверенно пробормотал он.

— Но сектор Сириуса ведь существует, не правда ли, капитан?

— Да, существует. Удивительно, откуда узнал он? Впрочем, его Земля от этого более реальной не становится.

— Нет, она настоящая! Я вспомнил, — с жаром сказал Рик. — Как же давно я о ней не вспоминал. Я не могу ошибиться, не могу. — Он схватил Валону за рукав. — Лона, скажи им, что я с Земли! Скажи, пожалуйста!

— Мы нашли его в поле, госпожа. — Глаза Валоны расширились от ужаса. — Он ничего не помнил, не мог ни говорить, ни ходить, ни одеться самостоятельно. Прямо как младенец. А потом начал понемножку вспоминать. И все, что вспоминал, оказывалось правдой. — Она бросила затравленный взгляд на скучающее лицо капитана. — Может, он и в самом деле с Земли. Я не хотела вам перечить, госпожа.

Последняя фраза традиционно произносилась, когда вышестоящему могло показаться, что вы с ним спорите.

— С таким же успехом он мог прибыть прямиком из сердца Сарка, — хмыкнул Рейсити.

— И все же в их истории есть что-то таинственное, — произнесла Сэмия, успевшая настроиться на свойственный женщинам романтичный лад. — Я уверена… А почему он был столь беспомощен, девочка? Его ранили?

Валона ответила не сразу. Она растерянно переводила взгляд со вцепившегося себе в волосы

Рика на капитана, улыбавшегося одними губами, потом на Сэмию.

— Отвечай, девочка.

Валоне было трудно решиться, но здесь и сейчас никакая убедительная ложь не могла заменить правду.

— Однажды я возила его к доктору, и тот сказал, что м-мой Рик — психозондирован.

— Психозондирован?! — Сэмия почувствовала легкое отвращение и отодвинулась, металлические ножки стула скрипнули по полу. — Имеешь в виду, он — психопат?

— Я не знаю, что такое «психопат», — робко сказала Валона.

— Не в том смысле, какой вы вкладываете в это слово, госпожа, — пояснил капитан. — Туземцы не бывают психопатами. Их нужды и желания примитивны. Ни разу в жизни не слышал о туземце-психопате.

— Как же тогда…

— Все просто, госпожа. Если россказни этой девицы правда, следовательно, парень — преступник. Вот что следует понимать под словом «психопат». В этом случае его лечил кто-то из косоруких фельдшеров, практикующих среди туземцев. Видимо, едва не убил и выкинул в полях,

чтобы избежать наказания.

— Но ведь речь идет о психозонде, — не отступала Сэмия. — Неужели вы думаете, что туземец сможет пользоваться таким сложным инструментом?

— Да, вероятно, вы правы. Но образованный врач вряд ли допустит ошибку. Тут имеется противоречие, доказывающее, что вся их история — ложь от начала до конца. Послушайте моего совета, госпожа, оставьте этих существ на наше попечение. Вы же убедились — ничего путного от них не дождешься.

— Похоже на то.

Немного поколебавшись, Сэмия поднялась и с сомнением посмотрела на Рика. Капитан подхватил ее стул и со щелчком сложил.

— Погодите! — Рик вскочил на ноги.

— Прошу вас, госпожа. — Рейсити открыл Сэмии дверь. — Мои люди его успокоят.

— Но они же не будут его бить? — Сэмия остановилась на пороге.

— Сомневаюсь, что до этого дойдет. Мы с ним легко справимся.

— Госпожа! Госпожа! — закричал Рик. — Я на самом деле с Земли! Я докажу!

Сэмия помедлила:

— Я хочу послушать, что он скажет.

— Как вам угодно, госпожа.

Сэмия встала в дверях. Рик покраснел. С трудом изобразив на губах подобие улыбки, он начал:

— Я помню Землю. Там все было радиоактивно. Помню запретные территории и синее сияние над ночным горизонтом. Это светилась сама почва, ставшая бесплодной. На Земле почти не осталось мест, пригодных для жизни. Вот почему я стал пространственным аналитиком и предпочитал оставаться в космосе. Мой мир умер.

— Пойдемте, капитан, — Сэмия пожала плечами. — Несчастный бредит.

Однако на сей раз уже капитан застыл с открытым ртом.

— Радиоактивная планета, — пробормотал он.

— Хотите сказать, такая существует?

— Да, — он изумленно посмотрел на нее. — Только откуда он мог о ней узнать?

— Разве может планета быть радиоактивной и одновременно обитаемой?

— Есть одна такая. И как раз в секторе Сириуса. Я не помню ее названия. Может, и Земля.

— Это Земля, — гордо и уверенно сказал Рик. — Самая старая обитаемая планета галактики. Прародина человечества.

— Именно, — тихо произнес капитан.

— То есть человеческая раса появилась на Земле? — Голова у Сэмии шла кругом.

— Нет-нет, — рассеянно возразил капитан, — это суеверие. А вот о радиоактивной планете, жители которой утверждают, будто их Земля — колыбель человека, я слыхал.

— Не знала, что у человечества есть некая колыбель.

— Полагаю, откуда-то мы должны были взять начало, госпожа, но сомневаюсь, что кому-нибудь точно известно, где это место. — Он решительно подошел к Рику. — Что еще ты помнишь?

При этом он едва удержался, чтобы не добавить «малый».

— По большей части — корабль. И пространственный анализ.

Сэмия встала рядом с капитаном напротив Рика, чувствуя, как возвращается азарт.

— Получается, их история правдива? Тогда кто его психозондировал?

— Психозондирование… — задумчиво повторил капитан. — Давайте-ка спросим его самого. Эй, туземец, или кто ты там! Кто тебя психозондировал?

— Вы все мне об этом твердите, даже Лона, — с

сомнением ответил Рик, — но я не понимаю этого слова.

— На чем обрываются твои воспоминания?

— Не могу сказать, — в его голосе прозвучало отчаяние. — Я был на корабле…

— Мы это поняли. Продолжай!

— Прекратите на него рычать, Рейсити, — одернула капитана Сэмия. — Иначе он у вас последнее забудет.

Рик сосредоточился, полностью погрузившись в темноту своего разума. На эмоции сил не оставалось.

— Я не боюсь его, госпожа, — произнес он, к собственному изумлению. — Я пытаюсь вспомнить. Была некая опасность, я ручаюсь. Огромная опасность для Флорины, но подробностей я не помню.

— Опасность, грозящая целой планете? — Сэмия покосилась на капитана.

— Да. Связанная с течениями.

— С какими еще течениями? — спросил Рейсити.

— С космическими.

— Он — безумец. — Капитан развел руками.

— Нет, пусть продолжает. — Сэмия чувствовала, что начинает верить этому странному челове-

ку. — Что такое космические течения?

Ее губы приоткрылись, темные глаза заблестели, из-за ямочек на щеках и на подбородке казалось, что девушка улыбается.

— Различные химические элементы, — неопределенно ответил Рик.

Он уже как-то раз это объяснял, и ему не хотелось повторяться.

Разбуженные воспоминания разом нахлынули на него, и он заговорил торопливо, почти в трансе:

— Я отправил сообщение в наше отделение на Сарке. Помню это совершенно отчетливо. Я должен был принять решение. На Флорину надвигалась опасность, да. И не только на Флорину. На весь Млечный Путь. Я должен был действовать осмотрительно.

Он совершенно забыл о собеседниках, уйдя в мир прошлого, прежде скрытый от него. Валона успокаивающе похлопала его по плечу, шепча: «Не надо, Рик», — но он ничего не замечал.

— Мое сообщение перехватил саркский чиновник, — еле слышно произнес он. — Явная ошибка. Ума не приложу, как это случилось. — Он нахмурился. — Клянусь, я отправлял сообщение на местную базу Бюро по зарезервированной для нас

волне. Неужели можно прослушивать субэфир?

Рик даже не удивился тому, с какой легкостью сорвалось с его губ слово «субэфир». Не дожидаясь ответа на вопрос, он продолжил, глядя в пустоту:

— В общем, когда я приземлился на Сарке, меня уже ждали.

Повисла новая пауза, еще более продолжительная. Капитан не стал ее прерывать. Похоже, он сам о чем-то крепко задумался.

— Кто тебя ждал? Кто? — спросила Сэмия.

— Н-не знаю, не помню, это было какое-то учреждение и чиновник с Сарка. Я помню, что разговаривал с ним. Мы сидели за столом друг против друга. Говорили долго. По-моему, я не сообщил ему деталей. Да, я в этом уверен. Сначала мне нужно было доложить об этом на базу. А потом он…

— А потом? — подбодрила его Сэмия.

— Он что-то сделал. Он… Нет, ничего больше не помню. Ничего!

Рик выкрикнул последнее слово, и наступила тишина, которую тривиальнейшим образом нарушило монотонное гудение коммуникатора на запястье капитана.

— В чем дело? — спросил Рейсити.

— Сообщение с Сарка, сэр, — почтительно от-

кликнулся голос. — Конфиденциальное.

— Хорошо, сейчас перейду на субэфир. Госпожа, — он повернулся к Сэмии, — позволю себе напомнить, что уже время обеда.

Девушка начала было протестовать, утверждая, что не голодна, предложила идти и не беспокоиться за нее.

— Но этих людей тоже пора накормить, — дипломатично прервал ее капитан. — Они наверняка устали и голодны.

С этим она спорить не стала, лишь сказала:

— Я должна буду вновь поговорить с ними, капитан.

Тот молча поклонился. Поклон можно было трактовать как согласие. А можно — как отказ.

Сэмия Файф была крайне заинтригована случившимся. Изучение Флорины удовлетворяло ее интеллектуальным запросам, однако Дело о Загадочном Психозондированном Землянине (Сэмия даже думала о нем заглавными буквами) взывало к чему-то первобытному и куда более настойчивому в ее душе. Оно возбуждало в ней животное любопытство.

Настоящая тайна!

Ее живо интересовали три вопроса. Среди них, правда, не было вполне разумного (в сложивших-

ся обстоятельствах) вопроса о том, заблуждается ли этот человек, просто врет или говорит правду. Если списать все на вранье, никакой тайны не останется, а Сэмии хотелось именно тайны.

Сэмию интересовали следующие вопросы: во-первых, что именно угрожает Флорине или, вернее, всей галактике; во-вторых, кто психозондировал землянина; в-третьих, зачем он это сделал.

И она горела решимостью найти ответы и удовлетворить свое любопытство. Кто из нас самоуверенно не считает себя вполне компетентным сыщиком-любителем? А Сэмии самоуверенности было не занимать.

Наскоро пообедав, она, как только позволила вежливость, вышла из-за стола и поспешила к камере.

— Откройте дверь, — приказала она охраннику.

Матрос остался неподвижным, как столб, тупо и почтительно глядя перед собой.

— Со всем уважением, госпожа, но дверь останется запертой.

— Вы отдаете себе отчет, с кем говорите? Немедленно откройте — или я пожалуюсь капитану.

— Со всем уважением, госпожа, дверь останется

запертой. Приказ капитана.

Она бегом бросилась к каюте Рейсити, ворвавшись туда, словно торнадо, спрессованный до шестидесяти дюймов.

— Капитан!

— Слушаю вас, госпожа.

— Это вы отдали приказ не пускать меня к землянину и туземке?

— Я полагал, мы договорились, что вы будете встречаться с ними только в моем присутствии.

— Да, я помню. Но вы же сами видели, насколько они безобидны.

— Я видел, что они кажутся безобидными.

— В таком случае — я приказываю вам сопровождать меня прямо сейчас, — вскипела Сэмия.

— Не могу, госпожа. Ситуация изменилась.

— В каком смысле?

— Их желают допросить власти Сарка. Думаю, пленников следует оставить одних.

Челюсть у Сэмии отвисла от удивления, но девушка тут же постаралась вернуть лицу достойное выражение.

— Вы же не собираетесь сдать их Министерству по делам Флорины?

— Вообще-то, — замялся капитан, — именно так я и намеревался поступить. Они покинули

свой поселок без разрешения. Не говоря уже о том, что они покинули без разрешения планету и тайком проникли на саркский корабль.

— В последнем случае они просто ошиблись кораблем.

— Да ну?

— Так или иначе, их преступления были вам известны и до нашей беседы.

— Однако по ходу ее так называемый землянин рассказал много любопытного.

— Так называемый? Вы же сами подтвердили, что планета Земля существует.

— Я сказал: «Возможно, существует». Госпожа, могу я поинтересоваться, что бы вы хотели сделать с этими людьми?

— По-моему, историю землянина надо тщательно изучить. Он утверждает, что Флорине угрожает опасность, а некий саркский чиновник преднамеренно попытался скрыть информацию от властей. Думаю, это заинтересует моего отца. Да, я бы хотела отвезти землянина к моему отцу, когда наступит подходящее время.

— Какая проницательность!

— Это сарказм, капитан?

— Прошу прощения, госпожа, — Рейсити покраснел, — я имел в виду наших заключенных.

Не соблаговолите ли выслушать кое-какие мои развернутые рассуждения?

— Не знаю, что вы имеете в виду под «развернутыми рассуждениями», — сердито сказала она, — но можете начинать.

— Спасибо. Во-первых, госпожа, я надеюсь, вы не приуменьшаете важность беспорядков на Флорине?

— Каких беспорядков?

— Вы забыли о происшествии в библиотеке?

— Убитого патрульного, что ли? В самом деле, капитан!

— Утром был убит второй. И один туземец. Не в привычках туземцев убивать патрульных, а тут сразу два убийства, причем преступник до сих пор не найден. Действовал он в одиночку? Или это случайность? А может быть — часть заговора?

— Вы, судя по всему, убеждены в последнем.

— Совершенно верно. У убийцы было два сообщника. Их описание совпадает с приметами наших пленников.

— Быть того не может!

— Я не хотел пугать вас, госпожа. Однако я неоднократно говорил, что они могут быть опасны.

— Прекрасно. И что же из всего этого следует?

— Возможно, убийства на Флорине — отвлекающий маневр ради того, чтобы выманить патрульных из космопорта и позволить нашей парочке проникнуть на борт.

— Звучит довольно глупо.

— Разве? Почему они сбежали с Флорины? Мы их не спрашивали. Давайте предположим, что они бегут от патруля, — поскольку это наиболее логичная гипотеза. Побегут ли они на Сарк? Да еще на корабле, везущем вас, госпожа? Ко всему прочему, этот тип утверждает, что он — пространственный аналитик.

— А это тут с какого боку? — Сэмия нахмурилась.

— Год назад один пространственный аналитик пропал. История не предавалась огласке. Я в курсе, потому что был одним из тех, кто искал его корабль в ближнем космосе. Кто бы ни стоял за назревающими беспорядками на Флорине, он знает о пропаже аналитика, а уже один этот факт говорит о том, насколько серьезна и неожиданно эффективна их организация.

— Может быть, землянин не имеет отношения к исчезнувшему аналитику?

— Настоящего отношения, разумеется, нет, госпожа. Но утверждать, что между этими фак-

тами вообще нет связи, значило бы излишне полагаться на совпадения. Мы явно имеем дело с самозванцем. Вот почему он напирает на психозондирование.

— В каком смысле?

— Как мы можем доказать, что он не аналитик? Он не помнит подробностей жизни на Земле, кроме того, что планета радиоактивна. Он не может водить корабль. Он, очевидно, не знает азов пространственного анализа. И все это прикрывается психозондированием. Неужели вы не понимаете, госпожа?

Прямого ответа у Сэмии не было, оставалось только спросить:

— С какой же целью он этим занимается?

— Чтобы вы сделали именно то, что намеревались сделать, госпожа.

— Провела расследование?

— Нет, госпожа. Отвезли этого человека к вашему отцу.

— Зачем ему это?

— Тут имеется несколько вариантов. В лучшем случае этот тип начнет шпионить за вашим отцом для Флорины, или, что вероятнее, для Трантора. Старина Абель непременно опознает в нем землянина и примется настаивать на рас-

следовании обстоятельств психозондирования, чтобы уесть Сарк. А в худшем — этот Рик может убить вашего отца.

— Капитан!

— Госпожа?

— Это просто смешно!

— Может быть, госпожа. Даже если так, Министерство госбезопасности смеяться не собирается. Вы помните, что перед обедом я получил сообщение с Сарка?

— Да.

— Вот оно.

Сэмия взяла тонкую, полупрозрачную пленку с красным текстом. В сообщении говорилось: «У нас есть сведения, что на ваш корабль скрытно и незаконно проникли двое флоринианских туземцев. Арестуйте их немедленно. Один из них может заявить, что он — пространственный аналитик и не является туземцем Флорины. Не предпринимайте в этой связи никаких действий. Вы головой отвечаете за сохранность беглецов. Необходимо доставить их в госбезопасность. Совершенно секретно. Чрезвычайно срочно».

— Госбезопасность, — пробормотала ошеломленная Сэмия. — Министерство государственной безопасности.

— Не забудьте о приписке «Совершенно секретно», — добавил капитан. — Я вышел за пределы дозволенного, показав вам этот документ, но вы не оставили мне выбора.

— Что с ними будет? — спросила Сэмия.

— Не могу точно сказать. Хотя уверен, что человек, которого подозревают в шпионаже и подготовке убийства, легко не отделается. Вероятно, его байки воплотятся в реальность, и он на собственной шкуре испытает, что такое психозондирование.

Глава 12. Детектив

Четверо великих нобилей уставились на Файфа. Каждый — по-своему: Борт — со злобой, Рун — с изумлением, Балль — недовольно, а Стин — испуганно.

Первым заговорил Рун:

— Измена? Вы пытаетесь устрашить нас этим словом? На что вы намекаете? Кто-то предал вас? Борта? Меня? Кто и каким образом? Ради Сарка, Файф, эти совещания нарушают мой режим, мне пора спать.

— Последствия случившегося могут нарушить не только ваш режим. Говоря об измене, я имел в виду не нас с вами, Рун, а Сарк.

— Сарк? Что такое Сарк, если не мы? — заметил Борт.

— Хорошо, назовем его мифом, в который верят простые саркцы.

— Ничего не понимаю, — простонал Стин. — Вам бы только поддевать друг друга, господа. Право слово, пора с этим кончать.

— Поддерживаю, — сказал Балль, и Стин благодарно на него посмотрел.

— Я готов немедленно все объяснить, — сказал Файф. — Полагаю, вы уже слышали о недавних беспорядках на Флорине?

— Люди из госбезопасности докладывали мне о нескольких убитых патрульных. Вы об этом?

— Ради Сарка! — нетерпеливо перебил Борт. — Раз уж мы созвали совещание, давайте поговорим и об этом. Патрульных убили? Туда им и дорога! Говорите, кому-то проломили голову? Как можно позволить, чтобы туземец проломил тебе голову палкой? Почему не выстрелить прежде, чем дикарь приблизится на двадцать шагов? Я бы перетряхнул весь патруль от капитана до последнего рекрута и отправил всех тупиц драить палубы на кораблях. От беззаботной жизни на планете патруль обрюзг и заплыл жиром. Я предлагаю каждые пять лет вводить там военное положение и выжигать каленым железом всех бузотеров. Это присмирит туземцев и будет держать в тонусе патрульных.

— Вы закончили? — спросил Файф.

— Пока да. Но я еще подниму этот вопрос. Вам известно, как велики мои инвестиции во Флорину? Может, с вашей точки зрения, Файф, это и крохи, но для меня потеря таких сумм крайне болезненна.

Файф пожал плечами и повернулся к Стину:

— А вы слышали о беспорядках?

— Слышал, — тот вздрогнул. — В смысле только что услышал от вас…

— Разве вы не читали сводок госбезопасности?

— Ах, оставьте! — Стин вдруг очень заинтересовался своими длинными, заостренными ногтями, покрытыми изысканным медным лаком. — У меня нет времени читать все подряд. Вот уж не предполагал, что от меня это требуется. Нет, право слово, — он набрался смелости взглянуть Файфу в лицо, — я не рассчитывал, что вы будете диктовать мне условия. Не рассчитывал, да!

— Я ничего вам и не диктовал, — сказал Файф. — Но раз вы не знакомы с подробностями, позвольте кратко ввести вас в курс дела. Остальным, думаю, тоже не повредит.

Казалось, невозможно было подобрать достаточно емких слов, чтобы подвести краткий итог событиям последних двух суток. Сначала — неожиданный запрос на книги по пространственному анализу. Затем — престарелый патрульный получает палкой по голове и через два часа умирает от черепно-мозговой травмы. Начинается расследование, которое приводит прямиком в логово неприкасаемого шпиона

Трантора. На рассвете убивают еще одного патрульного, убийца переодевается в его форму, а несколько часов спустя погибает и шпион.

— Если вам нужны самые последние новости, — подвел итог Файф, — добавьте к перечню еще одну мелочь: несколько часов назад в городском парке Флорины было обнаружено тело — вернее, его останки.

— Чье тело? — спросил Рун.

— Потерпите секундочку, я не закончил. Рядом с телом лежала кучка пепла, наводившая на мысль о сожженной одежде. Оттуда были тщательно выбраны все металлические детали, однако анализ показал, что пепел остался от формы патрульного.

— Наш лжепатрульный? — предположил Балль.

— Вряд ли. Зачем его убивать и прятать?

— Самоубийство, — злобно произнес Борт. — Ублюдок понял, что не сможет долго ускользать из наших рук. Вот и предпочел покончить с собой. Что до меня, то я бы выяснил, кто из патрульных ответственен за самоубийство подозреваемого, и вручил бы виновным по бластеру с одним зарядом.

— Самоубийство, говорите? Маловероятно, —

возразил Файф. — Если человек покончил с жизнью, кто снял с него одежду, спалил ее и выбросил все пряжки с пуговицами? Или вы думаете, что он сначала разделся, потом сжег одежду, избавился от железяк и голышом — ну, или в одном белье — потопал обратно в пещеру, чтобы там умереть?

— То есть тело находилось в пещере? — уточнил Борт.

— Да, в одной из декоративных пещер парка.

— Тогда времени для уединения ему было не занимать, — воинственно сказал Борт, не любивший признавать свои ошибки. — Он мог содрать все пряжки, а уже…

— Вы когда-нибудь пытались оторвать пряжку от мундира патрульного? — насмешливо поинтересовался Файф. — Даже если предположить, что это труп лжепатрульного, каков мотив самоубийства? В любом случае у меня имеются результаты вскрытия. Скелет не принадлежит ни патрульному, ни флориниану. Это скелет саркца.

— Не может быть! — вскричал Стин.

Балль распахнул глаза, Рун — рот, и его блестящие металлические зубы на минуту добавили искры жизни в мутный куб, в котором он сидел. Даже Борта, похоже, проняло.

— Вы следите за моей мыслью? — спросил Файф. — Понятно теперь, почему серебряные детали были тщательно выбраны из пепла? Тот, кто убил саркца, хотел, чтобы золу приняли за одежду убитого, которую тот снял и сжег. Хотел, чтобы мы посчитали это либо самоубийством, либо убийством, но не связанным с лжепатрульным. Однако он не учел, что анализ золы позволит узнать, что именно сожгли, кырт или целлулит, из которого шьют униформу патрульных, — убирай пуговицы или нет. Сопоставив труп саркца и пепел от униформы, можно с уверенностью предположить, что по Верхнему городу бродит староста в одежде саркца. Наш туземец, поболтавшись в наряде патрульного, решил, что хватит с него опасностей, пора делать карьеру и становиться нобилем. А раздобыть одежду он мог только одним способом.

— Его поймали? — хрипло спросил Борт.

— Пока нет.

— Почему? О, Сарк, но почему?

— Его схватят, — равнодушно сказал Файф. — У нас же есть проблемы и поважнее. По сравнению с ними последнее злодеяние — сущая чепуха.

— Тогда к делу! — рявкнул Рун.

— Терпение. Прежде всего я хочу спросить,

помните ли вы о пропавшем год назад пространственном аналитике?

Стин хихикнул, а Борт с величайшим презрением процедил:

— Опять вы о нем?

— При чем здесь аналитик? — спросил Стин. — Вы о том шантаже? Ну, нет, с меня довольно, право слово.

— Беспорядки на Флорине начались с запроса книг по пространственному анализу. — Файф даже не пошевелился. — По-моему, связь очевидна. Давайте посмотрим, не смогу ли я убедить в этом и вас. Я опишу вам трех человек, замешанных в преступлении в библиотеке. Пожалуйста, не перебивайте меня. Первый — староста. Самый опасный из троицы. На Сарке у него была отменная репутация умного и верного подданного. Увы, он повернул свои способности против нас. Несомненно, именно он повинен в четырех убийствах. Парень идет на рекорд. Примечательно для туземца, учитывая, что на его совести два патрульных и уроженец Сарка. Он до сих пор не пойман. Соучастница — туземная женщина. Необразованна и малозначаща. Однако за последние сорок восемь часов мы тщательно изучили все аспекты данного дела, в том числе

и биографию туземки. Ее родители были членами «Души Кырта». Помните тот смехотворный крестьянский заговор, легко ликвидированный двадцать лет назад? И, наконец, третий, наиболее любопытный персонаж. На первый взгляд — деревенский дурачок с ткацкой фабрики.

Борт непроизвольно ахнул, Стин вновь пронзительно хихикнул. Глаза Балля остались закрытыми, а Рун неподвижно сидел в темноте.

— Слово «дурачок» я использовал отнюдь не в переносном смысле, — продолжил Файф. — Безопасники землю носом роют, но его история прослеживается лишь за последние десять с половиной месяцев. Безумца обнаружили в деревне неподалеку от города. Он не умел ни ходить, ни говорить. Даже есть самостоятельно не мог. Обратите внимание, что его первое появление произошло через несколько недель после исчезновения пространственного аналитика, а также на то, что за какие-нибудь месяцы дурачок научился говорить и даже работать на кыртопрядильне. Какой идиот смог бы так быстро всему обучиться?

— Вообще-то, — встрял Стин, — если глубоко психозондировать человека, все можно устроить так, что… — Он осекся и замолчал.

— Сложно найти кого-то более сведущего в данном вопросе, — сардонически усмехнулся Файф, — однако я и без экспертного мнения Стина пришел к аналогичному заключению. Это — единственное объяснение. Психозондирование могли провести либо на Сарке, либо в Верхнем городе на Флорине. Мы скрупулезно проверили все клиники Верхнего города и не нашли ни одной улики незаконной операции. Тогда один из агентов решил просмотреть записи врачей, умерших после обнаружения дурачка. Я собираюсь лично проследить, чтобы этот агент получил повышение за свою идею. Мы обнаружили запись о нашем идиоте. Полгода назад его привезла на обследование крестьянка, та самая, вторая из нашего трио. Привезла, по-видимому, втайне, поскольку отпросилась с работы под совершенно иным предлогом. Врач осмотрел дурака и сразу обнаружил признаки психозондирования.

Файф обвел глазами собеседников и продолжил:

— И тут мы подходим к интересному моменту. Врач держал кабинет как в Нижнем городе, так и в Верхнем. Был из тех идеалистов, что считают, будто туземцы тоже заслуживают первоклассного медицинского обслуживания. Человек

педантичный, он оставлял истории болезней и наверху, и внизу, чтобы не ездить лишний раз туда-сюда на лифте. Из того же идеализма, полагаю, он не делил своих пациентов на саркцев и флориниан-цев. Тем не менее запись о нашем идиоте не была продублирована. Единственная из всех. Почему? Если по какой-то причине он решил не делать копию, то почему история болезни сохранилась в Верхнем городе? Почему не в Нижнем? В конце концов, пациент был флориниан-цем и привезен на прием флориниан-ской женщиной. Врач осматривал его в Нижнем городе. Все это содержится в истории болезни. Может быть только один ответ на загадку. Изначально запись имелась и там, и там, но в Нижнем городе она была уничтожена кем-то, кто не знал о наличии ее копии в кабинете Верхнего. Перейдем к следующему вопросу. В протоколе осмотра идиота имеется пункт, что сведения об этом случае будут включены в очередной доклад для Министерства госбезопасности. И совершенно правильно. Любой случай психозондирования может оказаться связан с преступлением или даже с подрывной деятельностью. Доклад так и не был сделан. Через неделю доктор погиб в дорожно-транспортном происшествии. Не многовато ли совпадений, как

считаете, господа?

Балль приоткрыл глаза и произнес:

— Ваш рассказ смахивает на детективный триллер.

— В точку! — довольно воскликнул Файф. — Настоящий детективный триллер, а я — хитроумный детектив.

— А обвиняемый кто? — свистящим шепотом спросил Балль.

— Пока никто. Позвольте мне еще немного поиграть в детектива.

Несмотря на то что Файф полагал происходящее опаснейшим кризисом, с которым когда-либо сталкивался Сарк, он обнаружил, что ему чрезвычайно нравится эта игра.

— Давайте попробуем подойти к истории с другого конца, — предложил он. — Забудем ненадолго о деревенском дурачке и вспомним о пространственном аналитике. Впервые он появился в этой истории, когда прислал нашим транспортникам запрос на посадку своего корабля. Ранее он отправил сообщение в МПБ. Корабль аналитика так и не приземлился. В ближайшем космосе его нет. Кроме того, исчезает сообщение, адресованное транспортникам. МПБ обвиняет Сарк в намеренном сокрытии. Безопасники пред-

полагают, что сообщение было фальшивкой, состряпанной в пропагандистских целях. Теперь я думаю, что обе гипотезы ошибочны. Сообщение приходило, но скрыто оно не властями Сарка. Давайте представим, что некто, назовем его Икс, получает доступ к записям транспортников, узнает об аналитике и его сообщении. Икс умен и быстр. Он отправляет аналитику секретную суб-эфирограмму, после чего сажает его корабль на каком-нибудь небольшом частном космодроме, где и встречает ученого. Сообщение аналитика о конце света Икс захватывает с собой. Для этого у него могут быть две причины. Во-первых, он уничтожает улику, чтобы запутать возможное расследование; во-вторых, завоевывает доверие свихнувшегося аналитика. Если аналитик считал, что может откровенно говорить лишь со своим начальством, он вполне мог довериться Иксу, поскольку тот уже знал суть истории. Несомненно, аналитик заговорил. Какими бы бессвязными, безумными и даже невероятными ни были его речи, Икс углядел в них превосходный рычаг для давления. Он отправляет подметные письма великим нобилям, то есть нам. Вероятно, в то время планы Икса были аналогичны тем, которые я приписывал Трантору: если мы с ним не

приходим к соглашению, он распускает слухи о катастрофе и мешает производству кырта, чтобы заставить нас сдаться. И тут он допустил первый просчет. Его что-то напугало. Но об этом позже.

Файф перевел дух, после чего продолжил:

— Во всяком случае Икс решил подождать. Однако ожидание было чревато одним осложнением. Икс не поверил аналитику, однако сам аналитик был, разумеется, искренен в своем безумии. Икс должен был организовать дело так, чтобы тот спокойно дожидался обещанного «конца света». Сам ученый, конечно, сидеть сложа руки не стал бы. Нужно было как-то вывести сумасшедшего из строя. Икс мог бы убить аналитика, но я уверен, что тот нужен был ему для получения дополнительной информации. В конце концов, сам он ничего не понимает в пространственном анализе, а строить убедительный шантаж на полном блефе затруднительно. Может быть, в случае полного провала Икс намеревался использовать аналитика в качестве заложника. В общем, он выбрал психозонд. После зондирования у Икса на руках оказался уже не пространственный аналитик, а бесполезный идиот, который некоторое время не представлял угрозы, хотя рано или поздно его мозг должен

был восстановиться. Что же дальше? Икс не хотел, чтобы в ближайший год аналитика кто-нибудь обнаружил, чтобы тот попался на глаза серьезным людям даже в качестве идиота. Икс действует просто и изящно. Он отвозит того на Флорину, где пространственный аналитик почти год работает на кыртопрядильне, а окружающие считают его полубезумным туземцем. Полагаю, в течение этого года Икс или кто-то из его доверенных посещал поселок, куда был подброшен аналитик. Надо же было убедиться, что парень жив и более-менее здоров. В один из таких визитов Икс узнает, что несчастного возили к доктору, который с первого взгляда опознал признаки психозондирования. Врач погибает, а история болезни исчезает — правда, лишь из кабинета в Нижнем городе. Это стало первой ошибкой Икса. Ему и в голову не приходила мысль о наличии копии в Верхнем городе. И тут он допускает второй просчет. Идиот начал слишком быстро приходить в себя, и поселковый староста оказался достаточно сообразительным, чтобы разглядеть нечто значительное за бессмысленным бредом. Вероятно, девушка, заботившаяся о дурачке, поделилась со старостой выводами врача насчет психозондирования, но это уже чистая дедукция.

Все, конец истории.

Файф сцепил сильные руки и стал ждать.

Первым отреагировал Рун. Несколько секунд назад в его кубе зажегся свет, и теперь нобиль сидел, щурясь и улыбаясь.

— Ну и скучный же детектив вы нам поведали, Файф. Не включись у меня свет, я бы уснул.

— Насколько я могу судить, — медленно проговорил Балль, — вы, Файф, состряпали историю столь же фантастическую, что и прошлогодняя. Она на девять десятых состоит из домыслов.

— Сплошной вздор! — рявкнул Борт.

— А кто же Икс? — спросил Стин. — Если вы не знаете, кто он, все это, право слово, не имеет никакого смысла. — Он деликатно зевнул, прикрыв указательным пальцем мелкие белые зубки.

— Что же, хоть один из вас вник в суть дела, — сказал Файф. — Идентификация Икса — ключевой вопрос. Какими чертами характера должен обладать Икс, если моя теория верна? Прежде всего у него должны иметься контакты с госбезопасностью. Он имеет право использовать психозонд. Он считает себя способным на крупномасштабный шантаж. Может легко похитить пространственного аналитика с Сарка и увезти его на Флорину. Организовать там смерть врача.

Непростой человек, да-а, очень непростой. Пожалуй, такое под силу только великому нобилю. Вам не кажется, господа?

Борт вскочил. Его голова исчезла, затем он вновь опустился в кресло. Стин разразился лающим, истерическим хохотом. Утонувшие в толстых щеках глаза Руна яростно блеснули. Балль задумчиво покачал головой.

— Ради святого космоса! — возопил Борт. — Кого конкретно вы обвиняете?

— Пока никого. — Файф остался невозмутим. — Однако посудите сами. Здесь только мы пятеро. Никому другому на Сарке не под силу сделать то, что сделал Икс. Никому, кроме нас. Это можно принять за аксиому. Остается вопрос: кто из нас Икс? Сразу заявляю, что это не я.

— И мы должны поверить вам на слово, да? — усмехнулся Рун.

— Нет, не должны, — парировал Файф. — Но я единственный, у кого нет мотива. Икс стремится взять под контроль производство кырта, а мне и так принадлежит основная его доля. Я владею третью плантаций Флорины. Моих ткацких фабрик и грузовых космических кораблей вполне хватит, чтобы при желании вытеснить любого из вас с рынка безо всякого изощренного шантажа.

Остальные четверо разом загомонили, и Файфу пришлось повысить голос:

— Послушайте же! У каждого из вас есть мотив. Рун — владелец самого маленького материка и самого скромного холдинга. И вам это не по нраву, Рун, не притворяйтесь, я знаю, что прав. У Балля — древняя родословная, во время о́но его семья управляла всем Сарком. Вероятно, Балль об этом не забыл. Борт недоволен, что на совещаниях вечно остается в меньшинстве и не может на своих территориях вести политику «кнута и бластера», как ему мечтается. У Стина большие запросы, а финансы, скажем так, поют романсы. Нужда в средствах — жестокая пытка. Вот как обстоят дела. Побудительные мотивы: зависть, тщеславие, жажда власти, жажда денег. Так кто же из вас, господа, этот Икс?

— То есть вы не знаете? — в глазах Балля мелькнул злобный огонек.

— Знаю не знаю — это не важно. Не забудьте, я сказал, что нечто испугало Икса (я пока буду называть его Иксом). Знаете, что это было? Наше первое совещание, на котором я предложил выступить единым фронтом. Икс находился среди нас. Он понимал, что, объединись мы, его постигнет фиаско. Он рассчитывал победить, надеясь,

что непоколебимые традиции континентальной автономии помешают нам сплотиться. Увидев, что ошибся, Икс решил переждать, пока буря не уляжется, а потом попытаться вновь. Однако он не прав. Мы будем действовать сообща. Это единственный способ одержать верх, принимая во внимание, что Икс — один из нас. Итак, с континентальной автономией покончено. Теперь это непозволительная роскошь, иначе авантюра Икса нас разорит или окончится вмешательством Трантора. Лично я могу доверять лишь самому себе, поэтому именно я отныне возглавляю единый Сарк. Вы со мной?

Все вскочили. Борт потрясал кулаками, в уголках его губ выступила пена. Физически они ничем не могли ему повредить. Файф усмехнулся. Их разделяли целые континенты. Он мог спокойно сидеть за столом и наблюдать их ярость.

— У вас нет выбора, — сказал он. — За год, прошедший с того нашего совещания, я предпринял кое-какие шаги. Пока вы тут меня слушали, тараща глаза, верные мне офицеры захватили командование флотом.

— Измена! — взвыли они в один голос.

— Измена континентальной автономии, — парировал Файф, — и верность Сарку.

Стин нервно сплетал и расплетал пальцы, медные ногти были единственным живым пятном на фоне его кожи:

— Но этот Икс… Даже если он один из нас, остальные трое невиновны. Я — не Икс. — Он ядовитым взглядом обвел присутствующих. — Это кто-то из них.

— Невиновные, если пожелают, войдут в мое правительство. Терять им нечего.

— Вы не собираетесь раскрывать нам имя изменника! — завопил Борт. — Историей с Иксом вы собираетесь держать нас за… держать нас… — Он задохнулся от возмущения.

— Вовсе нет. Я узнаю, кто такой Икс, ровно через двадцать четыре часа. Узнаю и скажу вам. Пространственный аналитик, о котором мы столько говорили, находится в моих руках.

Все разом замолчали и принялись подозрительно переглядываться.

— Вы задаетесь вопросом, кто же из вас Икс, — усмехнулся Файф. — Не сомневайтесь, одному это точно известно. Через сутки узнаем и мы. И не забудьте, господа, теперь вы тоже у меня в руках. Военные корабли подчиняются мне. Доброго вам дня.

Он махнул рукой, отсылая их прочь.

Один за другим они исчезли из его кабинета, словно звезды, стертые с визира остовом разбитого космического корабля. Стин был последним.

— Файф… — произнес он дрожащим голосом.

— Да? — Файф поднял глаза. — Хотите во всем признаться наедине? Икс — это вы?

— Нет-нет. — Лицо Стина в ужасе перекосилось. — Право слово! Я просто хотел спросить. Вы это все серьезно? Ну, насчет автономии и прочего? Вы не шутили?

— Доброго вам дня, Стин, — сказал Файф, взглянув на старый хронометр.

Стин всхлипнул, щелкнул тумблером и исчез вслед за остальными.

Файф остался сидеть, неподвижный, как камень. Совещание закончилось, напряжение отступало, и наваливалось опустошение. Его безгубый рот выглядел раной на широком лице.

Все расчеты строились на том, что пространственный аналитик сошел с ума и никакого конца света не будет. Но вокруг этого психа слишком много возни. Неужели Юнц из МПБ потратил бы целый год на поиски ненормального? Неужели он с таким упорством гонялся бы за сказками?

Своими сомнениями Файф ни с кем не делился. Он не решался даже обдумать их как следует. Что,

если пространственный аналитик вовсе не был психом и над кыртом нависла угроза?

Перед Файфом возник секретарь-флоринианец и прошелестел:

— Сэр…

— В чем дело?

— Приземлился корабль вашей дочери.

— Пространственный аналитик и туземка не пострадали?

— Нет, сэр.

— Никто не должен разговаривать с ними в мое отсутствие. Держите их в изоляции, пока я не прибуду… Кстати, есть новости с Флорины?

— Да, сэр. Староста схвачен и скоро будет доставлен на Сарк.

Глава 13. Яхтсмен

Сумерки густели, но над космопортом ровным светом горели огни. Городская иллюминация не отличалась от той, которую можно было наблюдать каждый вечер. Тогда как во всех яхтенных космопортах Верхнего города всегда было светло, как днем. Разве что в полдень яркость огней возрастала еще больше.

Маркис Дженро мог заметить смену времени суток только по оставленным позади разноцветным ночным огням Города. Те полыхали на фоне чернеющего неба, однако затмить солнце никогда не пытались.

Дженро задержался на входе. На него не произвели впечатление пять стартовых шахт и гигантская подкова из трех десятков ангаров. Это было неотъемлемой частью его самого, его жизни опытного яхтсмена.

Дженро вытащил тонкую фиолетовую сигарету с гильзой из тончайшего серебристого кырта и небрежно сунул в рот. Прикрыл ладонями кончик, наблюдая, как с каждой затяжкой тот разгорается зеленоватым светом. Сигарета мед-

ленно истлевала, не оставляя пепла. Изумрудный дымок щекотал ноздри.

— Идем в штатном режиме, — пробормотал Дженро.

К нему торопливо, но пытаясь изображать вальяжность, двинулся член яхтенного комитета. В яхтенном костюме, разумеется. На единственной пуговице туники — изящная буковка, долженствующая свидетельствовать о принадлежности владельца к комитету яхтенного клуба.

— Привет, Дженро! А почему что-то должно идти не в штатном режиме?

— Привет, Дотти. Я опасался, что из-за всего этого тарарама какому-нибудь умнику взбредет в голову закрыть космопорт. Слава Сарку, этого не случилось.

— Но, знаешь ли, к этому все идет. — Дотти посуровел. — Слышал самые последние новости?

— А как ты отличаешь самые последние от просто последних? — засмеялся Дженро.

— Короче, ты уже слышал о том туземце-убийце?

— Хочешь сказать, его взяли? Нет, об этом я еще не слыхал.

— Никого они не взяли. Зато выяснили, что в Нижнем городе его нет.

— Нет? И где же он?

— Здесь! В Верхнем!

— Брось! — Дженро вытаращил было глаза, но тут же недоверчиво прищурился.

— Это чистая правда, — сказал Дотти немного обиженно. — Я своими глазами видел, как патрульные, высунув языки, носятся туда-сюда по Кыртовому проспекту. Парк окружен, а штаб у них на Центральном стадионе. Это чистая правда, говорю тебе.

— Ну, может быть. — Дженро рассеянно скользнул взглядом по рядам яхт в ангарах. — Я не был в «9» уже месяца два. Не появились новые корабли?

— Нет. То есть да, есть же «Огненная стрела» Хьердесса.

— Эту я видел. — Дженро покачал головой. — Хромированное корыто. Чем дальше, тем больше я склоняюсь к мысли, что придется проектировать корабль самому.

— Хочешь продать «Комету-V»?

— Продать, подарить, выбросить на свалку… Ненавижу современные модели. Сплошная автоматика. Автоматические реле и компьютерная трассировка убивают спорт.

— Да, многие так говорят, — кивнул Дот-

ти. — Знаешь что? Если услышу, что кто-нибудь продает старую яхту в хорошем состоянии, я тебе маякну.

— Спасибо. Не возражаешь, если я прошвырнусь по ангарам?

— Нет, конечно. Ходи сколько влезет. — Дотти махнул рукой и зарысил прочь.

Дженро медленно двинулся по кругу, останавливаясь у каждого занятого ангара и придирчиво оценивая яхты. Полупогасшая сигарета свисала из уголка рта. Подойдя к ангару номер 26, он резко остановился, перегнулся через невысокий барьер и позвал:

— Сэр!

Позвал достаточно вежливо, однако, подождав немного, вынужден был повторить вновь, уже более требовательно и менее любезно.

Нобиль, вышедший на его зов, выглядел довольно помятым. Без яхтенного костюма, на физиономии — щетина, отталкивающего вида колпак уродливо натянут на самые уши, прикрывая чуть ли не пол-лица. Во всей позе — какая-то нетипичная подозрительная осторожность.

— Я — Маркис Дженро. Это ваше судно, сэр?

— Да, мое, — напряженным голосом ответил странный нобиль.

Дженро уже не обращал на него внимания, пристально разглядывая обводы яхты. Он вытащил окурок изо рта и подбросил высоко в воздух. Тот вспыхнул и исчез, не достигнув высшей точки дуги.

— Вы позволите? — спросил Дженро.

Хозяин опять замялся, потом отошел в сторону, пропуская его в ангар.

— Какие движки у вашей яхты, сэр?

— Почему вы спрашиваете?

Дженро был высоким, на полголовы выше собеседника, темнокожим, кареглазым, с жесткими, коротко стриженными волосами. Он улыбнулся, показав белые, редкие зубы:

— Если начистоту, я подыскиваю себе новый корабль.

— И хотите купить этот?

— Не знаю. Что-нибудь наподобие, если сойдусь с хозяином в цене. Вы не против, если я осмотрю систему управления и двигатели?

Нобиль промолчал.

— Ну, как вам угодно, сэр, — холодно произнес Дженро и двинулся к выходу.

— Пожалуй, я могу вам ее продать, — вдруг сказал нобиль и принялся рыться по карманам. — Вот мои водительские права!

Дженро опытным взглядом пробежался по карточке и вернул хозяину.

— Вы Даэмон?

— Да, — кивнул нобиль. — Можете осмотреть яхту, если хотите.

Дженро глянул на большой портовый хронометр, светящиеся стрелки которого выделялись даже на фоне яркой иллюминации. Пошел второй час после заката.

— Благодарю. Вы меня проводите?

Нобиль опять порылся в карманах, извлек набор ленточных ключей и протянул их Дженро:

— После вас, сэр.

Дженро перебрал ключи, ища код, соответствующий «клейму» корабля. Нобиль не делал ни малейшей попытки ему помочь.

— Этот, да? — наконец спросил Дженро, поднялся по короткому трапу к шлюзу и оглядел правую часть, ища щель замка. — Я не вижу… А, вот она. — Дженро шагнул влево.

Шлюз медленно и бесшумно раскрылся, Дженро шагнул в темноту. Автоматически вспыхнул красный свет, дверь за ними закрылась. Открылась внутренняя дверь. Они вошли, и загорелся нормальный белый свет.

У Мирлина Тиренса не было выбора. Он уже

забыл, что существует такая вещь, как выбор. Три невыносимо долгих часа бывший староста беспомощно проторчал около яхты Даэмона, не зная, что делать дальше. Он зашел в тупик, оставалось лишь ждать, когда его схватят.

И тут является парень, желающий осмотреть яхту. Разговаривать с ним было полным безумием. Вблизи Тиренс никого не мог обмануть. Однако и оставаться в ангаре тоже было нельзя. В корабле, по крайней мере, могла найтись еда. Странно, что это не пришло ему в голову раньше.

Еда действительно была.

— Время идет к ужину, — сказал Тиренс. — Не желаете перекусить?

— Благодарю, может быть, позже. — Яхтсмен едва взглянул на него через плечо.

Тиренс не стал настаивать. Он позволил парню сколько угодно осматривать корабль, а сам набросился на мясные консервы и нетерпеливо, хищно разрывая целлулитовые упаковки, жадно напился. В конце коридора, неподалеку от камбуза, обнаружился душ. Тиренс выкупался. Каким наслаждением было хоть ненадолго стянуть с головы тесный колпак. Нашелся даже одежный шкафчик, так что Тиренс смог переодеться.

Когда Дженро вернулся, староста чувствовал себя гораздо увереннее.

— Послушайте, вы не возражаете, если я попробую прокатиться на вашей яхте?

— Совершенно не возражаю. А вы умеете водить эту модель? — беспечным тоном поинтересовался Тиренс.

— Думаю, да. — Парень скупо улыбнулся. — Льщу себе надеждой, что умею летать на всех стандартных моделях. Я позволил себе связаться с диспетчером, у них есть свободная стартовая шахта. Вот мои права, убедитесь, что они в порядке.

Тиренс бросил на карточку такой же беглый взгляд, как и Дженро на его собственную.

— Штурвал ваш, — просто сказал он.

Корабль неторопливо, словно крылатый кит, выкатился из ангара. Его диамагнитный корпус пробороздил гладкую глинистую почву поля на три дюйма.

Тиренс внимательно следил за тем, как Дженро отточенными движениями управляет яхтой. Она будто ожила от его прикосновений. При малейшем воздействии картинка на экране визира менялась.

Корабль остановился точно против взлет-

ной шахты. Сила диамагнитного поля плавно возросла, и нос яхты приподнялся. Кабина пилота повернулась на универсальном шарнире в соответствии с меняющимся вектором гравитации, о чем Тиренс, к счастью для него, даже не подозревал. Кормовые фланцы легко вошли в соответствующие пазы шахты. Величественный корабль встал прямо, словно стрела, указывающая в небо.

Дюралитовая крышка стартовой шахты уехала в выемку. Обнажилось нейтрализованное покрытие трубы, уходящей вниз на сто ярдов, которое должно было принять на себя первую энергетическую атаку гиператомных двигателей.

Дженро обменялся с диспетчерской какими-то непонятными Тиренсу словами, потом сказал:

— Десять секунд до взлета.

Красная нить поползла по кварцевой трубке, отсчитывая секунды. Когда она добралась до верхней отметки, первый импульс энергии ударил с кормы.

Тиренс отяжелел, его вдавило в кресло. Он почувствовал подступающую панику.

— Ну, и как она в управлении? — прохрипел он.

Дженро, похоже, немного уменьшил ускорение

и сказал:

— Неплоха.

При этом тембр его голоса почти не изменился.

Тиренс откинулся на спинку кресла, постаравшись расслабиться и глядя, как звезды на экране визира приближаются, становятся ярче и четче, а атмосфера редеет. Его кыртовая рубашка сделалась холодной и влажной от пота.

Они были в космосе. Дженро испытывал яхту в работе. Тиренс догадался об этом по тому, как мелькают звезды на экране, а длинные, тонкие пальцы яхтсмена пробегают по кнопкам системы управления, словно по клавишам музыкального инструмента. И вот экран почти заполнила оранжевая «долька» планеты.

— Действительно, совсем неплохо, — повторил Дженро. — Даэмон, вы поддерживаете яхту в отличном состоянии. Кораблик, конечно, небольшой, но свои плюсы у него есть.

— Полагаю, вы захотите проверить его скорость и прыгучесть, — осторожно предположил Тиренс. — С моей стороны возражений не будет.

— Прекрасно, — кивнул Дженро. — Куда бы нам только отправиться? Может… — он на секунду задумался, — на Сарк?

Тиренс задышал чаще. Он ждал этого предложения. Еще чуть-чуть — и он поверит, что попал в мир волшебства. События сами вели вперед, безо всякого усилия с его стороны. Или это не события, а судьба? В детстве он верил, что нобили пестуют глупых туземцев, а детские суеверия трудно перерасти. На Сарке находился Рик, к которому возвращаются его воспоминания. Возможно, игра еще не закончена.

— Почему бы и нет? — охотно поддержал Тиренс.

— Да будет Сарк!

Со все возрастающей скоростью Флорина начала удаляться, и на экран вернулись звезды.

— Каков ваш личный рекорд на трассе Флорина — Сарк? — поинтересовался Дженро.

— Ничего выдающегося. Я — середнячок.

— Но ведь не больше шести часов?

— При удачных обстоятельствах.

— Спорим, я покрою эту дистанцию за пять?

— Вперед!

Им потребовалось немало времени, чтобы удалиться от искажающей ткань пространства звездной массы и совершить прыжок.

Глаза у Тиренса слипались. Он не спал уже третью ночь подряд. На недосып накладывалось

напряжение последних дней.

— Почему бы вам не поспать? — Дженро искоса посмотрел на него.

— Ничего, я в порядке. — Тиренс с трудом придал своему лицу бодрое выражение.

Потом широко зевнул и смущенно улыбнулся. Яхтсмен вернулся к управлению, а глаза Тиренса вновь остекленели.

Кресло было преудобнейшим, ведь оно должно было смягчить последствия ускорения. Даже не слишком уставший человек мог задремать, уютно устроившись здесь, и Тиренс, способный сейчас уснуть даже на битом стекле, сам не заметил, как провалился в сон.

Впервые в жизни он спал так глубоко, долго и без сновидений.

Он даже не шевельнулся и продолжал ровно дышать, когда с него стянули колпак.

Просыпался он медленно и мучительно. Несколько долгих минут не мог сообразить, где находится. Померещилось, что у себя дома. Постепенно воспоминания о событиях последних дней вернулись, он улыбнулся Дженро, сидевшему в кресле пилота, и пробормотал:

— Кажется, я задремал.

— Было дело. А вот и Сарк. — Дженро кивнул на

экран, где виднелась восходящая белая планета.

— Когда приземлимся?

— Примерно через час.

Он уже окончательно проснулся и заметил легкое изменение в голосе яхтсмена. Тиренса бросило в жар, когда Дженро направил на него серо-стальной ствол игольчатого пистолета.

— Ради святого космоса… — начал он, поднимаясь на ноги.

— Сидеть, — спокойно приказал Дженро, сжимая в другой руке колпак.

Тиренс машинально схватился за свои светлые волосы.

— Да, — кивнул Дженро, — это очевидно. Ты — туземец.

Тиренс молча смотрел на пилота.

— Я понял, кто ты такой, еще до того, как взошел на корабль бедняги Даэмона.

Во рту у Тиренса пересохло, в глаза словно сыпанули песку. Он не мог отвести взгляда от тонкого ствола, ожидая внезапной бесшумной вспышки. Продвинуться так далеко — и все-таки проиграть…

Дженро, похоже, никуда не торопился. Твердо держа пистолет, он ровным и жестким тоном произнес:

— Твоя главная ошибка, староста, в том, что ты решил, будто можешь вечно бегать от полиции. Но даже и в этом случае не следовало убивать несчастного Даэмона. Крайне неудачный выбор.

— Я его не выбирал, — прохрипел Тиренс.

— Что же, тогда назовем это везеньем. Двенадцать часов назад Альстар Даэмон собирался встретиться в парке со своей женой. Место было назначено из чисто сентиментальных побуждений. Именно там они в свое время познакомились — и посещали парк каждую годовщину свадьбы. На первый взгляд ничего такого, своего рода ритуал, принятый среди молодоженов, однако ритуал — крайне важный для них самих. Разумеется, Даэмон не подозревал, что именно относительная малолюдность местечка превратила его в потенциальную жертву убийцы. Кто бы подумал, что такое возможно в Верхнем городе? При иных обстоятельствах труп мог пролежать в пещере несколько дней. Однако жена Даэмона появилась на месте преступления почти сразу и, не обнаружив мужа, очень удивилась. Не в его привычках было рассердиться и уйти. Она частенько опаздывала, и он более или менее притерпелся к непунктуальности жены. Тогда она решила, что он зашел в «их» грот. Даэмон, естественно, ждал

жену напротив памятной обоим пещеры. Она же оказалась ближайшей к месту преступления: туда его и затащил убийца. Жена, в свою очередь, вошла в пещеру и… Ну, ты и сам знаешь, что она там обнаружила. Несмотря на шок и истерику, женщина сумела добраться до местного отделения госбезопасности, и те передали сведения патрульным. Староста, что ты почувствовал, хладнокровно убив человека и бросив труп там, где его обнаружила жена, пришедшая в полное приятных воспоминаний местечко?

Тиренс поперхнулся. Глаза ему застилал кровавый туман ярости и отчаяния:

— Вы, саркцы, убили миллионы флориниан-цев! Женщин, детей… Вы наживаетесь на нас. Эта яхта… — Он задохнулся от гнева.

— Даэмон в этом не был виноват, мироустройство сложилось еще до его рождения. Хочешь сказать, что, если бы родился саркцем, раздал бы свое состояние и отправился работать на кыртовые поля?

— Тогда стреляй, — выкрикнул Тиренс, и его лицо перекосилось. — Чего ты ждешь?

— Не будем спешить. У меня еще есть время рассказать тебе всю историю. Мы не могли с точностью идентифицировать труп и убийцу,

однако шансы, что убитый является Даэмоном, а убийца — ты, были велики. Обнаружив рядом с телом золу от формы патрульного, мы поняли, что ты переоделся нобилем. Напрашивался вывод, что ты попытаешься завладеть яхтой Даэмона. Не преувеличивай нашу тупость, староста. Дело по-прежнему оставалось мутным, ты же находился в отчаянном положении. Недостаточно было просто напасть на твой след. Ты был вооружен и, загони мы тебя в угол, несомненно, покончил бы с собой. А твое самоубийство не входило в наши планы. Ты нужен властям Сарка живым. Крайне деликатное дело. Я смог убедить товарищей, что справлюсь с тобой в одиночку и тихо-мирно доставлю на Сарк. Ты должен признать, что мне это удалось. Честно говоря, сначала я даже усомнился, тот ли передо мной человек, который нам нужен. Ты расхаживал по ангару яхтклуба в обычном деловом костюме, а это — дикая безвкусица. Никто, включая меня, не представляет, чтобы яхтсмен явился на взлетное поле без подобающего наряда. Я даже заподозрил, что тебя отправили в космопорт в качестве приманки. Что ты дашь себя арестовать, позволив истинному убийце скрыться. Тогда я решил тебя испытать. Сначала сделал вид, что ищу замочную

скважину справа. Запомни, на всех до единого кораблях замочная скважина располагается слева, и только слева, от шлюза. Ты не отреагировал на мою «ошибку». И это не все. Когда я спросил, преодолевал ли ты расстояние от Флорины до Сарка меньше чем за шесть часов, ты ответил, что случалось при благоприятных обстоятельствах. Невероятно! Рекорд трассы — свыше девяти часов. Я сделал вывод, что никакая ты не приманка. Твое невежество говорило само за себя. Я больше не сомневался: передо мной тот, кто нужен. Оставалось только подождать, пока ты уснешь (по твоей физиономии было видно, что ты отчаянно нуждаешься в сне), обезоружить и вооружиться самому. Колпак с твоей головы я снял скорее из любопытства. Хотел полюбоваться, как саркская одежда сочетается с твоей соломенной башкой.

Тиренс не сводил глаз с нейрохлыста. Вероятно, Дженро заметил, как сжались его челюсти, или просто догадался, о чем тот думает.

— Если ты на меня нападешь, я не стану тебя убивать. Не имею права даже в целях самозащиты. Но не рассчитывай извлечь из этого пользу. Только дернись, и я прострелю тебе ногу.

Силы покинули Тиренса. Обхватив руками голову, он рухнул в кресло.

— Знаешь, зачем я все это тебе говорю? — тихо продолжил Дженро.

Тиренс промолчал.

— Прежде всего мне нравится смотреть, как ты страдаешь. Я терпеть не могу убийц вообще, а туземцев, убивающих саркцев, — в особенности. Мне приказали доставить тебя живым, но это не значит, что путешествие должно тебе понравиться. А во-вторых, ты должен ознакомиться с ситуацией, потому что, когда мы приземлимся на Сарке, дальше дело будет за тобой.

— Что? — Тиренс поднял взгляд.

— Безопасники знают, что мы скоро прилетим. Даже не сомневайся, их региональный отдел отправил сообщение на Сарк, едва наш корабль покинул атмосферу Флорины. Но, как я уже сказал, для меня было жизненно важно убедить органы, что я справлюсь с делом в одиночку. И поскольку у меня получилось, это все меняет.

— Ничего не понимаю, — тоскливо пробормотал Тиренс.

— Я сказал, что тебя желают видеть на Сарке, — холодно ответил Дженро. — Однако в данном случае речь не о госбезопасности, а о Транторе.

Глава 14. Перебежчик

Селим Юнц никогда не был флегматиком[2], и год бесплодных поисков его нрав не улучшил. Он не мог спокойно сидеть и потягивать вино, когда в его душе все клокотало. Одним словом, он отнюдь не был Людиганом Абелем.

Выслушав вопли Юнца насчет того, что Сарку ни в коем случае нельзя спускать похищение и арест сотрудника МПБ, сколько бы шпионов Трантора ни было замешано в деле, Абель невозмутимо сказал:

— Думаю, вам лучше переночевать здесь, профессор.

— Я сам решу, что для меня лучше, — ледяным тоном возразил Юнц.

— Не сомневаюсь, дружище, не сомневаюсь. Тем не менее, если Сарк настолько осмелел, что поднимает бластеры на моих людей, существует немалая вероятность и вам попасть в переделку. Давайте переждем эту ночь у меня, а там посмот-

---

[2] Примечания: 2

Флегматик — медлительный, уравновешенный, невозмутимый — согласно классификации темперамента по Гиппократу и Галену (Прим. ред.).

рим, что нам приготовил грядущий день.

Сколько Юнц ни горячился, призывая к немедленным действиям, это ни к чему не привело. Абель оставался таким же бесстрастным, почти безразличным, вдобавок его внезапно одолела тугоухость. С твердой учтивостью Юнца препроводили в отведенные ему покои.

Лежа на кровати, профессор таращился в слегка светящийся потолок, украшенный фреской (средненькая копия «Битвы у арктурианских лун» Ленгадена), зная, что не заснет. Затем его нос уловил слабый запах газа. «Сомнин!» — успел подумать Юнц и тут же провалился в сон. За те пять минут, что вытяжка очищала воздух от паров, профессор надышался достаточно, чтобы получить восемь часов здорового сна.

Юнц проснулся в холодном рассветном сумраке. Перед ним стоял Абель.

— Сколько времени?

— Шесть.

— Великий космос! — Профессор огляделся и выпростал мосластые ноги из-под простыни. — Вы — ранняя пташка.

— Я вовсе не спал.

— Не спали?

— И скоро об этом пожалею. Увы, мой орга-

низм реагирует на антисомнин уже не так, как в юности.

— Минуточку, с вашего позволения, — пробормотал Юнц.

Его сборы если и заняли больше «минуточки», то ненамного. Профессор вернулся в комнату, затягивая пояс на тунике и поправляя магнитный шов.

— Ну? — нетерпеливо спросил Юнц. — Сомневаюсь, что вы бодрствовали всю ночь и разбудили меня в такую рань просто так.

— Верно, верно. — Абель присел на край кровати и, запрокинув голову, рассмеялся.

Смех у посла оказался высоким, но сдержанным. Крепкие, слегка желтоватые пластиковые зубы контрастировали с дряблыми деснами.

— Ох, прошу прощения, Юнц, — отсмеявшись, сказал Абель, — я сегодня немного не в себе. Голова кружится после вынужденного бодрствования. Всерьез подумываю, не подать ли в отставку. Пора Трантору сменить меня на кого-нибудь помоложе.

— Неужели выяснилось, что нашего аналитика у саркцев нет? — спросил Юнц саркастическим тоном, хотя и не без затаенной надежды.

— Как ни жаль, аналитик у них. Мое веселье вы-

звал тот факт, что наша сеть все-таки сработала.

У Юнца готово было сорваться с губ: «В гробу я видал вашу сеть!» — но он сдержался.

— Несомненно, — продолжил Абель, — они знали, что Хоров — мой агент. Могут знать и о других на Флорине, но те — мелкие сошки. Поэтому саркцы их не трогают, только держат под наблюдением.

— Одного они убили, — заметил Юнц.

— Не они, — возразил Абель. — Его убил товарищ вашего аналитика, завладевший формой и бластером патрульного.

— Ничего не понимаю, — уставился на посла Юнц.

— Запутанная история. Кстати, не позавтракаете со мной? Я очень проголодался.

За кофе Абель рассказал Юнцу, что произошло в последние тридцать шесть часов. Профессор в ошеломлении отставил в сторону недопитую чашку и больше к кофе не притронулся.

— Даже если допустить, что они выбрали для побега именно этот корабль, их могут и не обнаружить, — сказал он. — Выслав навстречу кораблю своих людей, вы…

— Вздор. Сами знаете, что на современном корабле быстро обнаружат избыточное тепло,

выделяемое человеческими телами.

— Всегда можно что-нибудь упустить. Техника безупречна, люди — нет.

— Выдаете желаемое за действительное. Послушайте, Юнц. В то время как корабль с аналитиком приближается к Сарку, мне пришло донесение из надежнейшего источника, что Файф собрал великих нобилей на совещание. Их межконтинентальные встречи столь же редки, сколь столкновение звезд в галактике. Совпадение?

— Совещаются по поводу пространственного аналитика?

— Сам по себе этот человек ничего не значит. Важным его сделали мы с вами. Ведь МПБ упорно разыскивало его почти год.

— Не МПБ, — буркнул Юнц, — а я. Я работал практически неофициально.

— Нобили об этом не знают, и даже скажи вы им — не поверят. Да и Трантор проявлял к нему интерес.

— По моей просьбе.

— Опять же — не знают и не поверят.

Юнц поднялся, его кресло автоматически отъехало назад. Сцепив руки за спиной, профессор принялся ходить туда-сюда по ковру. Вперед-назад, вперед-назад… Иногда он сердито

посматривал на Абеля. Тот спокойно налил себе вторую чашку кофе.

— Откуда вам все это известно? — спросил, наконец, Юнц.

— Что «все»?

— Ну, все. Как и когда был похищен аналитик. Каким образом староста избегал ареста. Или вы нарочно решили сбить меня с толку?

— Юнц, дорогой мой…

— Вы признались, что ваши люди втайне от меня следили за аналитиком. Позаботились о том, чтобы вчера вечером аккуратненько устранить меня с пути. Вы ничего не оставляете на волю случая. — Юнц внезапно припомнил запах сомнина.

— Профессор, я всю ночь провел в переговорах со своими агентами. Мои дела и полученные мною сведения относятся, скажем так, к секретным материалам. Я должен был не только убрать вас с пути, но и сберечь вам жизнь. Все, о чем я рассказал, я узнал от своих агентов.

— Чтобы узнать такие подробности, вам требуются агенты в самом правительстве Сарка.

— Естественно.

— Шутите? — Юнц резко повернулся к Абелю.

— Удивлены? Да, стабильность правительства

Сарка и верность их подданных вошли в поговорку. Все просто: беднейший уроженец Сарка — аристократ по сравнению с флориниацем и причисляет себя, зачастую ошибочно, к правящему классу. А ведь Сарк — отнюдь не планета миллиардеров, как мнится многим. Вы наверняка убедились в этом, прожив здесь почти год. Уровень жизни восьмидесяти процентов населения сопоставим со среднегалактическим и ненамного превышает уровень жизни на Флорине. Всегда найдутся люди, недовольные тем, что основной кусок пирога достается крошечной части народа, купающейся в роскоши. Такие-то недовольные и подходят для моих целей. Главная слабость саркского правительства в том, что они веками связывали повстанческие настроения лишь с Флориной и забывали оглядываться вокруг.

— Но эти саркцы, пусть даже они существуют, — бесполезная мелочовка.

— Каждый по отдельности — да. Взятые же в совокупности, они становятся прекрасным инструментом в умелых руках. Среди них имеются даже члены истинного правящего класса, хорошо выучившие уроки последних двух столетий. Они убеждены, что рано или поздно Трантор будет править галактикой, и с ними трудно не согла-

ситься. Они полагают, что владычество Трантора установится еще при их жизни, и стремятся заранее встать на сторону победителя.

— Судя по вашим словам, межзвездная политика — грязная игра, — поморщился Юнц.

— Так и есть. Но как ни криви нос при виде грязи, она от этого не исчезнет. К тому же далеко не все грани политики — откровенная грязь. Вспомните об идеалистах. О тех немногих из правительства Сарка, кто служит Трантору не за деньги или обещания власти, но за искреннюю веру в то, что объединенное галактическое правительство лучше соответствует устремлениям человечества и что лишь Трантор может его создать. Есть у меня один такой агент. Самый лучший. Работает в Министерстве госбезопасности Сарка и сейчас везет сюда старосту.

— Вы же сказали, староста схвачен.

— Да, схвачен. Моим человеком из госбезопасности. — Абель на миг нахмурился, превратившись во вздорного старика. — В дальнейшем его полезность резко уменьшится. После того как он «упустит» старосту, ему будет грозить тюрьма, а то и смертная казнь. Ну да ладно.

— И что теперь?

— Если б знать. Для начала дождемся нашего

старосты. Я знаю только то, что он скоро прибудет в космопорт. А вот что произойдет потом… — Посол пожал плечами, и его желтоватая старческая кожа натянулась на скулах, как пергамент. — Нобили тоже поджидают старосту. Они уверены, что он в их руках. До тех пор пока флориниан ец не попадет либо к нам, либо к ним, дело с мертвой точки не сдвинется.

Однако Абель ошибался.

Строго говоря, все иностранные посольства в галактике сохраняли право на экстерриториальность. На практике же это было не более чем благим пожеланием — разве что мощь планеты принуждала хозяев к сдержанности. По сути же, один лишь Трантор сохранял независимость своих послов.

Территория его посольства занимала почти квадратную милю, границы охранял вооруженный транторский патруль. Ни один гражданин Сарка не мог войти туда без приглашения, а уж вооруженный — и вовсе ни при каких обстоятельствах. Справедливости ради людей и оружия у посольства хватило бы, чтобы отражать атаку саркского бронетанкового полка не более двух-трех часов, но затем на Сарк обрушилась бы карающая длань миллиона объединенных

миров.

Так что граница посольства оставалась нерушимой.

Посольство имело возможность поддерживать прямую транспортную связь с Трантором, не используя космопорты Сарка. Скажем, из трюма транторского корабля-матки за стомильной границей, отмечающей раздел между «пространством планеты» и «свободным космосом», могли посыпаться небольшие гиропланы, оборудованные «вертушками» для полета в атмосфере с минимальным расходом энергии. Наполовину планируя, они устремлялись к скромному космопорту на территории посольства.

Впрочем, гироплан, который сейчас появился над посольским портом, не являлся ни рейсовым, ни транторским. Все «москиты» посольства были немедленно приведены в боевую готовность. Вздернула свое гофрированное рыло иглопушка. Включились силовые экраны. По радиоэфиру понеслись сообщения: вверх — бдительные, вниз — взволнованные.

Лейтенант Камрум оторвался от видоискателя и сказал:

— Ну, не знаю. Он утверждает, что, если я не дам ему посадку, его через минуту собьют. Просит

убежища.

— Ага, как же, — произнес только что вошедший капитан Элиат. — Мы даем убежище, Сарк заявляет, что Трантор вмешивается в его внутренние дела, и нас с тобой делают крайними. Кто он вообще такой?

— Понятия не имею, — в голосе лейтенанта прозвучала нешуточная тревога. — Утверждает, что должен поговорить с послом. Решение за вами, капитан.

Коротковолновой приемник ожил и разразился отчаянной тирадой:

— Вы меня слышите? Я спускаюсь, спускаюсь, и все! Я не шучу! Говорю вам, у меня нет времени ждать!

Взвизгнув на высокой ноте, радио умолкло.

— Великий космос, — пробормотал капитан, — я узнал его. Сажай корабль, лейтенант! Под мою ответственность!

Зазвучали команды. Гироплан камнем пошел вниз — куда быстрее, чем следовало, потому что им управляли неумелые, трясущиеся руки. Иглопушка неотрывно держала его на прицеле.

Капитан связался с Абелем, все посольство было приведено в боевую готовность. Саркские корабли, появившиеся в небе минут через десять

после приземления гироплана, покружили еще два часа и убрались восвояси.

Обедали втроем: Абель, Юнц и новоприбывший. Посол, державшийся с завидным хладнокровием, несмотря на обстоятельства, вел себя как радушный хозяин и не расспрашивал великого нобиля, для чего ему понадобилось политическое убежище.

Юнц оказался менее терпеливым.

— Великий космос, — шипел он Абелю, — что вы собираетесь с ним делать?

— Ничего, — улыбнулся тот. — По крайней мере, пока не выясню, есть ли у меня староста или нет. Прежде чем бросить фишки на стол, предпочитаю точно знать, какие козыри у меня на руках. Нобиль явился к нам по доброй воле, и ожидание нервирует его куда больше нашего.

Он был прав. Уже дважды нобиль пытался начать свой монолог — и дважды Абель обрывал его, говоря:

— Мой дорогой, ну кто же ведет серьезные разговоры на пустой желудок?

Продолжая улыбаться, Абель приказал подавать обед.

Когда разлили вино, нобиль попытался вновь:

— Вам, вероятно, интересно, почему я покинул

Стин, свой материк?

— Да, признаться, мне нелегко представить причину, по которой нобилю Стину потребовалось удирать от саркского флота.

Стин настороженно смотрел на посла. Вся его тощая фигура и бледное, худое лицо обнаруживали расчетливую осмотрительность. Длинные волосы были собраны в аккуратные косицы. Когда нобиль поворачивал голову, крошечные заколки задевали друг друга, издавая шелестящий звук, словно подчеркивая тем самым пренебрежение Стина к современной саркской моде, предписывавшей короткие стрижки. От нобиля тонко пахло духами.

Абель заметил поджатые губы Юнца и то, как профессор пригладил свои короткие курчавые волосы. Ему стало любопытно, какова была бы реакция Юнца, выгляди Стин более типично для нобиля — то есть имел бы пухлые нарумяненные щечки и выкрашенные медным лаком ногти.

— Сегодня состоялось межконтинентальное совещание, — продолжил Стин.

— Неужели? — На лице Абеля не дрогнул ни один мускул.

Рассказав, что случилось на совещании, Стин с негодованием добавил:

— У нас есть всего двадцать четыре часа! Вернее, теперь уже шестнадцать! Вот так!

— А вы — тот самый Икс! — воскликнул Юнц, пришедший к концу рассказа в крайнее возбуждение. — И явились сюда, потому что Файф поймал вас на горячем. Прекрасно! Абель, вот человек, который сможет подтвердить идентификацию пространственного аналитика. При его помощи мы заставим их отпустить моего сотрудника.

— Не все так просто, — писклявый голос Стина не мог пробиться сквозь густой баритон Юнца. — Я сказал, не все так просто! Вы что, ненормальный? Да послушайте же, право слово! Я говорю… Ваше превосходительство, как имя этого человека?

— Профессор Селим Юнц.

— Отлично. Профессор Юнц! Я никогда не встречал ни вашего пространственного аналитика, ни идиота, или кем он там еще является. Право слово, в жизни не слышал большей чепухи. Я вовсе не Икс. И был бы вам очень благодарен, если бы вы прекратили использовать это глупое прозвище. Неужели вы поверили театральной постановке Файфа? Нет, право слово!

— Почему же тогда вы сбежали? — рявкнул

Юнц.

— Святой Сарк, неужели вам не ясно? Нет, прямо дух перехватывает! Право слово! Послушайте, разве вы не поняли, что задумал Файф?

— Может быть, вы нам объясните это, сэр? — спокойно предложил Абель. — Обещаю, мы не будем вас перебивать.

— Да, благодарю вас. Прочие нобили, — начал Стин с видом оскорбленного достоинства, — не слишком-то меня жалуют, поскольку я не вижу смысла возиться с документацией, статистикой и прочей рутиной. В самом деле, для чего тогда нужна госслужба, я вас спрашиваю, если великий нобиль не может просто быть великим нобилем? Однако из этого не следует, что я — простофиля. Я ценю свой комфорт. Да-да-да! Может, другие и слепы, но я-то вижу, что Файфу и дела нет до пространственного аналитика. Право слово, существует ли он вообще? Год назад Файф придумал всю эту историю и с тех пор манипулирует нами. Держит нас за дураков и идиотов! Право слово! Впрочем, все остальные ими и являются. Действительно, безмозглые идиоты! Вся история Файфа вертится вокруг идиотизма и пространственного анализа. Не удивлюсь, если окажется, что пресловутый туземец, дюжинами

убивающий патрульных, не кто иной, как агент Файфа в рыжем парике. А если он настоящий туземец, значит, Файф его нанял. Лично я этого не исключаю, да! Файф вполне способен использовать туземцев против собственного народа, вот как низко он пал. Совершенно очевидно, что вся его история — просто повод разорить нас и сделаться полновластным диктатором Сарка. Разве вы не понимаете? Нет никакого Икса, зато завтра Файф, если его не остановить, выступит по субэфиру со своей теорией заговора, объявит чрезвычайное положение и провозгласит себя главой Сарка. На Сарке уже пятьсот лет не было единоличного главы, но Файфа это не остановит. А как же конституция, спросите вы? Она ему не указ, право слово! Нужно его остановить. Вот почему я бежал. Останься я на Стине, сидел бы уже под домашним арестом. Едва совещание закончилось, я связался с собственным космопортом, но тот оказался захвачен людьми Файфа. Это наглое нарушение континентальной автономии. Низкая подлость, право слово. Впрочем, каким бы негодяем ни был Файф, ему явно недостает прозорливости. Он вообразил, что мы первым делом попытаемся покинуть планету, и перекрыл космопорты, но… — Стин гаденько ухмыльнулся

и даже хихикнул, — но он забыл о гиропортах. Вероятно, посчитал, что на планете нам не найти убежища. Я же сразу подумал о посольстве Трантора. Остальные, разумеется, не сообразили. Все они меня утомляют. Особенно Борт. Вы знаете Борта? Неотесанный мужлан. Ужасный грязнуля. Смотрит на меня так, будто в чистом и приятно пахнущем человеке есть нечто неправильное.

Стин поднес кончики пальцев к носу и вдохнул.

Юнц беспокойно заерзал, но Абель, положив руку ему на плечо, сказал:

— А как же ваша семья? Они могут стать для Файфа оружием против вас.

— Ну не мог же я их всех погрузить на гироплан? — Стин слегка покраснел. — Файф не посмеет тронуть моих родных. Кроме того, я планирую вернуться завтра на материк.

— Каким образом? — спросил Абель.

Стин удивленно уставился на посла, его тонкие губы приоткрылись.

— Ваше превосходительство, я же предлагаю вам альянс. Только не надо делать вид, что Трантор не заинтересован в Сарке. Уверен, за любую попытку изменить конституцию вы пригрозите Файфу вмешательством Трантора.

— Ума не приложу, как это сделать, даже если мое правительство меня поддержит, — ответил Абель.

— Но вы не можете оставаться в стороне! — вознегодовал Стин. — Если Файф приберет к рукам все производство кырта, он тут же поднимет цену и примется требовать выплат за быструю доставку и прочее в подобном роде.

— Хм-м, а разве сейчас вы пятеро не поступаете именно так?

— Ну, право слово! — Стин опустился в кресло. — Я, может, не в курсе всех деталей. Теперь, разумеется, вы приметесь изводить меня цифрами и суммами. Великий космос, да вы еще хуже Борта. — Он хихикнул, с трудом справляясь с эмоциями. — Не принимайте близко к сердцу, я шучу. Тем не менее, если убрать Файфа с дороги, Трантор вполне способен договориться с оставшимися четырьмя. Вы нам — помощь, мы вам — приоритетное обслуживание, а то и процентик от торговли, м-м?

— А как быть с галактической войной, которая вспыхнет после нашего вмешательства в суверенитет Сарка?

— О, право слово! Все же ясно как день. Вы не будете агрессорами, понимаете? Вы просто

предотвратите гражданскую войну и срыв поставок кырта. Я всегда могу подтвердить, что сам умолял вас о помощи. Это удержит другие планеты от нападения. Напротив, вся галактика встанет на вашу сторону. Ну, а если Трантор кое-что получит в результате, то это никого не касается. Вот именно, не касается!

— Поверить не могу, что вы действительно хотите объединиться с Трантором. — Абель сцепил артритные пальцы и принялся их разглядывать.

Улыбающееся лицо Стина на миг исказила гримаса ненависти.

— Или Трантор, или Файф, — сказал он.

— Я не люблю действовать силой и угрозами, — заметил Абель. — Не лучше ли выждать, посмотреть, как будут развиваться события, а уже затем…

— Нет-нет! — вскричал Стин. — Нельзя терять ни минуты! Право слово, если вы сейчас не проявите твердость, завтра будет слишком поздно. Файф пересек черту, теперь он не может повернуть назад, не потеряв лицо. Если вы протянете мне руку помощи, нас поддержит весь мой материк и остальные великие нобили. А если промедлите, пропаганда Файфа сделает свое грязное дело. Меня объявят подлым перебеж-

чиком, да-да-да! Меня! Меня, Стина! Файф будет апеллировать к антитранторским настроениям, а они, только без обид, имеют место.

— Что, если мы попросим у него разрешения побеседовать с пространственным аналитиком?

— А толку? Его двойной игре это только на пользу. Нам он объявит, что флоринианский идиот и есть пространственный аналитик, а вам — что пространственный аналитик всего лишь флоринианский идиот. О, вы не знаете этого человека! Он — подлец!

Абель задумался, тихонько напевая что-то себе под нос и отсчитывая ритм указательным пальцем. Наконец он произнес:

— Знаете, у нас ведь есть староста.

— Староста?

— Тот человек, который убил патрульных и жителя Верхнего города.

— Ах, этот! Право слово, вы что, всерьез полагаете, будто Файфа остановишь какими-то старостами, если на весах — владычество над всем Сарком?

— Думаю, да. Понимаете, дело не в самом старосте, а в обстоятельствах, при которых он был схвачен. Файф выслушает меня — и выслушает со смирением.

Впервые за все время знакомства с послом Юнц почувствовал, что холодность в голосе старика слегка подтаяла, уступая место удовольствию, если не торжеству.

Глава 15. Пленник

Прежде госпоже Сэмии Файф было незнакомо чувство бессилия. Немыслимо, просто невероятно, что теперь она ощущала себя бессильной уже несколько часов подряд.

Начальник космопорта оказался ничем не лучше капитана Рейсити. Вежливый до подобострастия, он всячески сокрушался и клялся, что всецело — к услугам госпожи, но при этом наотрез отказывался исполнить ее желание, выраженное предельно ясно.

В конце концов Сэмия, словно простолюдинка, была вынуждена перейти от изъявления желаний к требованию соблюдать ее гражданские права.

— Полагаю, у меня есть право встретить любой прибывающий корабль, какой захочу, — ядовито заметила она.

В горле у начальника космопорта внезапно запершило, а тоскливое выражение на лице проявилось еще отчетливее.

— Госпожа, мы вовсе не хотим чинить вам препятствий, но дело, видите ли, в том, что ваш

отец прямо и недвусмысленно запретил нам допускать вас к этому кораблю.

— Намекаете, что я должна покинуть космопорт? — ледяным тоном осведомилась Сэмия.

— Нет-нет, госпожа! — Начальник, похоже, ухватился за наметившийся компромисс. — Нам не приказывали выдворять вас за территорию порта. Можете оставаться здесь сколько угодно. Однако если вы попытаетесь выйти на взлетное поле, мы, при всем уважении, вынуждены будем вас остановить.

Он ушел. Сэмия осталась сидеть в своем роскошном наземном автомобиле в ста футах от выхода из космопорта. Значит, ее ждали и за ней следили. Вероятно, следят до сих пор. И если она попытается проехать на поле, машину просто-напросто обесточат.

Сэмия негодующе сжала зубы. Это нечестно со стороны отца! Вечно он так. С ней всегда обращались как с несмышленышем. Хотя Сэмия думала, что уж отец-то ее понимает.

…Когда она вошла в кабинет, отец поднялся ей навстречу, чего не делал ни для кого другого после смерти жены, и крепко обнял. Ради дочери он отложил все дела, даже отослал прочь секретаря-туземца, зная, насколько ей неприятно это белое,

застывшее лицо. Все как прежде, когда жив был дедушка, а отец еще не стал великим нобилем.

— Мия, дитя мое, еле тебя дождался. Никогда не думал, что Флорина так далеко. Узнав, что на корабль, который отправил специально за тобой, проникли туземцы, я едва не сошел с ума.

— Папочка, ну что ты! Было бы о чем волноваться.

— А как же? Я уже подумывал, не послать ли военно-морской флот, чтобы тебя забрали и вернули мне живой и невредимой.

Оба рассмеялись, представив эту картину. Прошло несколько минут, прежде чем Сэмия решилась направить беседу в нужное ей русло.

— Кстати, пап, а что ты собираешься делать с нашими безбилетниками? — как бы между прочим поинтересовалась она.

— Почему ты спрашиваешь?

— Но ты же не думаешь на самом деле, что они собирались тебя убить?

— Откуда столь мрачные мысли, Мия? — улыбнулся Файф.

— То есть ты так не думаешь?

— Разумеется, нет.

— Прекрасно! Папа, я обязана с ними побеседовать. Что бы ни говорил капитан Рейсити, они

— безвредные бедолаги, я в этом уверена.

— Не слишком ли много законов нарушили твои «безвредные бедолаги»?

— Папа, с ними нельзя обращаться как с обычными преступниками. — Сэмия повысила голос.

— Кто же они тогда?

— Мужчина вообще не туземец. Он с планеты Земля. Его подвергли психозондированию, и теперь он не совсем здоров.

— Ничего, безопасники во всем разберутся. Если, конечно, ты им позволишь.

— Нет! Это чересчур важная история, чтобы отдавать ее им на откуп. Они ничего не поймут. Никто ничего не понимает, кроме меня!

— Никто, кроме тебя, в целом мире? — снисходительно спросил отец и убрал прядку волос, упавшую ей на глаза.

— Да! Только я! — с напором произнесла Сэмия. — Остальные считают его сумасшедшим, но он не такой. Он говорит, что Флорине и всей галактике грозит опасность. Он — пространственный аналитик. Ты же знаешь, папа, они специализируются на космогонии. Он не может ошибаться!

— Мия, с чего ты взяла, что он — пространственный аналитик?

— Он сам мне сказал.

— А в чем именно заключается опасность?

— Он этого не помнит. Его же психозондировали. Тебе не кажется, что лучшего доказательства и представить нельзя? Кто-то явно хочет все скрыть. Слушай, пап, — Сэмия невольно понизила голос до шепота и едва удержалась, чтобы не оглянуться через плечо, — если он не прав, зачем кому-то понадобилось его психозондировать?

— Проще было бы убить, да? — спросил Файф и тут же пожалел: не стоило дразнить девочку.

Немного подумав, Сэмия предложила:

— Прикажи безопасникам пропустить меня к нему, и я все выясню. Он мне доверяет, я знаю, и расскажет больше, чем им. Ну, пожалуйста, папа, ну, прикажи! Это очень важно.

— Не сейчас, Мия. — Он с улыбкой взял ее маленькие кулачки в свои широкие ладони. — Не сейчас. Через несколько часов у нас будет третий человек. Может быть, тогда…

— Третий? Тот туземец-убийца?

— Именно. Корабль с ним на борту приземлится в течение часа.

— А до тех пор ты ничего не сделаешь с девушкой-туземкой и аналитиком?

— Ничего.

— Отлично! Тогда еду встречать корабль, — Сэмия вскочила.

— Куда ты, Мия?

— В космопорт. Мне надо о многом расспросить этого туземца. — Она радостно засмеялась. — Я тебе докажу, что твоя дочь — настоящая сыщица.

Однако Файф не поддержал веселья:

— Не стоит, Мия.

— Почему?

— Не хочу привлекать к прибытию туземца излишнего внимания. А твое присутствие в космопорте бросится всем в глаза.

— И что с того?

— Мия, речь идет о высшей государственной политике.

— Политика? Фи! — Сэмия склонилась к отцу, чмокнула его в лоб и ушла…

И вот теперь она беспомощно сидела в машине у выхода из космопорта и наблюдала за точкой, темнеющей на фоне безоблачного послеполуденного неба. Точка стремительно увеличивалась в размерах.

Сэмия нажала кнопку, открыла бардачок и вытащила очки для поло. Обычно она пользовалась ими, чтобы следить за выкрутасами гонщиков, выступающих в состязаниях по стратосферно-

му поло, но очки могли пригодиться и в более серьезных делах. Сэмия надела их, и падающая звездочка превратилась в кораблик, чьи кормовые моторы окружало красноватое сияние.

По крайней мере, она сможет разглядеть вышедших из него людей и постарается вычислить все, что можно, по их внешнему виду. А уж потом как-нибудь добьется беседы с ними.

Сарк заполнил собой весь экран визира. Под ними простерлись материк и пол-океана, слегка припорошенные пушистыми белыми облачками.

Речь Дженро стала несколько сбивчивой, поскольку основную часть его внимания поглощало управление кораблем:

— Полагаю, космопорт особенно тщательно охранять не будут. Я им намекнул, что любое избыточное внимание к прилетевшей яхте может заинтересовать Трантор. Сказал, что успех операции зависит от того, удастся ли отводить глаза Трантору до тех пор, пока не станет слишком поздно. Ладно, неважно.

— А мне-то какая разница? — угрюмо буркнул Тиренс, пожимая плечами.

— Тебе? Вообще-то немалая. Я приземлюсь в шахте рядом с Восточным выходом. Как только

я сяду, ты покинешь яхту через аварийный люк на корме. Иди быстро, но не беги. Я дам тебе документы, которые могут помочь пройти паспортный контроль, а могут и не помочь. Действуй по обстоятельствам. Судя по предыстории, ты у нас сообразительный. У выхода будет ждать машина. Она отвезет тебя в посольство. Все ясно?

— А как же ты?

Сарк постепенно превращался из огромной безликой сферы, испещренной коричневыми, зелеными, голубыми и белыми пятнами, в нечто более живое: в поверхность планеты, изрезанной бороздами рек и морщинами гор.

— Лучше о себе думай, — холодно и невесело усмехнулся Дженро. — Когда они узнают, что ты смылся, меня, вернее всего, расстреляют как предателя. Если же увидят, что я оказался в безвыходной ситуации и был не в состоянии тебе помешать, могут просто разжаловать, мол, что с дурака взять. Второе — предпочтительнее. Поэтому, прежде чем уйти, тебе придется оглушить меня нейрохлыстом.

— Ты знаешь, на что похож удар нейрохлыста?

— Вполне, — на висках Дженро выступила испарина.

— А что, если я тебя убью? Я же убийца нобилей,

не забыл?

— Не забыл. Но убивать меня тебе резона нет. Только время зря потеряешь. Мне случалось ввязываться и в более рискованную игру.

Поверхность Сарка приближалась. Она как будто растягивалась: края уходили за границы визира, центр же рос, постепенно создавая новые края. Появилось радужное сияние саркского города.

— Надеюсь, — добавил Дженро, — тебе не стукнет в голову бежать? На Сарке ты укрытия не найдешь. Или Трантор, или нобили — помни об этом.

Город внизу уже невозможно было ни с чем спутать. Бурый участок на его окраине оказался приближающимся космопортом.

— Если Трантор не заполучит тебя в течение следующего часа, — продолжил Дженро, — то еще до вечера ты будешь в руках нобилей. Я не знаю, что сделает с тобой Трантор, но за то, чем грозит тебе плен у саркцев, могу поручиться.

Тиренс работал в Министерстве госбезопасности и знал, как поступают с убийцами нобилей.

Изображение космопорта застыло на экране, однако Дженро на него больше не смотрел. Он полностью сосредоточился на управлении, гото-

вясь к посадке по импульсному лучу. На высоте мили яхта перевернулась хвостом вниз.

Когда до шахты оставалось сто ярдов, движки взвыли на высокой ноте. Тиренс, несмотря на гидравлические рессоры, чувствовал их вибрацию. Голова у него закружилась.

— Возьми хлыст, — приказал Дженро. — Быстро! Важна каждая секунда. Аварийный люк сам закроется за тобой. Пять минут они будут удивляться, почему я не выхожу, пять минут ломать замок, еще пять — искать тебя. Итого в твоем распоряжении пятнадцать минут. За это время ты должен покинуть космопорт и сесть в машину.

Вибрация прекратилась, наступила мертвая тишина — Тиренс понял, что они приземлились. Включилось диамагнитное поле, яхта наклонилась и медленно легла набок.

— Давай! — скомандовал Дженро, чья форма промокла от пота.

Голова у Тиренса гудела, глаза ни в какую не хотели фокусироваться, но он сумел поднять нейрохлыст.

Вокруг пахло саркской осенью. Хотя Тиренс несколько лет провел в этом суровом климате, воспоминания о нем быстро выветрились в вечном июне Флорины. Теперь он снова почув-

ствовал себя чиновником госслужбы, словно никуда и не улетал.

Вот только сейчас он был беглецом, на котором стояло клеймо «убийца нобиля».

Он шагал в унисон с ритмом биения своего сердца. Позади остались корабль и застывший в муках Дженро. Люк мягко закрылся за Тиренсом, впереди лежала широкая мощеная дорожка. Вдалеке сновали рабочие и механики. Каждый занимался своими делами и чужими не интересовался. Никто даже не посмотрел на Тиренса. Да и к чему?

Видел ли хоть кто-нибудь, как он покинул яхту? Тиренс уговаривал себя, что никто, иначе за ним бы уже гнались. Он машинально потрогал свой колпак, по-прежнему натянутый по самые уши. На шее висел медальон. Его дал ему Дженро, объяснив, что это для идентификации. Люди с Трантора, сказал он, будут высматривать этот медальон. Гладкая безделушка сверкала на солнце.

Тиренс мог снять его и удрать. Как-нибудь проникнуть на другой корабль, как-нибудь убраться с Сарка… Как-нибудь убежать…

Слишком много этих «как-нибудь»! В глубине души он знал, что игра окончена и его ждет либо Трантор, либо Сарк. Первых он боялся и ненави-

дел, но в лапы саркцев ему нельзя было попадать ни в коем случае.

— Вы! Эй, вы!

Тиренс остановился как вкопанный и оглянулся. До выхода оставалось шагов сто; если побежать… Но бегущий человек мгновенно привлечет к себе внимание. Нельзя, нельзя теперь срываться на бег.

Из открытого окна машины смотрела молодая женщина. Таких машин Тиренс не видал за все пятнадцать лет службы на Сарке: металлически-блестящая, она искрилась прозрачным геммитом.

— Идите сюда! — позвала женщина.

Тиренс на непослушных ногах двинулся к машине. Дженро сказал, что автомобиль Трантора будет ждать его за территорией космопорта. Или нет? Доверят ли такое поручение женщине? Даже не женщине, девушке. Незнакомка была смугла и красива.

— Вы прибыли на яхте, которая только что приземлилась, да?

Тиренс промолчал.

— Не отпирайтесь, я видела, как вы покидали корабль! — нетерпеливо продолжила девушка и постучала ноготком по своим очкам для поло,

Тиренсу случалось видеть такие.

— Ну, да, — пробормотал он.

— Тогда садитесь. — Она открыла дверцу.

Внутри машина оказалась еще более роскошной, чем снаружи. Мягкие сиденья, все пахнет изысканной новизной, а сама девушка — прекрасна.

— Вы член экипажа? — спросила она.

«Проверяет», — подумал Тиренс и сказал, показывая на медальон:

— Вы сами знаете, кто я.

Машина беззвучно развернулась и поехала. Когда они проезжали Восточный выход, Тиренс как можно глубже вжался в прохладное, покрытое чехлом из кырта сиденье, однако это оказалось ни к чему. Девушка лишь бросила повелительным тоном: «Я — Сэмия Файф, этот человек со мной», — и они поехали дальше.

Измотанному Тиренсу потребовалось несколько секунд, чтобы осознать услышанное. Он в смятении подался вперед, но машина уже неслась по скоростной эстакаде, выдавая около ста миль в час.

Болтавшийся за воротами рабочий, заметив машину, что-то кратко буркнул в отворот куртки, затем вошел в здание и вернулся к своим делам.

Бригадир сделал себе зарубку на память: побеседовать с Тепом насчет перекуров, длящихся по полчаса.

В стоявшей у космопорта машине сидели двое. Один раздраженно спросил второго:

— Сел в машину к девушке? В какую машину? К какой еще девушке?

Несмотря на саркскую одежду, говорил он с акцентом жителей планет арктурианского сектора Транторской империи. Его товарищ был саркцем и до́кой в новостных видеокастах. Едва сияющая машина выехала за ворота и, набирая скорость, свернула к скоростной эстакаде, он подпрыгнул и завопил:

— Это лимузин госпожи Сэмии Файф! Такого больше ни у кого нет! О, галактика, что же нам делать?!

— Следуем за ней, — коротко ответил первый.

— Но госпожа Сэмия…

— Для меня она никто. Да и для вас должна быть никем. Иначе что вы здесь делаете?

Их машина развернулась и въехала на эстакаду, где разрешалось быстрое движение наземного транспорта.

— Нам ее ни за что не догнать, — простонал саркец. — Стоит ей нас заметить, и она сорвется

с цепи. Эта машина способна выдавать двести пятьдесят миль в час.

— Пока она держит сотню, — заметил арктурианин. — Притом направляется не в Министерство госбезопасности, — сказал он через некоторое время. — Это точно. И не во дворец Файфа, — добавил он несколько минут спустя. — Куда ее несет, чтоб ей в черную дыру провалиться? — вопросил он еще минут через пять. — Она покидает город!

— Откуда нам знать, что с ней именно убийца нобиля? — поинтересовался саркец. — По-моему, это какой-то трюк, чтобы убрать нас с дороги. Она даже не пытается стряхнуть нас с хвоста. А машина? Зачем она взяла лимузин, который знают все и каждый? Такую и за несколько миль не потеряешь.

— Верно. Но Файф не стал бы использовать дочь для отвлекающего маневра. Отряд патрульных справился бы с задачей куда лучше.

— Может быть, за рулем вообще не госпожа Сэмия?

— Скоро узнаем, приятель. Она тормозит. Проезжай мимо и остановись на повороте.

— Я хочу с вами поговорить, — сказала девушка.

Тиренс решил, что это не обычная ловушка, как

ему показалось сначала. Девушка была Сэмией Файф и никем иным. Похоже, ей даже в голову не приходило, что кто-то может ее ослушаться.

За все время поездки она ни разу не посмотрела, не едет ли кто-нибудь за ними. Между тем Тиренс заметил машину, упорно державшуюся позади, не сокращая дистанции. Вряд ли это случайные попутчики. Скорее всего — машина Трантора. Впрочем, может быть, и госбезопасности Сарка, в этом случае девица станет прекрасным заложником.

— Я готов, — ответил Тиренс.

— Вы прилетели на корабле, который вез туземца с Флорины? Того самого убийцу, объявленного в розыск?

— Да.

— Отлично! Я привезла вас сюда, чтобы нам никто не помешал. Во время полета туземца допрашивали?

«Такая наивность не может быть наигранной», — подумал Тиренс. Видимо, девушка действительно не подозревала, кто перед ней.

— Допрашивали, — осторожно ответил он.

— И вы присутствовали на допросе?

— Да.

— Здорово, я так и думала. Кстати, почему вы

покинули яхту?

Этот вопрос ей следовало задать первым, мелькнула у старосты мысль.

— Я должен был доставить особый рапорт… — Он замялся.

— Моему отцу, да? — нетерпеливо закончила она за него. — На этот счет не беспокойтесь, вы под моей защитой. Я скажу, что вы просто выполняли мои приказы.

— Хорошо, госпожа.

При слове «госпожа» его сердце болезненно сжалось. Да, она была госпожой (величайшей на свете!), а он — флориниацем. Однако убийца патрульных легко научился убивать и нобилей. Зато теперь ничто не мешало ему взглянуть девушке прямо в лицо.

Тиренс поднял голову и посмотрел на нее твердым, испытующим взглядом. Взглянул ей в глаза.

Сэмия Файф была прекрасна. Будучи самой высокородной женщиной на планете, она не обратила на его взгляд никакого внимания.

— Я хочу, чтобы вы рассказали мне все, что услышали на допросе. Все, что сказал туземец. Это очень важно.

— Могу я спросить, госпожа, чем вас так заин-

тересовал этот туземец?

— Нет, не можете, — отрезала она.

— Как будет угодно госпоже.

Тиренс не знал, что говорить дальше. С одной стороны, он ждал, что преследователи вот-вот их догонят. С другой — он все больше ощущал, что рядом сидит прекрасная девушка.

Флориниан цы на госслужбе, как и старосты, теоретически оставались девственниками. На практике большинство из них обходило это ограничение — кто как мог. Тиренс в этой области тоже пошел на то, на что осмелился и что считал целесообразным. В лучшем случае его опыт можно было назвать недостаточным.

Главное, он никогда прежде не находился в роскошной машине наедине с прекрасной девушкой.

Сэмия ждала. Ее темные (о, какие же они темные!) глаза горели любопытством, полные алые губы приоткрылись, замечательную фигуру подчеркивал наряд из великолепного кырта. Госпоже Файф и в голову не приходило, что кто-то может себе позволить нескромные мысли на ее счет.

Та часть разума Тиренса, которая опасалась преследователей, куда-то исчезла. Внезапно староста осознал, что убийство нобиля — это еще не

самое страшное преступление.

Он не заметил, как руки пришли в движение. Понял только, что ее маленькое тело оказалось в его объятиях. Сэмия окаменела, потом закричала, а затем он накрыл ее губы своими…

Ее ладони покоились на его плечах. Вдруг в спину ударил холодный воздух из распахнутой дверцы. Тиренс схватился за оружие. Слишком поздно. Хлыст вырвали у него из руки.

Сэмия беззвучно ахнула.

— Вы видели, что он делал? — в ужасе пробормотал саркец.

— Неважно, — ответил арктурианин, опуская в карман небольшой черный предмет и приглаживая магнитный шов. — Взять его.

Саркец в ярости вытащил Тиренса из машины.

— А она ему позволила, — бубнил он, — позволила этому…

— Кто вы? — гневно закричала Сэмия. — Вас послал мой отец?

— Пожалуйста, никаких вопросов, — сказал арктурианин.

— Вы — инопланетянин, — сердито заметила Сэмия.

— О, Сарк, я просто обязан ему вмазать. — Второй агент поднял кулак.

— Не сметь! — рявкнул первый и крепко схватил коллегу за запястье.

— Он перешел все границы! — рычал саркец. — Убийство нобиля я еще могу стерпеть, сам прикончил нескольких, но стоять и наблюдать, как туземец… делает такое, выше моих сил.

— Туземец?! — пискнула Сэмия.

Второй агент сорвал с Тиренса колпак. Староста побледнел, однако не пошевелился. Он не сводил глаз с девушки, его светлые волосы теребил ветер.

Сэмия бессильно откинулась на сиденье машины, сжалась в комочек и закрыла лицо руками. Кожа побелела под прижатыми пальцами.

— А с ней что будем делать? — спросил саркец.

— Ничего.

— Она же нас видела. Не успеем отъехать на милю, как за нами погонится целая планета.

— То есть вы предлагаете убить госпожу Файф? — саркастически поинтересовался арктурианин.

— Нет, конечно. Можно испортить ее машину. Пока она доберется до радиофона, мы будем уже далеко.

— Не стоит. — Арктурианин склонился к ветровому стеклу. — Послушайте, госпожа Файф…

Сэмия оставалась неподвижной.

— Госпожа, вам лучше меня выслушать. Простите за то, что помешали вам в такой интимный момент, тем не менее я успел извлечь из него максимум пользы. Записал происходившее на трехмерную камеру. Я не блефую. Через несколько минут я передам негатив в надежное место. Если вы попытаетесь нам помешать, мне придется поступить очень дурно. Думаю, вы меня понимаете. — Он отвернулся. — Она ничего никому не скажет. Ни словечка. Следуйте за мной, староста.

Тиренс послушно пошел за ним. Он не смог заставить себя оглянуться на бледное, измученное лицо девушки, брошенной в машине.

Что бы ни случилось с ним в будущем, он уже совершил невозможное. Поцеловал знатную госпожу. Тиренс до сих пор ощущал прикосновение ее нежных, мягких губ.

Глава 16. Обвиняемый

У дипломатии свой язык и свои методы. Отношения между представителями суверенных государств, если они ведутся строго в соответствии с протоколом, условны и бессмысленны. Фраза «неприятные последствия» становится синонимом войны, а «адекватное урегулирование» — капитуляции.

В жизни Абель предпочитал общаться без дипломатических экивоков. Если бы кто-нибудь услышал, как посол по выделенному лучу разговаривает с Файфом, решил бы, что это просто пожилой джентльмен, дружески беседующий с другим таким же за бокалом вина.

— Вас непросто найти, Файф, — сказал он.

— Денек выдался на редкость суматошным, Абель. — Файф беззаботно улыбнулся.

— Да, я наслышан.

— От Стина? — небрежно спросил нобиль.

— И от него тоже. Стин гостит у нас вот уже семь часов.

— Знаю. Мой промах. Вы собираетесь выдать его нам?

— Увы.

— Но он преступник.

Абель хмыкнул и повернул бокал в руке, наблюдая за лениво всплывающими пузырьками.

— Полагаю, нам придется дать ему статус политического беженца. На территории Трантора он находится под защитой галактического законодательства.

— И ваше правительство вас поддержит?

— Думаю, да, Файф. Не знай я, что Трантор поддержит, а что — нет, не продержался бы тридцать семь лет на дипслужбе.

— Я могу потребовать у правительства Сарка вашей высылки.

— А смысл? Я — миролюбивый человек, с которым вы хорошо знакомы. Мой преемник может оказаться кем угодно.

Повисла пауза. Львиная физиономия Файфа сморщилась:

— По-моему, вы хотите мне что-то предложить?

— Да. У вас находится мой человек.

— Ваш человек?

— Пространственный аналитик. Уроженец планеты Земля, которая, между прочим, является территорией Трантора.

— Это Стин вам сказал?

— В частности.

— А сам он видел вашего землянина?

— Этого он не говорил.

— То есть не видел. В сложившихся обстоятельствах сомневаюсь, что вы можете верить ему на слово.

— Тем не менее землянин существует. — Абель отставил бокал и сложил руки на коленях. — Говорю вам, Файф, мы должны достичь согласия по данному вопросу. У меня — Стин, у вас — землянин. В некотором смысле мы квиты. Прежде чем вы продолжите воплощать в жизнь свои планы и прежде чем истечет ваш ультиматум и вы совершите государственный переворот, почему бы нам в общих чертах не обсудить торговлю кыртом?

— Не вижу необходимости. То, что происходит сейчас на Сарке, целиком и полностью — внутреннее дело Сарка. Я готов лично гарантировать, что политические события никак не скажутся на поставках кырта. Думаю, именно этим и исчерпываются законные интересы Трантора.

Абель словно бы в задумчивости пригубил вино, потом произнес:

— Вышло так, что у нас появился еще один политический беженец. Курьезный персонаж.

Флоринианец, между прочим. Староста. Представился Мирлином Тиренсом.

— Мы это подозревали. — Глаза Файфа сверкнули. — Ради Сарка, Абель, должны же быть какие-то рамки вмешательства Трантора в дела этой планеты? Человек, которого вы похитили, — убийца. Вы не можете предоставить ему политическое убежище.

— Так вы хотите получить этого человека?

— Предлагаете сделку? А что взамен?

— Встреча, о которой я говорил.

— За одного флоринианца-убийцу? И речи быть не может.

— Способ, каким старосте удалось уйти от вас, весьма любопытен. Вас бы он заинтересовал…

Юнц ходил из угла в угол, покачивая головой. Давно наступила ночь. Неплохо было бы лечь спать, но профессор знал, что без сомнина не уснет.

— Я мог пригрозить ему вторжением, как советовал Стин, — рассказывал Абель, — но это было бы опасно: риск огромен, а результаты ненадежны. До тех пор, пока староста не оказался у нас, я не видел альтернативы политике невмешательства.

— Нет! Нельзя было сидеть сложа руки. — Юнц

яростно затряс головой. — Хотя это все-таки шантаж чистой воды.

— Шантаж. И что с того? Как бы вы поступили на моем месте?

— Точно так же. Я не ханжа, Абель. Вернее, пытаюсь его в себе изжить. Я не осуждаю ваши методы — учитывая, что собираюсь воспользоваться их результатами. И все же эта девушка…

— Не пострадает, если Файф выполнит свою часть сделки.

— Мне ее жаль. Я презираю саркскую аристократию за то, как она поступает с Флориной, и все же мне жалко девочку.

— По-человечески? И мне жалко. Однако ответственность за случившееся целиком лежит на Сарке. Послушайте, дружище, вы когда-нибудь целовались с девчонкой в наземной машине?

— Еще бы, — губы Юнца тронула улыбка.

— Я тоже. Пусть и намного, намного раньше вашего. Моя старшая дочь, вероятно, сейчас как раз обретает подобный опыт. По крайней мере, я бы не удивился. Что такое украденный в машине поцелуй, если не выражение самых естественных эмоций в галактике? Послушайте меня, Юнц. Возьмем любую девушку из высшего общества, которая по ошибке оказывается в одной машине

с молодым человеком, пусть даже преступником. Он пользуется ситуацией и целует ее. Поддается порыву и не спрашивает согласия девицы. Что должны чувствовать она и ее отец? Огорчение? Может быть. Раздражение? Разумеется. Злость? Обиду? Унижение? Да, да и еще раз да. Но бесчестие? Вздор! Во всяком случае, не настолько, чтобы ставить под угрозу важные государственные дела, стремясь избежать огласки. Ситуация, подобная нашей, могла произойти только на Сарке. Госпожа Сэмия не виновна ни в чем, кроме своенравия и некоторой наивности. Уверен, ей уже случалось целоваться. Сколько бы поцелуев она ни раздала, никто не посмотрит на нее косо. Если, конечно, она не целуется с флоринианцем. Однако именно это с Сэмией и произошло. Неважно, что она не знала, кого целует. Неважно, что он действовал силой. Если мы опубликуем фотографии госпожи Сэмии в объятиях флоринианца, это разрушит ее жизнь и жизнь ее отца. Я видел лицо Файфа, когда он смотрел на снимки. Доказать, что в машине был флоринианец, невозможно. Какой-то парень в саркской одежде. Светлокожий — да, ну и что? Тем не менее Файф понимает, что слухам с удовольствием поверят любители «жареного», фотографии станут для

них неопровержимой уликой, а политические враги Файфа постараются извлечь из скандала максимум прибыли. Вы назовете это шантажом, Юнц, и будете правы, но подобный шантаж не сработал бы ни на какой другой планете во всей галактике. Уязвимость саркской социальной системы дала нам оружие, и я не жалею, что им воспользовался.

— До чего вы хоть договорились? — вздохнул Юнц.

— Мы встречаемся завтра в полдень.

— А ультиматум?

— Отложен на неопределенный срок. Я лично отправлюсь к Файфу.

— Стоит ли рисковать?

— Не так уж я и рискую. Будут свидетели. К тому же мне не терпится побывать во плоти в обществе вашего сотрудника, которого вы так долго искали.

— А как же я? — вскинулся Юнц. — Мне можно с вами?

— Разумеется. Мы еще пригласим старосту, который поможет опознать пространственного аналитика. Ну, и Стин, конечно, тоже будет с нами. Однако вы все воспользуетесь трименсиональной персонификацией.

— Спасибо.

Транторский посол подавил зевок и посмотрел на Юнца слезящимися глазами.

— А теперь, с вашего позволения, мне пора спать. Еще одной дозы антисомнина мое дряхлое тело не выдержит, я не сплю уже вторые сутки.

Благодаря достижениям трименсиональной персонификации важные встречи редко проводились лицом к лицу. В физическом присутствии старого посла Файф находил нечто непристойное. Нельзя было сказать, потемнел ли смуглый нобиль лицом, однако морщины выдавали молчаливый гнев.

Файфу приходилось молчать. Говорить было нечего. Оставалось лишь мрачно сверлить взглядом людей, оказавшихся перед ним.

Абель. Плюгавый старикашка, маразматик, за спиной которого — миллион планет.

Юнц. Чернокожий упрямец с буйной шевелюрой, источник всех нынешних бед.

Стин. Предатель! Даже в глаза Файфу боится взглянуть.

Староста. Смотреть на флориниан ца было труднее всего. Туземец, обесчестивший его дочь своим прикосновением, оставался под защитой стен посольства. Будь Файф теперь один, он бы

изо всех сил грохнул кулаком по столу. Однако его лицо должно было оставаться бесстрастным, хотя внутри все бурлило от гнева.

Если бы Сэмия не… Ладно, что уж теперь об этом. Он сам потакал ее своеволию, винить теперь надо лишь себя самого. Дочь не стала ни извиняться, ни оправдываться. Честно рассказала, как пыталась поиграть в галактическую шпионку и чем все закончилось. Без утайки поведала о своем горьком позоре, надеясь на отцовское понимание. И она его получит. Получит, пусть даже ему придется разрушить все то, что он с таким трудом создавал.

— К этой встрече меня принудили. Не вижу надобности что-нибудь говорить. Я здесь, чтобы слушать, — произнес Файф.

— Кажется, Стин хочет вам что-то сказать, — ответил Абель.

Взгляд Файфа налился презрением. Заметив это, Стин взвился как ужаленный:

— Вы сами заставили меня переметнуться к Трантору, Файф! Нарушили принципы автономии. Право слово, неужели вы рассчитывали, что я это стерплю?

Файф промолчал. Абель, не без толики презрения, оборвал Стина:

— К делу, Стин. Вы утверждали, вам есть что сказать? Вот и говорите.

— И скажу! — На желтоватых щеках Стина выступил нездоровый румянец. — Я не претендую на лавры великого детектива, каким себя воображает Файф, но мозги у меня на месте. Да, на месте. И думать я умею. Вчера Файф рассказал нам байку о таинственном предателе, которого он именовал Иксом. Однако я ни на минуту ему не поверил. Вся эта история понадобилась для того, чтобы объявить чрезвычайное положение. Меня не одурачишь.

— То есть никакого Икса нет? — спокойно спросил Файф. — Зачем же тогда вы удрали? Беглец сам расписывается в своей вине.

— Да ну? Право слово! — вскричал Стин. — Я бежал из горящего здания, пусть даже огонь зажег кто-то другой.

— Не тяните, Стин, — сказал Абель.

Стин облизнул губы и какое-то время созерцал свои ногти. Потом, потирая пальцами, продолжил:

— И тогда я подумал: зачем Файфу изобретать такую запутанную и мутную историю? Не его стиль, право слово. Не похоже на Файфа. Уж я-то его знаю. Мы все его знаем. Ваше превосходи-

тельство, у него воображения — ноль. Грубый мужлан, почти как Борт.

— Абель, он собирается говорить что-нибудь по существу? — Файф поморщился. — Или так и будет переливать из пустого в порожнее?

— Продолжайте, Стин, — поторопил нобиля посол.

— Я продолжу, если меня не будут то и дело перебивать! О, великий космос! На чьей вы стороне, Абель? В общем, я спросил себя (сразу после ужина): зачем такому, как Файф, измышлять подобную историю? Ответ напрашивался сам собой. Выдумать ее он не мог — по крайней мере самостоятельно. Следовательно, история правдива, и патрульных убили, хотя это Файф как раз вполне мог организовать.

Файф только пожал плечами.

— Но кто же тогда Икс? — продолжил Стин. — Это не я — право слово, кому и знать, как не мне. Тем не менее Файф прав, такое под силу лишь великому нобилю. А какой великий нобиль в курсе всего случившегося? Кто из великих нобилей уже год пугает остальных байкой о пространственном аналитике и тем, что он называет «объединенными усилиями», а я зову «диктатурой Файфа»? Я вам скажу, кто у нас Икс.

Стин встал. Его макушка вышла за пределы куба-приемника и исчезла.

— Икс — это сам Файф! — И Стин ткнул в него дрожащим пальцем. — Больше некому. Он нашел аналитика, убрал его с дороги, когда увидел, что никто из нас не проникся глупыми намеками, а потом, подготовив военный переворот, вновь вытащил того на свет.

— Он закончил? — Файф устало посмотрел на Абеля. — Если да, то удалите его. Своим присутствием он оскорбляет порядочных людей.

— Не желаете прокомментировать слова Стина?

— Разумеется, нет. Что тут можно комментировать? Человек в отчаянном положении скажет все что угодно.

— Вы не можете просто так отмахнуться, Файф, — сказал Стин.

Он затравленно оглянулся на остальных. Его глаза сузились, кожа у носа побелела от напряжения. Он так и остался стоять.

— Послушайте, Файф заявил, что его детективы нашли в кабинете врача истории болезней. Доктор якобы погиб в случайной аварии, после того как обследовал аналитика и поставил ему диагноз «психозондирован». Еще Файф утвержда-

ет, что авария — дело рук Икса, испугавшегося, что ученого опознают. Именно так он и говорил. Спросите его, спросите!

— Ну, говорил, и что с того? — поинтересовался Файф.

— А вы спросите, как к нему попали записи врача, погибшего несколько месяцев назад. Право слово, да они просто уже были у него.

— Глупости, — ответил Файф. — Господа, мы теряем бесценное время. Другой врач принял практику умершего, вот и все. Или вы думаете, что истории болезней уничтожают после смерти медика?

— Нет, мы так не думаем, — сказал Абель.

Стин открыл рот, потом закрыл и сел на место.

— Ну? Что дальше? — тихо спросил Файф, в его голосе звучала горечь. — Новые обвинения? Хоть что-нибудь определенное?

— Стин высказался, и ладно. У нас с Юнцем к вам другое дело. Мы хотим видеть пространственного аналитика.

Файф, чьи руки до этого лежали неподвижно, вцепился в край столешницы. Густые черные брови сошлись на переносице.

— У нас действительно сидит под арестом умственно неполноценный мужчина, именующий

себя пространственным аналитиком. Я прикажу доставить его сюда.

Валоне Марч и не снилось, что на свете существуют подобные чудеса. Со вчерашнего дня, когда корабль приземлился на Сарке, она только и делала, что удивлялась. Даже тюремные камеры, куда их с Риком поместили, были чудом из чудес. Стоило нажать кнопку, и из крана текла вода. Стены были теплыми, хотя снаружи стоял холод, какого Валона и представить себе не могла. С ней разговаривали прекрасно одетые люди.

Она побывала в комнатах, где было полным-полно невиданных вещей. Сейчас же Валону привели в огромное, но почти пустое помещение. Впрочем, в комнате находились люди. За столом сидел сурового вида мужчина. Были еще морщинистый старик в кресле и трое других.

Один из них оказался старостой! Валона даже подпрыгнула и бросилась к нему:

— Староста! Староста!

Но его уже там почему-то не было. Староста поднялся с кресла и замахал на Валону руками:

— Стой, Валона! Стой спокойно!

Валона с разбегу проскочила прямо сквозь него. Она хотела взять старосту за рукав — и почему-то не смогла. Тогда она попыталась уцепиться за его

плечо, споткнулась и вновь прошла насквозь. У нее захватило дух. Староста повернулся к ней, но Валона смотрела только на свои ноги. Они словно бы вырастали из массивного подлокотника кресла, в котором сидел староста. Валона видела кресло отчетливо, оно было ярким и совершенно настоящим. Ее ноги торчали прямо оттуда, хотя она ничего не чувствовала. Протянула трясущуюся ладонь, пальцы на дюйм погрузились в обивку, и… опять ничего. Только пальцы.

Валона взвизгнула и упала. Последним, что она увидела, были руки старосты: он машинально попытался ее поддержать, но она провалилась в кольцо его рук, как сквозь воздух телесного цвета.

Очнулась она в кресле, ее ладонь крепко сжимал Рик.

— Не пугайся, девочка, — сказал склонившийся над ней морщинистый старик. — Это просто картинка. Как фотография, понимаешь?

Валона осмотрелась. Староста продолжал сидеть, где сидел, даже не глядел на нее.

— А вон там разве не он? — Валона показала пальцем.

Неожиданно ответил ей Рик:

— Это трименсиональная персонификация,

Лона. Староста находится в другом месте, но мы можем его видеть.

Валона замотала головой. Раз так говорит Рик, значит, это правда. Она потупилась. Не могла себя заставить смотреть на людей, которые одновременно тут и не тут.

— Вы знаете, что такое тримерсиональная персонификация, молодой человек? — спросил Абель у Рика.

— Да, сэр.

Последние сутки потрясли и Рика. Но если Валона все сильнее впадала в ступор, то Рику с каждой минутой окружающее становилось все более знакомым и понятным.

— Где вы об этом узнали?

— Не помню. Я знал это до того… до того, как все забыл.

За время всей сцены Файф даже не пошевелился, лишь произнес:

— Извините, что побеспокоил собравшихся, приведя в кабинет туземку-истеричку, но так называемый пространственный аналитик требовал ее присутствия.

— Ничего страшного, — ответил Абель. — Однако выясняется, что ваш умственно неполноценный флориниане знает, что такое тримерсио-

нальная персонификация.

— Полагаю, туземца хорошенько выдрессировали.

— Его допрашивали после прибытия на Сарк?

— Естественно.

— И каковы результаты?

— Ничего нового.

— Как ваше имя? — спросил Абель у Рика.

— Рик — это единственное имя, которое я помню, — спокойно ответил тот.

— Вы узнаете кого-нибудь из присутствующих в этой комнате?

Рик внимательно оглядел собравшихся.

— Только старосту. Ну, и Лону, конечно.

— Это, — Абель кивнул на Файфа, — самый великий нобиль из когда-либо живших. Он теперь владеет целой планетой. Что вы о нем думаете?

— Я — землянин, — смело ответил Рик, — и ему не подчиняюсь.

— Сомневаюсь, что кого-то из коренных флоринианцев можно научить такому неповиновению, — сказал Абель, обращаясь к Файфу.

— Даже с помощью психозонда? — презрительно скривился нобиль.

— А этого джентльмена вы узнаете? — вновь поинтересовался Абель у Рика.

— Нет, сэр.

— Это профессор Селим Юнц, важный сотрудник Межзвездного Пространственно-аналитического Бюро.

— Следовательно, — Рик вгляделся в лицо Юнца, — он один из моих руководителей. К сожалению, я его не знаю. Или знал, но забыл.

— Мы с ним никогда не встречались, Абель, — грустно покачал головой Юнц.

— Примем это к сведению, — пробормотал Файф.

— Рик, — продолжил Абель, — я хочу рассказать вам одну историю. Слушайте меня внимательно и думайте. Думайте хорошенько! Поняли?

Рик кивнул.

Несколько долгих минут в кабинете звучал только неторопливый голос Абеля. Рик крепко зажмурился. Закусив губу, он прижал кулаки к груди и низко склонил голову. Казалось, этот человек испытывает сильные мучения.

Абель пересказал ход событий в том виде, как они были представлены Файфом. Поведал о перехваченном тревожном сообщении и его интерпретации, о встрече между Риком и Иксом, о психозонде и о том, как Рика переправили на Флорину, о докторе, поставившем ему диагноз и

погибшем затем в аварии, о возвращении памяти. Наконец, он произнес:

— Вот такая история, Рик. Я рассказал вам все, что знаю. Она вам ни о чем не напомнила?

— Я помню только последнюю ее часть, — с болью в голосе отозвался Рик. — Последние несколько дней. Еще мне вспоминается что-то из совсем далекого прошлого. Кажется, когда я впервые заговорил, мы отправились к доктору. Все очень смутно… Нет, ничего больше не помню.

— Кое-что вы все-таки вспомнили. Вы помните о грозящей Флорине опасности?

— Да, да. Это стало первым моим воспоминанием.

— Но вы не помните, что последовало за этим? Вы высадились на Сарке и встретились с мужчиной.

— Не могу вспомнить! — простонал Рик. — Не могу!

— Попытайтесь!

Рик поднял лицо, на лбу выступили капли пота.

— Я вспомнил слово.

— Какое слово, Рик?

— Оно не имеет смысла.

— Тем не менее скажите его нам.

— Воспоминание о нем ассоциируется у меня со столом. Это было давно, очень давно, все как в тумане. Я сижу. Кажется, напротив сидит кто-то еще. Потом он стоит и смотрит на меня сверху вниз. А потом это слово.

— Какое? — терпеливо спросил Абель.

Рик сжал кулаки и прошептал:

— Файф.

Все, кроме Файфа, вскочили на ноги.

— Я же вам говорил! — завизжал Стин и зашелся визгливым, булькающим смехом.

Глава 17. Обвинитель

— Давайте покончим с этим балаганом, — сказал Файф, старательно сдерживая свой гнев.

Ему пришлось подождать, наблюдая с суровым и бесстрастным видом, как остальные успокаиваются и рассаживаются по местам. Рик наклонил голову и, до боли зажмурившись, начал «прощупывать» свою память. Это доставляло мучительную боль. Валона крепко притянула его к себе и принялась тихонько баюкать, поглаживая по щеке.

— Почему же «балаган»? — дребезжащим голосом спросил Абель.

— А разве нет? — возразил Файф. — Вы добились этой встречи шантажом. Однако знай я, что меня ждет судилище, на котором в качестве прокуроров и присяжных будут выступать перебежчики и убийцы, отказался бы, несмотря на вашу угрозу.

— Это не суд, сэр, — с холодной официальностью ответил Абель. — Профессор Юнц здесь для того, чтобы спасти сотрудника МПБ, как велит ему честь и долг. Я защищаю интересы Трантора

в столь непростое время. Совершенно очевидно, что Рик и есть пропавший пространственный аналитик. Мы можем немедленно покончить с этой проблемой, если вы согласитесь передать Рика профессору Юнцу для дальнейшего освидетельствования и опознания. Разумеется, нам потребуется ваша помощь в поиске преступника, ответственного за психозондирование. Кроме того, нам нужны гарантии, что подобное впредь не повторится в отношении работников службы, стоящей превыше региональной политики.

— Сколько громких слов! Абель, шила в мешке не утаишь, ваши планы мне совершенно ясны. Что произойдет после того, как я отдам вам этого человека? Склоняюсь к мысли, МПБ найдет именно то, что хочет найти. Бюро может сколько угодно заявлять о своей независимости, однако не секрет, что их годовой бюджет на две трети спонсируется Трантором. Сомневаюсь, что хоть один мало-мальски разумный наблюдатель сочтет Бюро по-настоящему нейтральной организацией. Выводы, которые они сделают в отношении этого человека, пойдут на руку имперским поползновениям Трантора. Какие именно выводы — спросите вы. Тоже очевидно. К этому человеку начнет «возвращаться память». День за днем

МПБ будет публиковать бюллетени о состоянии его здоровья. Он припомнит все новые и новые подробности. Сначала мое имя. Затем мое появление. Потом мои слова. Меня торжественно признают виновным. Последуют требования возместить убытки, Трантор окажется «просто вынужденным» временно оккупировать Сарк, однако нет ничего более постоянного, чем временное. Есть пределы, за которыми любой шантаж теряет силу, и вы, господин посол, таковых достигли. Если хотите получить этого человека, высылайте за ним военный флот.

— О применении силы речь пока не идет, — возразил Абель. — Тем не менее я заметил, что вы избегаете открыто опровергать подспудное обвинение, прозвучавшее в последних словах аналитика.

— Потому что не услышал обвинения, которое требовалось бы опровергать. Он вспомнил некое слово — вернее, он так утверждает. И что дальше?

— Считаете, это слово ничего не значит?

— Абсолютно. «Файф» — знаменитейшее имя на Сарке. Даже если допустить, что так называемый пространственный аналитик искренен, за целый год на Флорине он мог услышать его от кого угод-

но. Не говоря уже о том, что он прибыл на Сарк на корабле вместе с моей дочерью. Ничего странного, что мое имя возникло в его памяти. Между тем он может и врать. Тогда все его «воспоминания» — просто хорошо отрепетированный фарс.

Абелю нечего было возразить. Он поглядел на остальных. Насупленный Юнц молча потирал подбородок. Стин глупо ухмылялся, бормоча что-то себе под нос. Флориниански староста тупо созерцал свои коленки.

Заговорил Рик.

— Послушайте. — Он вырвался из объятий Валоны и встал.

Его лицо побледнело, во взгляде сквозила боль.

— Грядет еще одно откровение? — хмыкнул Файф.

— Послушайте, — продолжил Рик, — мы сидели за столом. В моем чае был какой-то наркотик. Мы ссорились — не помню, из-за чего. Потом я оцепенел и мог только сидеть и думать: «О, великий космос, меня опоили». Хотелось закричать, закричать и убежать, но тело не слушалось. Ко мне подошел тот, другой. Файф. Сначала он орал на меня, затем замолчал. Обогнул стол и навис надо мной. Я не мог ни говорить, ни шевелиться. Только глаза еще слушались.

Рик умолк.

— Второй человек был Файфом? — спросил Юнц.

— Так я запомнил.

— То есть это тот человек, который сейчас сидит за столом?

— Я не помню, как он выглядел. — Рик даже не повернулся, чтобы посмотреть на Файфа.

— Вы уверены?

— Я пытался вспомнить. Вы и представить себе не можете, до чего это тяжело! И больно! — выкрикнул он. — Словно в мозг вонзается раскаленная игла. Все глубже, глубже! — Рик обхватил голову руками.

— Знаю, вам тяжело, но вспомнить надо, — мягко сказал Юнц. — Неужели вы не понимаете? Посмотрите еще раз на этого человека! Взгляните ему в лицо!

Рик оглянулся на Файфа, минуту-другую смотрел на него, потом отвернулся.

— Ну? Вспомнили? — спросил Юнц.

— Нет!

— Ваш актер забыл свою роль? — сухо усмехнулся Файф. — Или вы надеетесь, что история станет более правдоподобной, если он «вспомнит» мое лицо в следующий раз?

— Я никогда прежде не встречался и не говорил с этим человеком! — вспылил Юнц. — Никаких заговоров за вашей спиной мы не плели, меня утомили ваши обвинения на сей счет. Я ищу только правду.

— В таком случае могу ли и я задать ему несколько вопросов?

— Валяйте.

— Благодарю за любезность. Рик, или как там тебя… — голос Файфа изменился: великий нобиль обращался к флориниану.

— Да, сэр. — Рик поднял взгляд.

— Говоришь, человек обошел стол и навис над тобой, пока ты сидел беспомощный и одурманенный?

— Да, сэр.

— И последнее, что ты помнишь, это то, как он склонился к тебе?

— Да, сэр.

— Ты же смотрел на него снизу вверх?

— Да, сэр.

— Сядь.

Рик подчинился.

Несколько секунд Файф сидел неподвижно. Его безгубый рот превратился в едва заметную щель, под щеками, синеватыми от пробивающейся

щетины, перекатывались желваки, подбородок выдался вперед. А потом великий нобиль соскользнул с кресла.

Именно соскользнул! На миг всем показалось, что он опустился на колени.

Затем Файф вышел из-за стола, и стало ясно, что он стоит на ногах.

У Юнца даже голова закружилась. Человек, казавшийся, когда сидел, статным и внушительным, внезапно превратился в жалкого карлика.

Уродливые ножки великого нобиля едва не подгибались под тяжестью мощного торса. Лицо Файфа побагровело, но взгляд хранил прежнее высокомерие.

Рик, глаза в глаза, следил за приближением Файфа.

— Так это я тогда подошел к тебе?

— Я же говорил, сэр, что не помню лица.

— Кто тебя спрашивает о лице? — Файф развел руки в стороны, обводя свое тело. — Можно ли забыть такое? Мою фигуру? Походку?

— Наверное, нет, сэр, — смущенно пробормотал Рик, — но я не уверен.

— Но ты же сидел и смотрел на него снизу вверх, а он стоял.

— Да, сэр.

— Он стоял над тобой, даже «возвышался», как ты выразился?

— Да, сэр.

— Это ты помнишь точно?

— Да, сэр.

Лица сидящего Рика и стоящего Файфа находились друг против друга.

— Я смотрю на тебя сверху вниз?

— Нет, сэр.

— Может быть, ты смотришь на меня снизу вверх?

— Нет, сэр.

— Могу я быть тем мужчиной?

— Нет, сэр.

— Однако ты продолжаешь утверждать, что вспомнил имя «Файф».

— Да, вспомнил, — не отступал Рик.

— Получается, тот человек воспользовался моим именем для маскировки?

— Н-ну, вероятно.

Файф развернулся, с неторопливым достоинством проковылял к креслу, вскарабкался на него и произнес:

— Став взрослым, я никому не позволял видеть себя в полный рост. Есть ли у вас еще какие-нибудь причины настаивать на продолжении этой

встречи?

Абель был одновременно смущен и раздражен. Разговор шел совершенно не так, как он планировал. На любой их довод у Файфа был готов ответ. В итоге нобиль представал чуть ли не оболганным мучеником: его шантажом принудили к встрече, оклеветали, а он с успехом отмел все обвинения.

Файф сделает все, чтобы именно его версия происходящего распространилась по галактике и стала превосходной антитранторской пропагандой. Ему даже врать особенно не придется.

Посол должен был во что бы то ни стало сократить негативные последствия. Психозондированный аналитик теперь бесполезен. Все, что он «вспомнит», будет вызывать только смех — неважно, насколько правдивы воспоминания. Его назовут инструментом транторского империализма, к тому же — сломанным.

Пока Абель размышлял, заговорил Юнц:

— У меня есть веская причина для продолжения встречи. Мы до сих пор не установили, кто виновен в психозондировании. Вы киваете на Стина, Стин — на вас. Предположим, вы оба ошибаетесь и оба невиновны, но факт остается фактом: вы считаете, что это сделал кто-то из великих нобилей. Кто же?

— А это имеет значение? — ответил Файф. — Что касается вас — насколько я понимаю, нет. Если бы не вмешательство Трантора и МПБ, вопрос уже был бы решен. Со временем я найду предателя. Не забудьте, он пытался монополизировать торговлю кыртом, и я этого так не оставлю. Когда виновный будет уличен, ваш сотрудник вернется к вам целым и невредимым. Это единственный разумный выход из ситуации, который я могу предложить.

— А что насчет преступника?

— Его судьба вас не касается.

— Нет, касается! — горячо возразил Юнц. — Дело не только в конкретном сотруднике. Речь о куда более важной проблеме. Странно, что вы о ней даже не упомянули. Рика психозондировали не потому, что он пространственный аналитик.

Абель не знал, к чему ведет Юнц, однако решил его поддержать.

— Полагаю, — сказал он, — профессор Юнц намекает на сообщение об опасности, посланное его сотрудником.

— Насколько мне известно, — пожал плечами Файф, — никого, включая профессора Юнца, за весь прошедший год оно не озаботило. Впрочем, ваш человек перед вами. Спросите его сами, если

хотите.

— Он же не сможет ответить, — сердито буркнул Юнц. — Психозондирование сказывается прежде всего на абстрактно-логических цепочках умозаключений, высшей форме интеллекта. Этот человек может так никогда и не восстановить профессиональную базу данных — дело всей своей жизни.

— О чем тогда мы говорим? — спросил Файф. — Ничего не поделаешь.

— Нет, поделать как раз можно. Есть некто, кто все знает. Тот, кто психозондировал аналитика. Сам он, скорее всего, ничего в пространственном анализе не смыслит и в деталях не разобрался, но он разговаривал с Риком, когда тот еще был в своем уме. Он знает достаточно, чтобы направить нас по верному следу. Иначе преступник не решился бы уничтожить единственный источник информации. Тем не менее еще раз, просто для проформы — вы что-нибудь помните, Рик?

— Только то, что имеется опасность, связанная с космическими течениями, — пробормотал тот.

— Даже если вы что-нибудь выясните, дальше что? Насколько достоверны поразительные теории, которые вечно выдумывают свихнувшиеся пространственные аналитики? Они полагают,

им открыты все тайны Вселенной, тогда как их помутившийся разум не в состоянии даже считать показания приборов.

— Может, и так. Вы боитесь, что я докопаюсь до правды?

— Я не желаю, чтобы поползли слухи, влияющие на торговлю кыртом, — неважно, правдивы они или нет. Вы не согласны, Абель?

Посол внутренне поморщился. Файф обстряпал все таким образом, что в любых перебоях в поставках кырта, вызванных государственным переворотом, обвинят Трантор. Однако Абель и сам был прекрасным игроком и, не моргнув глазом, поднял ставки.

— Нет, не согласен. Я советую вам всерьез прислушаться к профессору Юнцу.

— Спасибо, — ответил тот. — Итак, Файф, вы заявили, что преступнику пришлось убить врача, осматривавшего Рика. Следовательно, он приглядывал за аналитиком на Флорине.

— То есть?

— Должны остаться улики.

— Имеете в виду, что туземцы могли заметить наблюдателя?

— А почему нет?

— Вы не с Сарка, поэтому ваша ошибка прости-

тельна. Уверяю, туземцы знают свое место. Они не приближаются к нобилям, а если вынуждены приблизиться, то опускают глаза. Они ничего не заметили бы.

Юнца передернуло. Нобили так закоснели в своем деспотизме, что уже не стеснялись говорить о нем в открытую.

— Обычные, может, и не заметили бы, — ответил он. — Но у нас имеется не совсем обычный флориниан ец. Думаю, он уже доказал, что является кем угодно, только не забитым туземцем. Он пока не участвовал в дискуссии, и самое время задать ему несколько вопросов.

— Слова этого типа ничего не стоят, — возразил Файф. — Раз уж вы о нем заговорили, я вновь требую выдать его судебным органам Сарка.

— Позвольте я сначала с ним побеседую.

— Я тоже считаю, что задать ему кое-какие вопросы не повредит, Файф, — кротко добавил Абель. — Если он окажется несговорчивым или ненадежным свидетелем, мы рассмотрим вашу просьбу о выдаче.

Тиренс прекратил разглядывать свои руки и быстро поднял голову.

— Рик жил в вашем поселке с того самого дня, как вы его нашли? — спросил Юнц.

— Да.

— И все это время вы находились в поселке? В длительные командировки не отлучались?

— У старост не бывает командировок. Их работа — в поселке.

— Хорошо. Успокойтесь и не нервничайте. Я правильно понимаю, что в ваши обязанности входило знать обо всех посещающих поселок нобилях?

— Конечно.

— И часто они вас посещали?

— Раз или два, — пожал плечами Тиренс. — Рутинные проверки. Нобили не пачкают руки на кыртовых полях.

— Эй, побольше уважения! — рявкнул Файф.

— А ты меня заставь. — Тиренс взглянул прямо в глаза великому нобилю.

— Пусть Юнц с ним беседует, — мягко остановил Файфа Абель. — Мы же останемся зрителями.

У Юнца потеплело на душе от смелости старосты, но он тем не менее сказал:

— Пожалуйста, отвечайте только на мои вопросы, без комментариев. Кто именно из нобилей посещал ваш поселок за последний год?

— Мне-то откуда знать? — раздраженно буркнул Тиренс. — Я не могу ответить на ваш вопрос.

Нобили — это нобили, а туземцы — это туземцы. Я, конечно, староста, но для них все равно туземец и не ходил к воротам спрашивать их имена. Мне просто передавали письмо, на котором значилось «Старосте». В нем говорилось, что в такой-то и такой-то день прибудет инспекция и я обязан принять надлежащие меры. Проследить, чтобы жители надели самые красивые одежды, чтобы на фабрике было чисто и отсутствовали поломки, чтобы запасы кырта радовали глаз, а люди выглядели довольными и счастливыми. Дома следовало привести в порядок, улицы патрулировать, а под рукой держать несколько человек на случай, если нобилю захочется посмотреть какой-нибудь экзотический туземный танец, и парочку симпатичных де…

— Это неважно, староста, — перебил его Юнц.

— Для вас — неважно, для меня — важно.

После встреч с флориниански чиновниками из госслужбы Юнц обнаружил, что беседа со старостой — настоящий глоток свежего воздуха. Он решил обязательно воспользоваться влиянием МПБ, чтобы не допустить выдачи Сарку этого человека.

— Как бы там ни было, такова была моя роль, — продолжил Тиренс, немного успокоившись. —

Когда приезжала инспекция, я стоял в шеренге вместе с другими. Я не знаю, кем были те нобили, я с ними не разговаривал.

— Не приходила ли подобная инспекция в течение недели до убийства врача? Полагаю, вы помните, когда его убили?

— Слышал в новостях. Нет, никакой инспекции в это время не припоминаю. Хотя и поклясться не могу.

— Кому принадлежат ваши земли?

— Файфу. — Рот Тиренса скривился.

— Нет, право слово! — вскричал вдруг Стин. — Юнц, своими вопросами вы играете на руку Файфу. Неужели не видите, что это ни к чему не приведет? Или вы думаете, что, если бы Файф хотел проследить за этим несчастным, он взял бы на себя труд лично лететь на Флорину? А на что тогда патрульные? Ну, право же слово!

— В случае, когда от разума одного человека зависит галактическая экономика и, вероятно, физическое существование целой планеты, я бы на месте преступника не полагался на патрульных, — несколько сконфуженно парировал Юнц.

— Даже если этот разум фактически уничтожен? — заметил Файф.

Абель оттопырил нижнюю губу и нахмурился.

Похоже, нобиль перехватывал инициативу в игре.

— Может быть, в поселке вертелся какой-нибудь конкретный патрульный? — нерешительно продолжил Юнц.

— Понятия не имею. В своих мундирах они все на одно лицо.

Профессор внезапно повернулся к Валоне. За секунду до этого она вдруг дернулась и побледнела, ее зрачки испуганно расширились, что не ускользнуло от внимания Юнца.

— А как насчет тебя, девочка?

Валона молча помотала головой.

«Ну, вот и все, — мрачно подумал Абель, — игра окончена».

Однако Валона, дрожа, уже поднималась на ноги.

— Я хочу кой-чего сказать, — еле слышно выдавила она.

— Говори, дитя, — подбодрил ее Юнц. — Что ты хочешь нам сказать?

— Я простая девчонка с ткацкой фабрики, — сдавленно проговорила Валона, ломая пальцы, на ее лице застыл страх. — Прошу вас, не сердитесь на меня. Я вот чего подумала. Мой Рик, он очень важный, да? Важный-преважный?

— Он был очень, очень важен для нас, — ласково ответил Юнц. — И, надеюсь, таковым остается.

— Значит, все, как вы сказали. Значит, тот, кто отправил его на Флорину, глаз бы с него не спустил ни на минуточку. А как же иначе? Ведь Рика и бригадир на фабрике мог избить, и дети камнями забросать. Или он заболел бы и умер. И в поля его отправлять было нельзя, станет ему плохо — и все, никто его не найдет, пока он не умрет. Злодеи не стали бы полагаться на удачу. — Валона осмелела и говорила довольно связно.

— Продолжай, девочка. — Юнц не сводил с нее глаз.

— Есть только один человек, который приглядывал за Риком с самого начала. Он нашел его в поле, проследил, чтобы я о нем позаботилась, охранял и справлялся о нем каждый день. Он и про доктора знал, ведь я сама ему и рассказала. Это он! Это был он! — закричала она, указывая пальцем на Мирлина Тиренса.

На сей раз даже Файфу изменила его каменная выдержка. Руки уперлись в стол, приподнимая массивное тело. Он в упор уставился на старосту.

Глава 18. Победители

Все словно онемели. Даже Рик только и мог, что недоверчиво переводить взгляд с Валоны на Тиренса и обратно.

Потом Стин визгливо захохотал, и оцепенение спало:

— Верю! Право слово, верю! Я вам давно твержу, что Файф платит кому-то из туземцев. Убедились, каков фрукт? Он платил туземцу, чтобы тот…

— Это чудовищная ложь.

Слова принадлежали не Файфу, а старосте, с горящими глазами вскочившему с места.

— Что именно? — поинтересовался Абель, выглядевший здесь самым спокойным.

Тиренс непонимающе посмотрел на него, потом, запинаясь, произнес:

— То, что сказал нобиль. Я не брал саркских денег.

— А то, что сказала девушка?

— Это правда, — Тиренс облизал пересохшие губы. — Я применил к аналитику психозондирование. Только не надо на меня так смотреть, Лона, — торопливо добавил он. — Я не хотел ему

навредить, не хотел, чтобы все так обернулось. — Староста рухнул в кресло.

— Ваша затея, Абель? — подал голос Файф. — Не знаю, что вы задумали, но последнее преступление никак не может входить в репертуар данного преступника. Лишь великие нобили обладают соответствующими знаниями и возможностями. Или этим самооговором старосты вы пытаетесь выгородить Стина?

— Я и с Трантора денег не брал, — сказал Тиренс, сжав кулаки и подавшись вперед.

Файф не обратил на него внимания.

Последним пришел в себя Юнц. Он с трудом смирился с мыслью, что старосты нет с ними, что он где-то в другой комнате посольства, а Юнц видит лишь его образ, не более реальный, чем образ Файфа, находившегося в двадцати милях. Профессору же так хотелось ободряюще похлопать старосту по плечу, поговорить с ним наедине… Вместо этого он сказал:

— Прежде чем пускаться в споры, давайте выслушаем старосту и узнаем подробности дела. Если он и есть тот, кто психозондировал аналитика, нам потребуются все обстоятельства. Если же не он, то детали его выдадут.

— Хотите знать, как все было? — закричал Ти-

ренс. — Хорошо, я расскажу. Что толку теперь скрывать? Меня ждет либо Сарк, либо Трантор. Космос с ними, зато, облегчив душу, я, может быть, кое-что предам огласке.

Староста с презрением показал на Файфа.

— Перед вами — великий нобиль. «Лишь великие нобили, — говорит нам великий нобиль, — обладают соответствующими знаниями и возможностями». И он в это верит. Но что такого он знает? Что вообще знает любой из саркцев? Они не управляют своим государством. Это делают флориниане. Флориниан ская госслужба! Мы пишем бумаги, изучаем бумаги, оформляем бумаги. А именно бумаги управляют Сарком. Да, многие из нас чересчур забиты, даже не пискнем, но знаете ли вы, что бы мы сделали под самым носом у треклятых нобилей, если бы захотели? Вы в этом только что убедились. Год назад, в рамках программы своего обучения, я служил временным диспетчером космопорта. Это отражено в документах. Правда, вам придется хорошенько в них порыться, поскольку официально на этом месте работал саркец. Должность принадлежала ему, а работал за него я. Мое имя вы найдете в списке, озаглавленном «Туземный персонал». Хотя ни один саркец, разумеется, туда не загля-

дывал, дабы не марать свой взор. Когда местное отделение МПБ переслало нам сообщение пространственного аналитика вместе с советом отправить в космопорт карету «Скорой помощи», сообщение принял я. И передал его дальше по инстанции, за исключением той части, в которой говорилось о гибели Флорины. Я встретил пространственного аналитика в небольшом пригородном космопорте. Это было несложно. Все нити управления сосредоточились в моих руках. Не забывайте, я работал на госслужбе. Великому нобилю, решившему проделать то, что проделал я, пришлось бы отдавать приказы какому-нибудь флориниану, чтобы тот сделал все за него. Мне же ничья помощь не требовалась. Хватило и знаний, и возможностей. Встретив аналитика, я спрятал его от МПБ и от Сарка. Вытянул из него столько информации, сколько смог, надеясь использовать сведения против Сарка и во благо Флорины.

— Так это ты отправил нам те письма? — не сдержался Файф.

— Да, это был я, «о, великий нобиль», — спокойно ответил Тиренс. — Я надеялся захватить контроль над большей частью кыртовых полей, чтобы на своих условиях заключить сделку с

Трантором и изгнать вас с планеты.

— Да ты с ума сошел!

— Может быть. В любом случае это не сработало. Пространственному аналитику я представился нобилем Файфом. Он знал, что Файф — самая крупная «шишка» на Сарке, и говорил охотно. Мне хотелось смеяться, ведь он считал, будто Файфа беспокоит судьба жителей Флорины. К сожалению, он оказался менее терпелив, чем я. Настаивал, что промедление смерти подобно, тогда как осуществление моих планов требовало времени. Поняв, что не смогу больше его удерживать, я решил воспользоваться психозондом и раздобыл один прибор. Я видел, как им пользуются в больницах, и кое-что знал. Увы, недостаточно. Я настроил зонд так, чтобы стереть тревожность с поверхностных слоев разума, это простая операция. До сих пор не понимаю, почему все пошло наперекосяк. Наверное, тревожность слишком глубоко въелась в его мозги, и зонд проникал все глубже, уничтожая заодно и большую часть сознания. В итоге у меня на руках оказался бессмысленный «овощ». Прости меня, Рик.

— Вам не следовало так поступать со мной, староста, — грустно сказал Рик, слушавший его, не пропуская ни единого слова. — Хотя я догады-

ваюсь, что вы чувствовали.

— Конечно, — кивнул Тиренс, — ведь ты прожил на Флорине целый год. Знаешь о патрульных и нобилях, о разнице между Нижним городом и Верхним. Итак, мой аналитик сделался совершенно беспомощным. Нельзя было допустить, чтобы ученого обнаружили те, кто мог его опознать. Убить его я тоже не мог. Я был уверен, что память к нему вернется. Я нуждался в дополнительных сведениях, не говоря о том, что убить пространственного аналитика означало настроить против себя Трантор и МПБ, которые мне, в конце концов, должны были понадобиться. Кроме того, в то время я еще не мог поднять руку на человека. Я устроил все так, чтобы меня назначили старостой на Флорину, и захватил аналитика с собой, раздобыв ему поддельные документы. Когда в поле «нашли» Рика, приставил к нему Валону. Опасность подстерегла меня лишь однажды, когда она отвезла Рика к врачу. Пришлось вмешаться в работу энергостанции Верхнего города. Ничего невозможного, кстати. Инженерами там саркцы, зато вахтерами — флоринианцы. На Сарке я узнал достаточно об энергетике, чтобы понять, как закоротить линию энергопередачи. Потребовалось три дня, чтобы выбрать подходящее время

и устроить аварию. Жаль, что я не подозревал о копиях историй болезни, хранившихся в Верхнем городе. — Тиренс бросил взгляд на хронометр Файфа. — Сто часов назад — хотя мне кажется, прошло сто лет — к Рику вновь начали возвращаться воспоминания. И теперь вы знаете все.

— Нет, не все, — запротестовал Юнц. — Мне нужны подробности сообщения о гибели планеты.

— Полагаете, я мог вникнуть в детали того, что говорил аналитик? К тому же, без обид, Рик, все это было каким-то бредом.

— Нет, не было, — вскипел Рик. — Не могло им быть.

— Где корабль моего сотрудника? — спросил Юнц.

— На свалке, — просто ответил Тиренс. — Я сам написал приказ, а мой начальник не глядя его подмахнул. Саркцы никогда не читают то, что подписывают. Так что вопросов не возникло.

— А как же бумаги Рика? Он ведь показывал вам свои расчеты!

— Отдайте старосту нам, — сказал Файф, — и мы вытрясем из него все, что требуется.

— Нет, — возразил Юнц. — Первое преступление он совершил против МПБ, когда похитил

нашего сотрудника и повредил его мозг. Он наш.

— Юнц прав, — кивнул Абель.

— А теперь послушайте меня, — произнес Тиренс. — Если вы не гарантируете мне защиту, больше я не скажу ни слова. Я один знаю, где бумаги Рика. Они там, где их не найдет ни Трантор, ни Сарк. Хотите получить их? Дайте мне статус политического беженца. Все, что я делал, я делал из патриотизма, во имя своей планеты. Граждане Сарка и Трантора считают себя патриотами, почему бы и флориниану им не быть?

— Господин посол, — сказал Юнц, — уже пообещал отдать вас МПБ. Заверяю, что вы никогда не вернетесь на Сарк. За ваше преступление против нашего сотрудника вас будут судить. Я не поручусь за исход, однако если вы не откажетесь сотрудничать со следствием, это зачтется в вашу пользу.

Тиренс пытливо посмотрел на Юнца, затем сказал:

— Хорошо, положусь на вас, профессор… Согласно расчетам пространственного аналитика, солнце Флорины находится на стадии превращения в новую звезду.

— Что?! — хором вскричали все, кроме Валоны.

— Собирается взорваться, — сардонически хмыкнул Тиренс. — Ба-бах! И когда это случится, Флорина испарится, как облачко сигаретного дыма.

— Я, конечно, не пространственный аналитик, — начал Абель, — но слышал, что предсказать взрыв звезды невозможно.

— Верно. По крайней мере, так считается, — кивнул Юнц. — Рик что-нибудь говорил о том, как сделал свой вывод?

— Думаю, это имеется в его бумагах. Я помню, он все твердил об углеродном течении.

— О чем?

— Ну, он повторял: «Углеродное космическое течение», «углеродное течение». И добавлял что-то вроде «каталитический эффект». Это все.

Стин хихикнул, Файф нахмурился. Какое-то время Юнц молча смотрел перед собой, потом очнулся и, пробормотав «Извините, я сейчас», вышел за пределы куба.

Вернувшись через пятнадцать минут, он с удивлением оглядел кабинет, в котором находились только Абель и Файф.

— А где… — начал он, но Абель его перебил:

— Ждали лишь вас, профессор. Аналитик и девушка уже на пути в посольство. Встреча за-

кончилась.

— Закончилась?! О, великий космос, мы же едва начали! Я должен объяснить, как возникает новая звезда.

— Нет нужды, профессор. — Абель беспокойно заерзал в кресле.

— Напротив, это совершенно необходимо! Дайте мне пять минут.

— Пусть говорит, — с улыбкой предложил Файф.

— Тогда начнем с азов. В самых ранних научных трудах галактической цивилизации уже отмечалось, что звезды черпают свою энергию из внутренних ядерных процессов. Учитывая то, что мы знали о недрах звезд, были известны два, и только два, типа ядерных реакций, способных дать необходимую энергию. Оба типа связаны с превращением водорода в гелий. Первая реакция — непосредственная: два ядра водорода и два дейтрона сливаются, превращаясь в ядро гелия. Вторая реакция — опосредованная, она проходит в несколько этапов, последний из которых также завершается образованием гелия из водорода, однако в ее промежуточных стадиях задействованы ядра углерода. Сам углерод не используется, но образуется по мере течения реакций. Ни-

чтожного количества углерода достаточно для преобразования огромных масс водорода в гелий. Иными словами, углерод выступает в качестве катализатора. Все это известно еще с доисторических времен, когда человечество ютилось на одной-единственной планетке, — если легенды не врут.

— Если это всем известно, — прервал его Файф, — то, по-моему, вы впустую тратите наше время.

— Но больше нам ничего не известно. Мы до сих пор не знаем, происходит ли в звездах первая реакция, вторая или обе сразу. Мнения на этот счет разнятся. В целом ученые склоняются в пользу более простого непосредственного превращения водорода в гелий. Теперь — что касается теории Рика. Непосредственное водородно-гелиевое превращение — есть нормальный источник звездной энергии, однако в некоторых условиях углеродный катализ ускоряет процесс и разогревает звезду — так сказать, подбрасывает в «топку» звезды слишком много «угля». В космосе имеются течения, вы, надеюсь, об этом слышали. Некоторые из них — углеродные. Звезды, проходя сквозь эти потоки, захватывают множество атомов. Общая масса захваченных атомов нево-

образимо мала по сравнению с массой звезды и влияния не оказывает. Если бы только речь не шла об углероде! Звезда, прошедшая сквозь углеродный поток, становится нестабильной. Я не знаю, сколько сотен или миллионов лет требуется, чтобы атомы углерода диффундировали в недра звезды. Вероятно, немало. Это означает, что опасное углеродное течение должно быть широким, а звезда должна пересекать его под острым углом. Как только количество углерода, проникшего внутрь звезды, достигает критического уровня, ее излучение резко возрастает. Поверхность звезды взрывается, и мы получаем нову. Я понятно объяснил?

Юнц замолчал, ожидая ответа.

— И все это вы сообразили за несколько минут, услышав невнятные слова старосты, которые тот, в свою очередь, услышал год назад от аналитика? — наконец спросил Файф.

— Да-да, а что тут удивительного? Пространственный анализ готов к такой теории. Если бы это не открыл Рик, то очень скоро сделал бы кто-нибудь другой. Подобные гипотезы уже выдвигались, хотя и не принимались всерьез. В те времена еще не были разработаны методы и технические средства пространственного анализа,

никто не мог объяснить, откуда в звезде берется избыточный углерод. Однако теперь мы знаем о существовании углеродных течений. Можем проложить их курсы, посмотреть, какие звезды за последние десять тысяч лет их пересекали, сравнить с предыдущими образованиями новых звезд и изменениями излучения. Думаю, это и проделал Рик. Должно быть, он пытался показать старосте свои расчеты и наблюдения. Но все мои рассуждения сейчас к делу не относятся. Надо немедленно начинать эвакуацию населения Флорины.

— Я подозревал, что вы об этом заговорите, — сдержанно произнес Файф.

— Простите меня, Юнц, — сказал Абель, — но это невозможно.

— Почему?

— Когда взорвется солнце Флорины?

— Не знаю. Судя по тому, как год назад нервничал Рик, довольно скоро.

— То есть точной даты вы назвать не можете?

— Разумеется, нет.

— А когда сможете?

— Сложно сказать. Даже если мы вернем записи Рика, потребуется еще все перепроверить.

— Можете ли вы сейчас гарантировать, что

теория окажется верной?

— Лично я в этом абсолютно убежден, — Юнц нахмурился, — но ни один ученый не может навскидку гарантировать истинность какой-либо теории.

— Следовательно, вы требуете эвакуации Флорины, основываясь лишь на умозрительных заключениях?

— Думаю, население целой планеты — это не то, чем можно рисковать.

— Если бы Флорина была обыкновенной планетой, я бы с вами согласился. Но она обеспечивает кыртом всю галактику. Эвакуация невозможна.

— Вы что, сговорились с Файфом, пока меня не было? — сердито спросил Юнц.

— Давайте теперь я попробую кое-что вам объяснить, профессор, — сказал нобиль. — Правительство Сарка никогда не согласится на эвакуацию Флорины, даже если у МПБ будут железные доказательства истинности теории. И Трантор нас не заставит. Галактика может вступить в войну с Сарком, если ее цель — не допустить срывов поставок кырта, но никто не станет воевать за прекращение его производства.

— Все так, — кивнул Абель. — Нас в такой войне не поддержат.

Юнц почувствовал нарастающее в душе отвращение. Потребности экономики перевешивали ценность населения целой планеты!

— Послушайте, что я вам скажу. Это касается не одной Флорины, а всей галактики. Сейчас в галактике каждый год вспыхивают двадцать новых звезд. Кроме того, из сотни миллиардов звезд около двух тысяч меняют свой радиационный фон, что делает жизнь на их планетах невозможной. Человечество заселило примерно один миллион звездных систем. Это означает, что раз в пятьдесят лет какая-нибудь планета становится слишком горячей, чтобы там можно было жить. Такие случаи известны. И каждые пятьдесят тысяч лет одна из обитаемых планет имеет пятидесятипроцентную вероятность испариться при взрыве новой. Если Трантор самоустранится, если он позволит людям Флорины погибнуть, это послужит предупреждением всем остальным: пусть не ждут помощи, когда придет их черед, ведь ради этого придется поступиться интересами нескольких «денежных мешков». Вы готовы пойти на такой риск, Абель? И напротив. Если поможете Флорине, покажете всем, что Трантор ценит людские жизни превыше прав собственности. Сделав доброе дело, вы добьетесь того, чего

никогда бы не добились силой.

Абель склонил голову, потом устало пожал плечами:

— Нет, Юнц. Ваши слова трогают мое сердце, но все это нерационально. Я не могу полагаться на эмоции, тогда как политические последствия прекращения торговли кыртом очевидны. На мой вкус, разумнее всего было бы положить теорию Рика под сукно. Правда принесет чересчур много вреда.

— Но что, если теория верна?

— Мы должны исходить из предположения, что она ошибочна. Вы ведь связывались с МПБ, когда выходили?

— Да.

— Ладно, неважно. Трантор достаточно влиятелен, чтобы прекратить ваши исследования.

— Сомневаюсь. Только не такие исследования. Господа, вскоре секрет кырта будет раскрыт. Он станет дешев, и монополии Сарка придет конец, неважно, взорвется новая звезда или нет.

— Что вы имеете в виду?

— Мы подошли к важному моменту, Файф. Кырт растет кыртом только на Флорине. Сколько ни сей на всех прочих обитаемых планетах, получается обыкновенная целлюлоза. Флорина при

этом — единственная обитаемая планета, солнце которой находится в стадии, предшествующей превращению в новую, вероятно, с тех самых пор как вошла в углеродное течение. Может быть, это длится уже тысячи лет, если угол пересечения мал. Очевидно, кырт и состояние солнца взаимосвязаны.

— Чушь! — рявкнул Файф.

— Да неужели? Должна же быть причина, по которой кырт растет кыртом лишь на Флорине, а на всех остальных дает целлюлозу. Ученые испробовали множество способов искусственного выращивания кырта, но они действовали вслепую и поэтому потерпели неудачу. Теперь они узнают, что все обусловлено факторами, порожденными предвзрывным состоянием звездной системы.

— Они же пытались воспроизвести спектр солнечного излучения, — скривился Файф.

— Да — с помощью дуговых ламп, которые дают только видимый и ультрафиолетовый спектр. А как же инфракрасное излучение? Не говоря уже о прочем: магнитных полях, электронной эмиссии, влиянии космических лучей? Я не физик-биохимик, так что могут существовать факторы, о которых я понятия не имею. Ничего, настоящие

физики-биохимики со всей галактики их найдут. Уверяю вас, через год задача будет решена. Экономика встанет на сторону человечества. Галактика жаждет дешевого кырта. Как только люди узнают или хотя бы поверят, что вскоре он появится, они тут же захотят спасти жителей Флорины. Не только из сострадания, но и из желания отыграться за века саркской кыртовой монополии.

— Блеф! — зарычал Файф.

— Абель, вы тоже считаете, я блефую? — требовательно спросил Юнц. — Если Трантор встанет на сторону нобилей, он будет выглядеть не спасителем торговли кыртом, а спасителем монополии кырта. Рискнете?

— А может ли Трантор пойти на риск развязывания войны? — вскричал Файф.

— Войны? Чепуха! Взорвется солнце или нет, через год ваши холдинги на Флорине разорятся. Продавайте их, Файф. Продавайте все, продавайте Флорину — Трантор купит.

— Купит целую планету? — не поверил своим ушам Абель.

— Почему бы и нет? Денежки у вас имеются, а благожелательное отношение людей всей галактики тысячекратно окупит вложение. Если спасение миллионов жизней покажется им

недостаточным, скажите, что принесете миру дешевый кырт. Это поможет.

— Я подумаю, — сказал Абель и посмотрел на Файфа.

Нобиль опустил взгляд. После долгого молчания он произнес:

— Я тоже подумаю.

— Поторопитесь. — Юнц хрипло засмеялся. — Вся эта история с кыртом скоро получит огласку, вам ее не замолчать. После чего вы утратите свободу действий. Пока же у вас сохраняется возможность на более выгодную сделку.

Тиренс выглядел совершенно оглушенным.

— Это правда? — повторял он. — Неужели это правда? Неужели Флорина погибнет?

— Правда, — ответил Юнц.

Тиренс развел руками и бессильно их уронил.

— Насчет бумаг Рика. Я спрятал их среди бумаг по демографической статистике у себя дома. Засунул в архивы столетней давности. Там никому бы не пришло в голову искать.

— Послушайте, — сказал Юнц, — я уверен, мы сможем заключить договор с МПБ. Нам понадобится человек, хорошо знающий местное население, который поможет все им растолковать, организовать эвакуацию, подобрать новые

планеты для расселения беженцев. Хотите помочь?

— И переиграть всех, вы это имеете в виду? Уйти от наказания за убийство? Почему бы и нет? — В глазах старосты стояли слезы. — Но я все равно останусь в проигрыше. У меня не будет родины, не будет дома. Мы все — проигравшие. Флориниане потеряют планету, Сарк — свое богатство, Трантор — шанс этим богатством завладеть. Победителей не будет.

— Если не считать победителями население обновленной галактики, — мягко возразил Юнц. — Галактики, свободной от угрозы звездной нестабильности, галактики, где кырт станет доступен всем, а мы вплотную приблизимся к политическому единству. Целый квадриллион[3] победителей. Люди всей галактики — вот кто победит.

---

[3] Примечания: 3

Квадриллион — единица с пятнадцатью нулями (Прим. ред.).

Эпилог. Год спустя

— Рик! Рик! — Селим Юнц, раскинув объятия, торопливо шагал к приземлившемуся кораблю. — И Лона тут! Ни за что бы не узнал вас обоих. Ну, как вы? Как дела?

— Лучше и пожелать нельзя. Вижу, до вас дошло наше письмо, — сказал Рик.

— Еще бы. Ну, что вы обо всем этом думаете?

Втроем они направились в офис Юнца.

— Этим утром мы побывали в нашем старом поселке, — грустно ответила Валона. — Поля совсем опустели.

Она теперь одевалась как жительница империи, а не крестьянка с Флорины.

— Понимаю, безрадостное зрелище для того, кто там жил. Оно навевает тоску даже на меня, но я все-таки останусь здесь до последнего. Регистрация излучения флоринианского солнца представляет огромный научный интерес.

— За год удалось переправить столько людей! Организация просто великолепна!

— Стараемся, как можем, Рик. Ох, извини, наверное, лучше бы звать тебя твоим настоящим

именем?

— Пожалуйста, не надо. Я сам им никогда не пользуюсь. Я — Рик. Это все еще единственное имя, которое я помню.

— Вы уже решили, возвращаетесь в пространственный анализ или нет?

— Решил. Мой ответ — нет. — Рик покачал головой. — Я никогда не восстановлю в памяти все, что нужно. Эта часть моей жизни ушла навсегда. Давайте не будем об этом. Я вернусь на Землю… Кстати, я очень надеялся повидать старосту.

— Не получится. Он сегодня уехал. Думаю, ему как раз очень не хотелось с вами встречаться. Он подавлен чувством вины. Вы не держите на него зла?

— Нет. Он ведь хотел как лучше. К тому же моя жизнь действительно изменилась в положительную сторону. Например, я встретил Лону. — Рик обнял девушку за плечи, и та посмотрела на него с улыбкой. — Кроме того, он в каком-то смысле меня излечил. Я вспомнил, почему стал пространственным аналитиком. И почему треть аналитиков — уроженцы Земли. Если ты родился на радиоактивной планете, то растешь в страхе и неуверенности. Любая ошибка может оказаться смертельной, а сама поверхность планеты — твой

главный враг. В нас глубоко укореняется некая тревожность, Юнц, мы боимся планет и счастливы только в космосе. Лишь там мы чувствуем себя в безопасности.

— А теперь тревожность прошла, да, Рик?

— Абсолютно. Не помню, чтобы когда-нибудь чувствовал себя настолько спокойно. Вот так-то. Староста настроил психозонд, чтобы убрать тревожность, но не потрудился отрегулировать интенсивность. Ведь он полагал, что имеет дело с простой, поверхностной проблемой. Вместо этого зонд обнаружил глубинный, застарелый комплекс и избавил меня от него. В каком-то смысле оно того стоило, хотя вместе с тревогой потеряно многое другое. Больше мне не нужно оставаться в космосе. Я могу вернуться на Землю и работать там. Земле нужны люди — и всегда будут нужны.

— Рик, а почему бы нам не сделать для населения Земли то, что мы делаем для Флорины? — спросил Юнц. — Зачем землянам жить в страхе и неуверенности? Галактика велика.

— Нет! — с напором воскликнул Рик. — Здесь иной случай. У Земли есть прошлое, Юнц. Мало кто верит, но мы-то знаем, что Земля — это колыбель человечества.

— Ну, может быть. Так это или нет — лично я настаивать не берусь.

— Это так. Нашу планету нельзя покидать ни в коем случае. Когда-нибудь мы изменим ее, вернем ей истинный вид. А до тех пор… До тех пор мы останемся.

— Я теперь тоже землянка, — тихо сказала Валона.

Рик посмотрел вдаль. Верхний город светился как всегда, вот только больше там никто не жил.

— Сколько человек уже покинуло Флорину? — спросил он.

— Около двадцати миллионов. Чем дальше, тем медленнее продвигается работа. Эвакуация должна проходить сбалансированно, а люди должны как-то поддерживать хозяйство — пусть даже осталось всего несколько месяцев. Переселенцы пока в основном находятся во временных лагерях на других планетах. Это — неизбежные трудности.

— Когда Флорину покинет последний человек?

— Никогда.

— То есть?

— Староста в неофициальном порядке попросил разрешения остаться. И ему разрешили. Тоже неофициально. Огласке это предавать не будут.

— Хочет остаться? — изумленно спросил Рик. — О, великий космос, но зачем?

— Я не знаю, — ответил Юнц. — Думаю, что его объяснения будут сродни вашим. Он чувствует то же, что земляне. Говорит, ему невыносима сама мысль, что Флорина умрет в одиночестве.